ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

ѲЕОФАНЪ

Затворникъ Вышенскій.

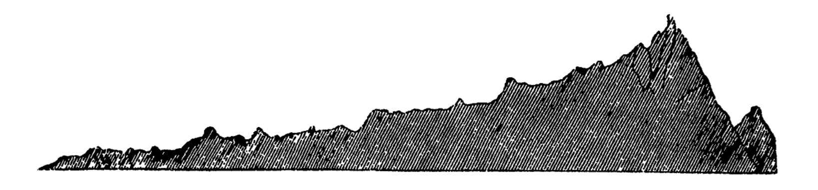

Прот. М. І. Хитровъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.

1905.

Преосвященный Θеофанъ затворникъ Вышенскій.

Еще такъ недавно скончался великій Оптинскій старецъ іеросхимонахъ «Батюшка» Амвросій, и вотъ новая тяжкая утрата: 6 января 1894 года преставился преосвященный Θеофанъ, великій молитвенникъ и затворникъ.

Всѣ, кто только зналъ о почившемъ святителѣ,—для кого онъ былъ незамѣнимымъ руководителемъ, кто обязанъ былъ ему сокровищами ума и сердца, кто находилъ у него утѣшеніе въ скорбяхъ, ободреніе и помощь въ подвигѣ жизни — а таковыхъ много, много на св. Руси... всѣ они глубоко чувствуютъ теперь свое сиротство, свою незамѣнимую потерю. Но это—не обычная скорбь, которая бываетъ у людей при утратѣ дорогаго человѣка, котораго всегда видѣли и не увидятъ болѣе, къ которому такъ привыкли. Огромное большинство тѣхъ, кто зналъ и глубоко чтилъ почившаго святителя, никогда не видали его при жизни. Поэтому и скорбь ихъ особаго рода. Она не выражается воплями о разлукѣ, а глубоко ложится на душѣ, затрогивая самыя сокровенныя движенія сердца, проникая до тайниковъ духовной жизни, до той области духа, для которой почившій именно и былъ необходимъ, какъ великій наставникъ, какъ яркій свѣточъ, горѣвшій яркимъ, всеозаряющимъ свѣтомъ среди возникавшихъ внутреннихъ смутъ, среди мглы колебаній и сомнѣній, какъ мощный помощникъ въ борьбѣ съ внѣшними, а главное — внутренними невзгодами. Да растворится эта скорбь у всѣхъ, кто живо чувствуетъ свою утрату, великимъ утѣшеніемъ,

что почившій отошелъ туда, куда давно уже всецѣло устремлена была его душа, достигъ того, чего такъ пламенно желалъ при жизни. Давно уже онъ въ своемъ «затворѣ» скрылся отъ очей міра, хотя и горячо любилъ людей, давно уже стоялъ надъ той таинственной гранью, что раздѣляетъ видимое отъ невидимаго, земное отъ небеснаго.

Не только тѣ, кто непосредственно отъ самаго почившаго святителя получали духовную помощь, — но и весь православный міръ и всѣ истинно-русскіе люди глубоко почувствовали значеніе событія: Вышенская обитель, гдѣ подвизался святитель, благодаря ему, сдѣлалась источникомъ яркаго духовнаго свѣта,—того истиннаго просвѣщенія, которое безконечно выше всѣхъ знаній, пріобрѣтаемыхъ въ высшихъ школахъ науки, потому что оно возвышаетъ самыя знанія, могущественно дѣйствуетъ на всѣ стороны духа, укрѣпляя силы, потому что исходитъ не отъ одного ума, но и отъ глубоко чувствующаго сердца. Да, угасъ великій свѣтильникъ, ярко озарившій своими богомудрыми писаніями ту область вѣдѣнія, которая составляетъ единое на потребу, въ которомъ «воистину воплотился весь духъ православія и еще разъ дивно сказалась его вѣчно-юная жизненная сила».

И не для православнаго міра жизнь почившаго святителя составляетъ глубоко знаменательное и поучительное явленіе. Давно мы слышимъ толки объ упадкѣ христіанства въ современномъ мірѣ, объ оскудѣніи идеаловъ, объ измельчаніи жизни. Слышатся уже и другія горделивыя рѣчи: время—де вѣры прошло, настало время науки, настало время вооруженной знаніемъ работы на благо человѣчества, на устроеніе его матеріальной жизни, безъ всякой мысли о будущей. Уже виднѣются намъ и горькіе плоды такого пренебреженія высшими, духовными стремленіями: погрузившись въ матерію, заблудшіе въ этой пресловутой борьбѣ за существованіе, за матеріальныя блага, объявляютъ войну всему современ-

ному строю общества, не стѣсняясь никакими нравственными требованіями, руководясь исключительно матеріальными, звѣрскими инстинктами... И вотъ среди насъ, въ концѣ пресловутаго девятнадцатаго вѣка, является «богатырь духа», исполненный высшими нравственными силами, который и своимъ сильнымъ словомъ и поразительнымъ подвигомъ цѣлой жизни свидѣтельствуетъ о непобѣдимой силѣ христіанства, абсолютномъ достоинствѣ его требованій, ярко раскрывающій передъ нами дивную красоту и неистощимыя богатства этого единственно цѣннаго сокровища—истинно-христіанской жизни. Благодареніе Всевышнему, воздвигающему великихъ наставниковъ во время благопотребное!.. И невольно тѣснится въ голову сравненіе настоящаго съ давно минувшимъ: такъ же, какъ теперь, въ концѣ прошедшаго вѣка, когда проповѣдь матеріализма, заразивъ лучшія головы въ Европѣ, проникла и въ наше отечество,—отрекшись отъ міра, въ тиши уединенія, великій святитель Христовъ, св. Тихонъ писалъ свои вдохновенныя сочиненія «о духовной мудрости», о «слѣпотѣ человѣческой», о «суетномъ и прелестномъ украшеніи», о «презрѣніи и отрицаніи міра», «о любви Божіей»!... Счастлива, благословенна Богомъ страна, произращающая столь дивные плоды, воистину божественно духовное сѣмя, такъ мощно раскрывающее въ нихъ свои силы!!.

Однако, въ настоящее время было бы еще преждевременно распространяться о всестороннемъ значеніи жизни и трудовъ святителя. Всестороннее изученіе ихъ и возможно-полная оцѣнка—впереди. Зато тѣмъ сильнѣе сказывается сердечная потребность поближе познакомиться съ нимъ самимъ, начертать насколько возможно полнѣе его лучезарный образъ. Къ величайшему прискорбію, у насъ имѣется пока слишкомъ мало данныхъ для выполненія этой задачи. Въ высшей степени желательно было бы увидать въ печати, подобно «*Сказанію о житіи Оптинскаго старца отца іеросхимонаха Амвро-*

сія, архимандрита Григорія (Борисоглѣбскаго)», «Письмамъ Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія» и «Сборнику его статей и писемъ» (см. *Душеполезное чтеніе* за 1891, 1892, 1893 и текущій годы), — всѣ воспоминанія лицъ, знавшихъ въ Бозѣ почившаго святителя-затворника, которыя пролили бы побольше свѣта на его ранніе годы, на домашнюю обстановку, среди которой онъ росъ, на его семейныя отношенія и особенно на внутреннюю его жизнь въ «затворѣ». Въ настоящее же время, не смотря уже на имѣющіяся нѣкоторыя «сказанія» о почившемъ и доставляемыя намъ письма и замѣтки, почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о святителѣ служатъ его сочиненія, которыя, конечно, останутся и навсегда главнымъ пособіемъ при составленіи его полной біографіи: настолько ярко и жизненно отразился въ нихъ его образъ! Все, что ни писалъ онъ, носитъ на себѣ неизгладимый слѣдъ его личности, все въ высокой степени оригинально, самобытно, наконецъ все извлечено изъ глубоко пережитаго внутренняго опыта.

ГЛАВА I.

До затвора.

Покойный — въ мірѣ Георгій Васильевичъ Говоровъ — былъ сынъ священника Владимірской церкви села Чернавска Елецкаго уѣзда Орловской губерніи, родился 10 января 1815 года. Первоначальное обученіе дано ему было въ родительскомъ домѣ.

Родители его старались дать ему воспитаніе въ духѣ церкви. «Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса въ сердцѣ, писалъ впослѣдствіи владыка, есть церковность, въ которой неисходно должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость

пребыванія среди его, ради тишины и теплоты, отрѣваніе отъ блестящаго и привлекательнаго въ мірской суетѣ, не могутъ лучше напечатлѣться въ сердцѣ. Церковь, духовное пѣніе, иконы — первые изящнѣйшіе предметы по содержанію и по силѣ»...

Пройдя курсъ духовнаго училища въ г. Ливнахъ, онъ поступилъ въ Орловскую духовную семинарію, гдѣ и обучался 6 лѣтъ отъ 1831—1837 года. Намъ слишкомъ хорошо извѣстны условія училищнаго и семинарскаго образованія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—такъ много было писано о темныхъ сторонахъ его, но нельзя отказать старой духовной школѣ въ одномъ великомъ преимуществѣ: въ цѣльности направленія и въ серьезномъ закалѣ мысли, которые давались ею, разумѣется, лучшимъ ея питомцамъ.

Свое образованіе закончилъ покойный въ Кіевской духовной академіи (въ 1837—1841 годахъ). Товарищемъ его по академіи былъ покойный Московскій митрополитъ Макарій. За это время мы не можемъ его представить себѣ иначе, какъ свѣтлымъ, скромнымъ и благоговѣйнымъ юношей. «Будьте со всѣми привѣтливы, благодушны и веселы, какъ и всегда. Только отъ смѣха, смѣхотворства и всякаго пусторѣчія воздерживайтесь. И безъ этого можно быть и привѣтливою, и веселою, пріятною. Никогда и ни подъ какимъ видомъ не угрюмничайте», писалъ святитель одной юной своей корреспонденткѣ. «Рѣка жизни нашей пресѣкается волнистою полосою юности. Это время воскипѣнія тѣлесно-духовной жизни. Тихо живетъ дитя и отрокъ, мало быстрыхъ порывовъ у мужа, почтенныя сѣдины склоняются къ покою; одна юность кипитъ жизнію. Надобно имѣть очень твердую опору, чтобы устоять въ это время отъ напора волнъ... Что сказать о томъ, кто не только не любилъ христіанской жизни и истины, но даже никогда и не слыхалъ о нихъ?.. Онъ—домъ безъ ограды, преданный разграбленію или сухой хворостъ преданный горѣнію въ огнѣ...

Юноша живетъ самъ по себѣ, и кто изслѣдуетъ всѣ движенія и уклоненія его сердца? Это тоже, что изслѣдовать путь птицы въ воздухѣ или бѣгъ корабля въ морѣ!! Что броженіе вскисающей жидкости, что движеніе стихій при разнородной ихъ смѣси, то сердце юности. Всѣ потребности такъ называемой природы въ живомъ возбужденіи, каждая подаетъ голосъ, ищетъ удовлетворенія. Какъ въ природѣ нашей качествуетъ разстройство, такъ и совокупность этихъ голосовъ тоже, что безпорядочные крики шумной толпы. Что жъ будетъ съ юношею, если онъ напередъ не пріученъ влагать въ нѣкоторый строй свои движенія и не наложилъ на себя обязательства хранить ихъ въ строгомъ подчиненіи нѣкоторымъ высшимъ требованіямъ? Если сіи начала *глубоко запечатлѣны въ сердцѣ въ первоначальномъ воспитаніи* и потомъ сознательно приняты въ правило, то всѣ волненія будутъ происходить какъ бы на поверхности, переходно, не сдвигая основанія, не колебля души». Съ полнымъ основаніемъ мы можемъ приложить эти слова къ пережитому опыту самого писавшаго ихъ...

Кіевскія пещеры и памятники свящ. старины, безмолвные, но краснорѣчивые свидѣтели великихъ подвиговъ русскаго иночества, безъ сомнѣнія, не разъ были посѣщаемы молодымъ студентомъ, и, можетъ быть, въ тиши молитвеннаго уединенія среди нихъ созрѣла мысль объ отреченіи отъ міра.

За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса, Георгій Васильевичъ Говоровъ дѣйствительно былъ постриженъ въ монашество ректоромъ академіи Іеремією (Соловьевымъ), впослѣдствіи епископомъ Нижегородскимъ. Рано, какъ видно, почувствовалъ покойный свое истинное призваніе: его душевныя качества,—именно безконечная доброта сердца, голубиная кротость, снисходительность къ людямъ, довѣрчивость и нѣкоторая застѣнчивость въ обращеніи, сказывавшіяся уже и тогда, указывали ему не на поприще житейской борьбы и

суеты... 7 апрѣля того же года юный инокъ былъ рукоположенъ во іеродіакона, а 7 іюня—въ іеромонаха.

Глубоко залегли въ душу юнаго инока пережитыя тогда ощущенія. «Въ Кіевской академіи, такъ вспоминалъ впослѣдствіи Владыка-подвижникъ про это время, постригли насъ четверыхъ въ монахи. Послѣ постриженія мы отправились въ Лавру къ благочестивому старцу іеросхимонаху Парѳенію, духовнику Митрополита и Лавры, умному молитвеннику.

«Вотъ вы ученые монахи, говорилъ старецъ; набравши себѣ правилъ, помните, что одно нужнѣе всего: «молиться и *молиться непрестанно умомъ въ сердцѣ Богу*, вотъ чего добивайтесь», и я съ молодыхъ дней этого искалъ и просилъ, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ пребывать непрестанно съ Богомъ».

Мы можемъ отчасти судить о томъ, какъ будущій великій подвижникъ готовилъ себя къ новой жизни. «Надобно вамъ, пишетъ онъ впослѣдствіи,—всѣ вещи, какія бываютъ у васъ на глазахъ, перетолковывать въ духовномъ смыслѣ, и это перетолкованіе такъ набить въ умъ, чтобы, когда смотрите на какую вещь, глазъ видѣлъ вещь чувственную, а умъ созерцалъ вещь духовную. Напримѣръ, видите вы пятна на бѣломъ платьѣ, и чувствуете, какъ непріятно и жалко это встрѣтить. Перетолкуйте это на то, какъ жалко и непріятно должно быть Господу, Ангеламъ и Святымъ видѣть пятна грѣховныя на душѣ нашей, убѣленной созданіемъ по образу Божію, возрожденіемъ въ купели крещенія или омытіемъ въ слезахъ покаянія. Слышите вы, что малыя дѣти, оставшись одни, поднимаютъ бѣготню, шумъ и гамъ. Перетолкуйте это на то, какой поднимается шумъ и гамъ въ душѣ нашей, когда отходитъ отъ ней вниманіе къ Богу со страхомъ Божіимъ. Обоняете вы запахъ розы или другой какой, и вамъ пріятно, но, попавъ на теченіе дурнаго запаха, вы отвращаетесь и зажимаете носъ. Перетолкуйте это такъ: всякая

душа издаетъ свой запахъ (Апостолъ говоритъ: мы благоуханіе Христово. 2 Кор. 2, 15 —), добрая — хорошій, страстная—дурной... Это я говорю вамъ только для примѣра, а всякая вещь можетъ порождать духовныя мысли, у одного—однѣ, у другаго—другія. Какъ найдете болѣе для себя пригожимъ, такъ и перетолкуйте все въ немъ, — самый домъ, стѣны, кровлю, фундаментъ, окна, печи, столы, зеркала, стулья и прочія вещи. Перейдите къ жильцамъ и перетолкуйте—родителей, дѣтей, братьевъ и сестеръ, родныхъ, слугъ, пріѣзжихъ и проч. Перетолкуйте и обычное теченіе жизни—вставаніе, здорованье, обѣдъ, работы, отлучки, возвращенія, чаепитіе, угощенія, пѣніе, день, ночь и проч. и проч. и проч.. Когда это сдѣлаете, то всякая вещь будетъ для васъ, что книга святая или что статья въ книгѣ. Тогда и всякая вещь будетъ приводить васъ къ мысли о Богѣ, какъ и всякое занятіе и дѣло. И будете вы ходить среди чувственнаго міра, какъ въ области духовной. Все вамъ будетъ говорить о Богѣ и поддерживать ваше вниманіе къ Нему». Такимъ же путемъ, безъ сомнѣнія, и мысль молодого монаха рано научилась отрѣшаться отъ всего видимаго, отъ суеты житейской и возноситься въ міръ вышній, невидимый...

По окончаніи курса іеромонахъ Θеофанъ, магистръ Богословія, назначенъ былъ исправляющимъ должность ректора Кіево-Софійскихъ духовныхъ училищъ и преподавателемъ латинскаго языка. Около пяти лѣтъ Θеофанъ безъ перерыва подвизался на духовно-учебномъ поприщѣ—до 21 августа 1847 года. «Воспитатель, писалъ впослѣдствіи преосвященный, долженъ пройти всѣ степени христіанскаго совершенства, чтобы впослѣдствіи въ дѣятельности умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленія воспитываемыхъ, и потомъ дѣйствовать на нихъ съ терпѣніемъ, успѣшно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословіе лицъ чистѣйшихъ, богоизбранныхъ и святыхъ. Воспитаніе изъ всѣхъ святыхъ дѣлъ самое свя-

тое... Надобно такъ расположить духъ учениковъ, чтобы у нихъ не погасло убѣжденіе, что главное у насъ дѣло есть Богоугожденіе, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никакъ не должно ставить ее такъ высоко, и въ такомъ блестящемъ видѣ, чтобы она занимала все вниманіе и поглощала всю заботу. Нѣтъ ничего ядовитѣе и гибельнѣе для духа христіанской жизни, какъ эта научность и исключительная объ ней забота. Она прямо ввергаетъ въ охлажденіе, и потомъ можетъ навсегда удержать въ немъ... Должно быть поставлено непреложнымъ закономъ, чтобы всякая, преподаваемая христіанину, наука была пропитана началами христіанскими, и притомъ православными... У насъ самое опасное заблужденіе то, что преподаютъ науки безъ всякаго вниманія къ истинной вѣрѣ, позволяя себѣ вольность или ложь, въ томъ предположеніи, что вѣра и наука— двѣ области, рѣшительно разъединенныя. Духъ у насъ одинъ. Онъ же принимаетъ науки, и напитывается ихъ началами, какъ принимаетъ вѣру и проникается ею. Какъ же можно, чтобы онѣ не приходили въ благопріятное или неблагопріятное соприкосновеніе здѣсь?... Если въ такомъ порядкѣ будетъ ведено обученіе, чтобы вѣра и жизнь въ духѣ вѣры высились надъ всѣмъ во вниманіи обучаемыхъ, и по образу занятія и по духу преподаванія, то нѣтъ сомнѣнія, что положенныя въ дѣтствѣ начала не только будутъ сохранены, но и возвысятся, укрѣпятся и придутъ въ соразмѣрную зрѣлость. А какъ это благодѣтельно»! Безъ сомнѣнія, столь же возвышенными взглядами руководился молодой наставникъ при прохожденіи педагогическаго поприща. За ревностное исполненіе своихъ обязанностей онъ удостоился благословенія св. Сѵнода.

Въ теченіе указанныхъ выше пяти лѣтъ Ѳеофанъ проходилъ слѣдующія должности: 7 декабря 1842 г. онъ былъ

назначенъ инспекторомъ и преподавателемъ логики и психологіи въ Новгородскую духовную семинарію, а чрезъ два года, именно 13 декабря 1844 г., переведенъ въ С.Петербургскую духовную академію на должность баккалавра нравственнаго богословія. Его жизнь постепенно усложнялась: вмѣстѣ съ чтеніемъ лекцій на него 22 марта 1845 г. возложена должность помощника инспектора академіи, а съ 3 іюля того же года онъ былъ сдѣланъ членомъ комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаваемыхъ въ семинаріи учебныхъ предметовъ, но уже 25 мая 1846 г., будучи причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-Невской лавры, 21 августа подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности баккалавра и помощника инспектора академіи. Душа его стремилась въ болѣе сродную ей область строго-иноческаго служенія... Скоро Промыслъ Божій указалъ ему иное призваніе: іеромонахъ Ѳеофанъ былъ назначенъ членомъ нашей миссіи въ Іерусалимъ, откуда возвратился въ 1853 г. Видъ Палестины, ея холмовъ и долинъ, свѣтлыхъ озеръ и источниковъ удивительно ярко воскрешаютъ въ нашемъ воображеніи библейскія событія. Можно себѣ представить, какъ богато питалась душа Ѳеофана священными воспоминаніями. Его влекло въ древнія обители Палестины, въ знаменитую Лавру св. Саввы Освященнаго... Тамъ онъ могъ и слышать разсказы и самъ наблюдать уединенную жизнь подвижниковъ. Такъ, — хорошо познакомившись въ юности съ святынями русскаго Іерусалима—Кіева, Ѳеофанъ имѣлъ возможность изучить на мѣстѣ и древніе разсадники восточнаго подвижничества. Писанія великихъ аскетовъ восточной церкви, духомъ которыхъ онъ такъ глубоко проникся, получали для него особенную жизненность при созерцаніи священныхъ памятниковъ древности. За труды и заслуги въ качествѣ члена духовной миссіи въ Іерусалимѣ онъ возведенъ былъ въ 1855 году въ санъ архимандрита. Будучи, по возвращеніи въ Рос-

сію, назначенъ ректоромъ Олонецкой духовной семинаріи, онъ и года не пробылъ на этомъ посту: въ маѣ 1855 года, ему пришлось отправиться въ Константинополь на должность настоятеля посольской церкви. Итакъ опять Востокъ... За это время онъ могъ хорошо узнать объ Аѳонѣ и тамошнихъ подвижникахъ. Отправляясь къ мѣсту своего назначенія, Ѳеофанъ пожертвовалъ Олонецкой духовной семинаріи всѣ книги и рукописи своей библіотеки, за что ему преподано было благословеніе Святѣйшаго Сѵнода. По возвращеніи изъ Константинополя, архимандритъ Ѳеофанъ 13 іюня 1857 года былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ, но отъ послѣдней должности былъ уволенъ, по его просьбѣ, въ самомъ началѣ учебнаго года, а вмѣсто того ему поручено было наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія во всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы и ея окрестностей. Въ 1859 году 9 мая архимандритъ Ѳеофанъ былъ посвященъ въ епископа, съ назначеніемъ управлять Тамбовской епархіей. Хиротонія была совершена 1 іюня въ Александро-Невской лаврѣ высокопреосвященнымъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Григоріемъ. Пребываніе епископа Ѳеофана на Тамбовской каѳедрѣ было ознаменовано устройствомъ женскаго духовнаго училища. Онъ нашелъ домъ и средства его купить и устроить сообразно назначенію, нашелъ и средства для обезпеченія училища. Все необходимое для жизни заведенія было сдѣлано преосвященнымъ, но ему не привелось участвовать въ торжествѣ его открытія: 22 іюля 1863 года онъ переведенъ былъ на епископскую каѳедру въ городъ Владиміръ, какъ епископъ «настоящимъ своимъ служеніемъ снискавшій потребную опытность для управленія столь обширною епархіей». (Слова указа Св. Синода), Въ бытность свою на Тамбовской каѳедрѣ святитель замѣтилъ «и возлюбленную смиренную пустынь Вышенскую, которой нѣтъ ничего

на свѣтѣ лучше»... Три года преосвященный управлялъ Владимірской епархіей и ознаменовалъ это время открытіемъ также и здѣсь женскаго епархіальнаго училища. Имъ же основаны въ Тамбовѣ *Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости* и во Владимірѣ—*Владимірскія*. Впрочемъ мы не намѣрены подробно распространяться о дѣятельности преосвященнаго Θеофана за время его управленія Тамбовской и Владимірской паствами, скажемъ только, что эта дѣятельность была неутомима, неусыпна и исполнена самоотверженія. Можно удивляться тому, когда онъ находилъ время для отдохновенія. Частыя служенія, неутомимое проповѣданіе слова Божія, путешествія съ цѣлію личнаго знакомства съ ввѣренной ему паствой, многоплодная миссіонерская дѣятельность для возвращенія заблудшихъ въ лоно церкви, заботы о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, объ открытіи церковно-приходскихъ школъ, о возобновленіи храмовъ Божіихъ—на что только не простиралось его архипастырское попеченіе??... И ко всему относился онъ съ живой ревностью къ благу ближнихъ, съ отеческой любовью, воистину дѣля съ своей паствой и радость и горе, добро и зло... Но, не перечисляя подробно всего, что совершено трудами самоотверженнаго архипастыря, нельзя не упомянуть о двухъ, трехъ особенно знаменательныхъ фактахъ за время его епископства въ Тамбовской и Владимірской епархіяхъ.

Осенью 1860 года г. Тамбовъ подвергся ужасному бѣдствію—страшнымъ пожарамъ. Пожары опустошали не только Тамбовъ, но и другіе города и селенія Тамб. губерніи. Святитель Θеофанъ явился тогда истиннымъ ангеломъ-утѣшителемъ своей паствы и вдохновеннымъ истолкователемъ воли Божіей. «Что мнѣ сказать вамъ и о чемъ начать говорить съ вами? такъ началъ слово святитель 14 августа 1860 года. Горестно положеніе наше, велика скорбь! Отяготѣла на насъ рука Господня! Мало ли времени томитъ насъ засуха? Но не прошла еще эта бѣда, какъ напала другая—пожаръ. Еще и

думать мы не начинали о томъ, какъ оправиться отъ сего пожара, какъ напалъ другой. Еще не кончился этотъ, какъ повсюду прошла злая вѣсть о непрерывности пожаровъ,—и изгнала насъ изъ домовъ нашихъ. Нашъ городъ нынѣ почти Іовъ, котораго тѣснили одно бѣдствіе за другимъ, пока, лишивъ всего и покрывъ ранами, не выбросили вонъ изъ города. И вотъ, какъ тотъ сидѣлъ на гноищѣ,—такъ нынѣ у насъ всѣ почти вынеслись изъ домовъ и живутъ на пустыряхъ, прибрежьяхъ и изсохшихъ потокахъ, какъ пчелы, выгнанныя изъ ульевъ удушающимъ дымомъ. Вотъ до чего дошли мы! Кажется бы, — довольно испытанія. Но и еще рука Господня высока. Все, что можетъ зависѣть отъ предусмотрительности человѣческой, сдѣлано, и, благодареніе Господу!—опасность уже не такъ грозна, какъ было въ началѣ. Но все же покой не возвращается къ намъ, чувство безопасности не приходитъ и благонадежіе не осѣняетъ духа нашего. Что же бы еще надлежало сдѣлать, чтобы Господь возвратилъ намъ покой нашъ?—Предложу вамъ одно сравненіе, и вы сами догадаетесь, что намъ надо сдѣлать, чтобы Господь принялъ тяготѣющую надъ нами руку Свою. Когда учитель, поднявъ руку, начинаетъ грозить, всѣ ученики, знающіе за собою что-либо не должное, тотчасъ исправляютъ свои вольности. Не установится порядокъ, — не опуститъ учитель грозящей руки своей. Но что жизнь наша, какъ не училище благочестія, и кто учитель въ немъ, какъ не всепопечительный Господь»?

«Вчерашній, хотя небольшой, пожаръ подновилъ страхъ нашъ, говорилъ святитель на другой день, въ праздникъ Успенія, и мы снова мятемся ожиданіемъ внезапной бѣды,— ни къ кому и ни къ чему не имѣемъ довѣрія, и въ каждомъ незнакомомъ лицѣ продолжаемъ встрѣчать недоброжелателя себѣ. Оттого у насъ и праздникъ не въ праздникъ,— такъ что исполнилась надъ нами пророческая угроза: *пре-*

вращу праздники ваша въ жалость, и вся пѣсни ваша въ плачъ (Амос. 8, 10).

Что жъ? — И давайте плакать... Мы и собирались нынѣ на мѣсто плача. Се поле, орошенное слезами! И кто изъ жителей города не проливалъ ихъ здѣсь?! — Такъ, по сродству, пріидите восплачемся предъ Господомъ, сотворившимъ насъ, подобно Израильтянамъ, оплакивавшимъ Іерусалимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ!

Не оскорбится симъ Матерь Божія! Она Сама, думаю, не безъ скорби взираетъ нынѣ на сіе мѣсто, которое въ прежніе годы кипѣло многолюдствомъ въ день сей,—а нынѣ такъ пусто; — и это не по отхожденію усердія, а все изъ тѣхъ же опасеній и страха.

Пріидите же,—восплачемся! Но о чемъ плакать?—О всемъ. Поплачемъ *сначала* о томъ, что житіе наше здѣсь полно бѣдъ и скорбей:—то земля колеблется, то небо потрясается, то вода устремляется потопить, то огонь грозитъ пожрать, то засуха и неурожай, то болѣзни и моръ, то эти видимые, а то и невидимые враги постоянно почти держатъ насъ въ страхѣ, безпокойствахъ и опасеніяхъ за жизнь. Со всѣхъ сторонъ бѣды. Какъ тутъ не плакать,—особенно, когда приведешь себѣ на память, что первоначально, когда Господь въ первый разъ воззрѣлъ на творенія Свои, въ нихъ быша вся добра зѣло? — Конечно, сами мы тому виною, и праведно осуждены нести тяготу житія сего. Но все же нельзя не скорбѣть, что такъ есть, и что земля наша, — прежде прекрасная,—превращена нынѣ въ юдоль плача. Много ли кому въ жизни придется встрѣтить ясныхъ дней?! Да и тѣ даются только для того, чтобы мы не впали въ отчаяніе,—только для того, чтобъ поддерживать вѣру, что не все еще пропало, что не въ конецъ прогнѣвался Господь, и есть надежда избавленія отъ бѣдъ, хотя образомъ, единому Богу вѣдомымъ.

Потомъ перейдемъ къ плачу и о томъ паче, что грѣшимъ и грѣхами своими еще болѣе увеличиваемъ скорбность пребыванія своего на землѣ, — Бога прогнѣвляемъ и трудъ Ему даемъ воздвигать наказанія намъ за беззаконія наши. Жаль Господу и наказывать насъ, но еще болѣе жаль оставить безъ наказанія. Потому что если не станетъ Господь наказывать грѣховъ и беззаконій нашихъ, то земля наша станетъ хуже ада, и зло вскорѣ истребитъ весь родъ нашъ. Какъ же не плакать, помышляя о томъ, что мы заключены въ такое со всѣхъ сторонъ противленіе! Грѣхами своими и себя разстраиваемъ, и причиняемъ вредъ, Господу досаждаемъ, и невидимый міръ возмущаемъ; но все грѣшимъ и все больше и больше запутываемся въ бѣды и нужды. Хоть то не мало отрадно, что были и есть спасающіеся между нами, — и что всѣмъ открытъ путь спасенія во св. Божіей церкви; но и опять скорбь, что мало видимъ идущихъ симъ путемъ, — да и сами мы не всегда направляемъ туда шаги свои. Какъ тутъ не плакать?

Будемъ плакать *наконецъ* и такъ, чтобъ только плакать, чтобъ только сѣять слезами, въ чаяніи, не придется ли пожать намъ радостію, какъ обѣщаетъ Пророкъ Давидъ: *сѣющіи слезами, радостію пожнутъ* (Пс. 125, 5). Ибо что же намъ дѣлать?! — Ничего не придумаемъ, какъ поправить свое положеніе! Кажется, всѣ предосторожности взяты, а бѣда все прорывается какъ бы изъ-подъ рукъ, — и снова всѣхъ повергаетъ въ тревогу. Такъ лучше ужъ сѣсть и плакать, ничего не приговаривая и плачемъ давая только знать, что больно и больно. Пусть Самъ Господь придетъ и посмотритъ, что такое у насъ, и придумаетъ врачевство ранамъ нашимъ Какъ дитя, не умѣющее говорить, чувствуя боль, только плачетъ, руки и глаза устремляя къ матери, — и та уже сама, прибѣжавши, отстраняетъ причину и успокоиваетъ дитя: такъ сдѣлаемъ и мы. Сядемъ и будемъ плакать, — очи ума и серд-

ца устремляя горѣ. Есть у насъ, попечительнѣе матери родной, промыслитель Господь, скорый на помощь и утѣшеніе. Онъ, вѣрно, придетъ и успокоитъ насъ, какъ Самъ увѣряетъ чрезъ Пророка: *воззоветъ ко Мнѣ, и услышу его*... (Пс. 90). Да и то надо сказать, что если бъ мы болѣе любили плачъ, чѣмъ утѣхи, не было бы у насъ столько бѣдствій; если бъ мы не предавались безумно радостямъ и увеселеніямъ пустымъ, то Господу не было бы нужды внѣшними скорбями остепенять насъ и тѣмъ возвращать въ то настроеніе плача и сѣтованія, которое должны мы имѣть постоянно, какъ изгнанники изъ отечества. Сердце сокрушенное и смиренное Богъ не уничижитъ. Если бъ постоянно было такъ, не сталъ бы Господь смирятъ насъ такъ, какъ теперь,—что многимъ и головы негдѣ приклонить.

Но, братія, будемъ, плача, плакать и, скорбя, скорбѣть,— только все по-Христіански, а не какъ язычники, упованія не имѣющіе. Да не изыдетъ слово ропота изъ устъ нашихъ, и чувство унынія и отчаянія да не омрачитъ сердецъ нашихъ. Скорбѣть, плакать и болѣть есть дѣло человѣческое, а предаваться унынію и отчаянію, ропоту и хулѣ—есть дѣло сатанинское. Растворимъ скорбь упованіемъ, и родится плачъ умиленія, не жгущій и терзающій, а разливающій отраду и умягчающій. Возверзимъ на Господа печаль, и Той сохранитъ насъ; ибо уповающаго на Господа милость обыдетъ. Исповѣдуемъ правду Божію въ наказаніи насъ,—и Онъ пошлетъ милость во срѣтеніе ей: ибо не судъ только, но и милость у Него. Потерпимъ въ благодушіи; ибо не до конца гнѣвается Господь и не во вѣкъ враждуетъ. Біетъ Онъ насъ; посочувствуемъ боль, и, молясь о помилованіи, подкрѣпимъ молитву рѣшимостію не оскорблять Его болѣе грѣхами своими. Будемъ вопіять: *помилуй, Господи, помилуй!* — прибавляя притомъ: *не будемъ*, — чтобъ не къ намъ относился укоръ Пророка: *билъ еси ихъ, и не поболѣша, сокрушилъ еси ихъ,*

и не восхотѣша пріяти наказанія: ожесточиша лица своя паче камене, и не хотѣша обратитися (Іер. 5, 3)».

«Бывали-ль вы, братія, когда-нибудь въ рабочей рѣзчика или скульптора?—говорилъ святитель 16-го Августа. Если бывали, вѣрно замѣтили, какъ такого рода художники, начертавъ въ умѣ образъ того, что преднамѣрены выдѣлать, приступаютъ потомъ къ дѣлу, разными къ разнымъ пріемамъ приспособленными орудіями обсѣкая, вырѣзывая и окончательно отдѣлывая часть за частію, пока взятое вещество не приметъ вида, сходнаго съ тѣмъ невещественнымъ образомъ, какой носятъ они въ умѣ своемъ. Мнѣ пришли на мысль эти работы по случаю нынѣшняго праздника Нерукотвореннаго образа Господа и Спасителя нашего и вмѣстѣ по случаю стѣснительнаго положенія, въ которое поставили насъ пожары. Сличивъ одно съ другимъ, нахожу, что послѣдніе въ рукахъ Промысла Божія суть то же, что дѣйствія рѣзца и другихъ орудій въ рукахъ художника, что чрезъ посредство ихъ Господь хочетъ отпечатлѣть въ насъ помышленіе, какое предначерталъ Онъ о насъ въ умѣ Своемъ. Отсюда, къ немалому нашему утѣшенію, заключаю: настоящее наше горестное положеніе означаетъ, что Господь, какъ художникъ, промыслительно взялъ насъ въ руки Свои, какъ необдѣланное, годное однакожъ къ обдѣлкѣ вещество,—и вотъ бѣдами, какъ ударами молота, одно за другимъ отсѣкаетъ въ насъ все излишнее и противное тому образу, въ который Онъ хочетъ возвесть насъ»....

«Благодареніе Господу! такъ ободрялъ архипастырь свою паству въ словѣ на 21 Августа,—спокойствіе начинаетъ осѣнять городъ нашъ, дома пріемлютъ своихъ жильцевъ... Покушенія огня почти прекратились... Такъ,—благодареніе Господу!—мы въ благихъ надеждахъ»!

Успокоивъ жителей губернскаго города, святитель спѣшилъ въ другія города и мѣстности, подвергшіяся бѣдствію, и ста-

рался утѣшить, вразумить и ободрить несчастныхъ всею силою своего, благодатію помазаннаго, слова. По возвращеніи въ Тамбовъ, святитель съ грустью узналъ, что тамъ бѣдствія еще не прекратились...

«По возвращеніи моемъ, говорилъ святитель 18 Сентября, я надѣялся найти васъ вполнѣ успокоенными и въ первое мое служеніе праздновать вмѣстѣ съ вами совершенное прекращеніе всѣхъ вашихъ бѣдъ; но вотъ не удостоенъ такого утѣшенія!—Много видѣлъ я страждущихъ въ другихъ городахъ и весяхъ, и чаялъ облегчить сердце нѣкоторою хотя отрадою, увидѣвъ начатки вашего успокоенія и оправленія; но вотъ опять подновлены улегшіеся было страхи и тревоги! Посему прилично намъ нынѣ жаловаться словами Пророка: доколѣ, Господи, взываемъ, и Ты не слышишь? — Вопіемъ къ Тебѣ обидимы, и не избавляешь?—Вскую являешь очамъ нашимъ одни труды и болѣзни и даешь видѣть одни бѣды и несчастія (Аввак. 1, 2. 3)?

И добро бы одно настоящее наше было такъ мало утѣшительно! – Вотъ и будущее наше омрачается засухою. *Увы намъ,* братія, *яко бѣда отъ бѣды пріидетъ*, какъ говоритъ другой Пророкъ (Іоиль 1, 15). Окружилъ насъ Господь карами и испытаніями, такъ что позади насъ огнь потребляяй, и впереди поле пагубы (Іоиль 2, 3), и мы стали похожи на человѣка, который убѣжалъ отъ льва, но напалъ на медвѣдицу;—отъ нея вскочилъ въ домъ, и здѣсь усѣкнутъ зміемъ, когда оперся о стѣну (Амос. 5, 19).

Что же намъ дѣлать и куда обратиться?! Гдѣ искать облегченія и какое врачевство приложить къ ранамъ своимъ?—Ничего не остается намъ дѣлать, какъ, обратясь ко Господу, въ слезахъ взывать: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Будемъ подражать въ семъ древнимъ Пророкамъ, которые, являясь въ народѣ Божіемъ во время общественныхъ бѣдствій, то утѣшали его, то укоряли и располагали къ покаянію, то

просто предавались слезамъ: плакали сами и все призывали къ плачу. *У лютъ, у лютъ! Отмщенія Твоя приспѣша*, взывалъ Михей (7, 4). *Плачьте теперь. На всѣхъ стогнахъ* да *будетъ плачъ, и на всѣхъ путехъ* да *речется: увы лютъ, увы лютъ,*—приглашалъ Амосъ (гл. 5, 16). А Пророкъ Іоиль такъ оглашалъ всѣхъ:—*восплачися ко мнѣ паче невѣсты препоясаныя во вретище по мужи своемъ дѣвственнѣмъ... Плачитеся жерцы, яко опустѣша поля: плачися земле, яко пострада пшеница... посрамишася земледѣлатели: плачитеся села по пшеницѣ, и по ячменѣ... плачъ каждый, взывая ко Господу: увы мнѣ, увы мнѣ, увы мнѣ* (гл. 1)!

Сдѣлаемъ и мы то же. Падемъ предъ Господомъ и будемъ плакать, ничего не прибавляя, кромѣ мытарева слова: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!—Будемъ такъ бесѣдовать къ Нему въ сердечномъ сокрушеніи:

Никакого права не предъявляемъ мы на милости; мы не стоимъ ихъ, ибо грѣшны всѣмъ—и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ, и всѣми чувствами. Каемся и молимся: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Если Твое всевидящее око видитъ окаменѣніе сердца нашего и слабость рѣшимости на исправленіе, — Самъ посли сокрушеніе и укрѣпи храмлющую волю нашу. Но, Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Не присвояемъ себѣ скораго избавленія, не дерзаемъ намѣчать—завтра, чрезъ недѣлю или годъ; но, предаваясь всецѣло въ волю Твою, объ одномъ молимъ: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Мы и ничего не смѣемъ проглаголать предъ Тобою, а только болимъ до того, что тронуться нельзя,—и въ болѣзни сей, плача, какъ дѣти, взываемъ: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Мы слабы. Не допусти намъ, Господи, пасть подъ тяже-

стію бѣдъ. Дай крѣпость сердцу нашему, осѣни насъ благонадежіемъ, да не поразитъ духа нашего отчаяніе,—и, Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Такъ сокрушенно моляся, приложимъ къ плачу еще неотступность моленія. Вотъ и Сирофиникіянка, поминаемая въ нынѣшнемъ Евангеліи, получила просимое ради неотступности, украшенной смиреніемъ. Господь уже сказалъ было ей: поди, ты не наша. Но потомъ былъ побѣжденъ неотступностію ея моленія. Будемъ и о себѣ вопіять неотступно, и, вѣрно, получимъ милость. Тотъ, Кто Самъ располагалъ къ терпѣнію въ молитвѣ примѣромъ неправеднаго судіи, умоленнаго неотступностію вдовицы, уступитъ неотступности нашей и ущедритъ насъ.

Ахъ, братіе, неужели же насъ однихъ бросилъ Господь въ конецъ,—на попраніе всякому мимоходящему, и не возвратитъ намъ милостей Своихъ!?—Нѣтъ,—милостивъ Господь!—не унывайте духомъ, восклоните главы ваши, возникните къ благонадежію! Еще мало,—Грядый пріидетъ и не закоснитъ помочь намъ. Какъ Ангелу, въ видѣніи Пророка Захаріи, вопрошавшему Господа,—доколѣ не имать помиловати Іерусалимъ и грады Іудовы, когда вся земля покойна,—Господь Вседержитель отвѣчалъ глаголы добры и словеса утѣшна (Захар. 1, 13): такъ, вѣрно, есть у Господа и для насъ глаголы добры. Конечно, нѣтъ у насъ Пророка, который бы передалъ намъ отъ Господа такія утѣшныя словеса: *еще прелiятися имутъ грады благими;* но мы имѣемъ слово Самого Господа,—что Онъ не до конца гнѣвается и не въ вѣкъ враждуетъ,—что уповающаго на Господа милость обыдетъ и что сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.

Обратитеся ко Мнѣ, говоритъ Господь, и обращуся къ вамъ—и *не утвержду лица Моего на васъ, яко милостивъ есмь, и не прогнѣваюся на вы во вѣки* (Іер. 3, 12). Обратимся къ Нему въ сокрушеніи и смиреніи покаянномъ, въ

уповании несомнѣнномъ, въ молитвахъ неотступныхъ. Призовемъ на помощь Владычицу, скорую Помощницу и Заступницу. Призовемъ всѣхъ Святыхъ, ко всѣмъ будемъ припадать слезно, —чтобъ общимъ голосомъ умоленный Господь скоро преложилъ гнѣвъ Свой на милость, и возвратилъ намъ покой, безопасность и довольство.

Другаго прибѣжища намъ нѣтъ! — Взывайте неотступно: Боже, милостивъ буди намъ грѣшнымъ! — И обратитъ Онъ къ намъ отеческое сердце Свое и скоро помилуетъ»!

Упованіе архипастыря не посрамилось. По словамъ современниковъ —очевидцевъ, въ тотъ же день начался продолжительный дождь, бѣдствія отъ пожаровъ и засухи прекратились, и жители мало-по-малу успокоились.

Святитель не только утѣшалъ сильнымъ словомъ, но, какъ могъ, старался и о матеріальной помощи многимъ изъ пострадавшихъ, особенно лицамъ духовнаго званія.

Въ слѣдующемъ 1861 году Святитель, послѣ пережитыхъ треволненій и огорченій, сподобился великаго утѣшенія присутствовать при открытии мощей святителя Тихона Задонскаго. Мы конечно не въ состоянии представить себѣ тѣхъ высокихъ и священныхъ чувствъ, которыми полна была душа преосвященнаго Ѳеофана во время великаго и священнаго торжества. Отъ юныхъ дней святитель горѣлъ любовію и благоговѣніемъ къ памяти свят. Тихона... «Невозможно описать радости преосвященнаго по этому случаю», пишетъ бывшій съ нимъ тогда въ Задонскѣ его племенникъ А. Г. Говоровъ.

Въ 1865 году, будучи уже во Владимірѣ, святитель пережилъ общерусское горе—кончину наслѣдника престола Государя Цесаревича и В. Кн. Николая Александровича. Сердечно выражая свою скорбь въ своемъ словѣ, онъ въ тоже время видитъ въ тяжкомъ ударѣ—карающую руку Божію и, какъ всегда, призываетъ къ покаянію. «Все стали у насъ измѣнять, и такъ раздражили позывъ къ измѣненіямъ, что

очень многіе стали измѣнять и святой вѣрѣ. Пошли невѣріе, разслабленіе нравовъ и холодность къ церкви,—это отчужденіе отъ предметовъ, столько дорогихъ Господу. И вотъ нынѣ говоритъ какъ бы Господь: вы отвергаете то, что Мнѣ дорого, и Я беру у васъ то, что вамъ дорого, — дорогаго вамъ наслѣдника престола. Вразумитесь же, продолжимъ урокъ Господень, — вразумитесь и не будьте, какъ конь и мескъ, имже нѣсть разума». Но особенно знаменательно его вдохновенное слово по поводу высочайшаго манифеста о кончинѣ въ Бозѣ почившаго наслѣдника престола, извѣщавшаго въ тоже время о переходѣ правъ престолонаслѣдія къ новому наслѣднику престола, теперь уже въ Бозѣ почившему Государю Александру Александровичу. «Такъ ясно печатлѣется, говорилъ Святитель, указаніе свыше на мирный исходъ печали и мирное воцареніе радости. Манифестъ нынѣшній—что радуга при Ноѣ! Припомните, что тогда было. Еще слѣды потопа такъ были повсюдны на землѣ. Но принесъ Ной жертву Богу, и Богъ изрекъ милостивое опредѣленіе, что потопа не будетъ болѣе, что отселѣ будутъ чередоваться день и ночь, весна и лѣто, сѣятва и жатва. И знаменіе завѣта сего, говоритъ Господь, дугу Мою полагаю во облацѣ. Постигла насъ скорбь, сокрушались мы и сокрушаемся, молились мы и молимся,—и вотъ указывается намъ провозглашеніе новаго Наслѣдника престола, какъ бы радуга, предвозвѣщающая минованіе скорби и скорое наступленіе желаемыхъ и чаемыхъ утѣшеній.—Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ отношеніи къ намъ я вижу подтвержденіе добрыхъ указаній въ этомъ непридуманномъ совпаденіи провозглашенія новаго Наслѣдника съ празднованіемъ *Преполовенія* — дня, радостно встрѣчаемаго и весело провождаемаго. Мы исходимъ на воды, коими утоляется жажда; Господу взываемъ: жаждущую душу мою благочестія напой водами, и Господа возглашающаго слышимъ: жаждай да грядетъ ко Мнѣ и да піетъ. Такъ и гото-

Казанская икона Божией Матери, написанная епископом Феофаном

Епископъ Өеофанъ, Вышенскій затворникъ.

ва при этомъ нарисоваться въ умѣ картина имѣющихъ изойти отъ Государя Цесаревича въ будущемъ его царствованіи благодѣтельныхъ учрежденій, коими, какъ обильными водами, будетъ утоляться наша жажда, всякая потребность житейская, гражданская, промышленная, ученая, художественная, паче же религіозная»....

ГЛАВА II.

Удаленіе въ затворъ.

«Наступилъ наконецъ 1866 годъ, когда много ранѣе задуманное совершилось», пишетъ ближайшій родственникъ Святителя.

Святитель обратился въ Святѣйшій Сѵнодъ съ просьбою уволить его на покой. Просьба была исполнена, и 17 іюня 1866 года епископъ Ѳеофанъ былъ уволенъ «отъ управленія Владимірскою епархіею и опредѣленъ настоятелемъ въ Шацкую общежительную Вышенскую пустынь, съ порученіемъ ему управленія оною и предоставленіемъ ему права пользоваться всѣмъ по званію настоятеля пустыни». Но его душа жаждала уже возможно полнаго уединенія, и настоятельство, сопряженное съ хозяйствомъ и со всѣми его мелочами, было бременемъ для Ѳеофана. Въ сентябрѣ 1866 года преосвященный послалъ въ Св. Сѵнодъ два прошенія, въ которыхъ писалъ, что «скудость содержанія и хлопотливые способы добывать его не дадутъ ему покоя при управленіи обителью». Поэтому онъ просилъ уволить его отъ управленія обителью и исходатайствовать ему пенсію. Тутъ же онъ просилъ: 1) «предоставить ему право служить, когда пожелаетъ, 2) оставить за нимъ какое-либо вліяніе на монастырскія власти, безъ вмѣшательства въ дѣла монастырскаго управленія и 3) оставить за нимъ занимаемый имъ флигель съ тѣмъ,

чтобы обитель какъ приспособила этотъ флигель къ помѣщенію его, поправляла что каждогодно потребуется и отопляла, такъ и помогала ему, преосвященному, въ добываніи нужнаго къ трапезѣ или даже и доставляла всю трапезу». Св. Сунодъ своимъ опредѣленіемъ, отъ 19/28 сентября 1866 года, постановилъ: 1) «уволить преосвященнаго епископа Ѳеофана отъ управленіи Вышенскою пустынью, 2) предоставить ему право служенія, когда пожелаетъ, 3) подчинить ему по церковно-служебной части братію Вышенской пустыни такъ, чтобъ они совершали съ нимъ церковныя службы по его назначенію, 4) предоставить въ его распоряженіе занимаемый имъ флигель, обязавъ пустынь приспособить, ремонтировать, отоплять оный и исполнять желаніе епископа относительно трапезы и 5) назначить ему пенсію въ 1.000 рублей со дня увольненія на покой отъ управленія Владимірскою епархіей», то-есть съ 17 іюня 1866 года.

24 іюля состоялось трогательное прощаніе Святителя со своею паствою. День былъ воскресный. «Въ 9 часовъ утра, писалъ очевидецъ, на обычный благовѣстъ къ поздней литургіи, Владимірцы начали стекаться въ величественный соборъ Успенскій въ большемъ многолюдствѣ. Всѣ знали, что идутъ въ послѣдній разъ видѣть и слышать архипастыря любимаго, и потому всѣ шли съ грустнымъ настроеніемъ сердца. Преосвященный, имѣвшій обычай пріѣзжать къ богослуженіямъ по первымъ ударамъ колокола, на этотъ разъ изволилъ прибыть въ соборъ нѣсколько позднѣе обыкновеннаго; какъ бы желая доставить возможность и запоздавшимъ видѣть и слышать сполна благолѣпнѣйшее священнослуженіе Божественной литургіи, которую совершали теперь со владыкою шестеро служащихъ».

По окончаніи литургіи преосвященный обратился къ своей паствѣ съ прощальнымъ словомъ,

«Всѣ мы, и всѣ предстоявшіе во храмѣ старались возмож-

но ближе стать къ святителю, въ послѣдній разъ благовѣствовавшему передъ нами. Глубочайшая тишина во время бесѣды святителя, прерываемая лишь тихими рыданіями, исходившими изъ груди сердецъ чувствительныхъ, дала намъ возможность разслушать каждое слово прощальной бесѣды архипастыря».

«Не попеняйте на меня, Господа ради, говорилъ между прочимъ святитель, что оставляю васъ. Отхожу не ради того, чтобы вынужденъ былъ васъ оставить. Ваша доброта не допустила бы меня перемѣнить васъ на другую паству. Но, какъ ведомый, ведусь на свободное отъ заботъ пребываніе, ища и чая лучшаго,— какъ это сродно естеству нашему. Какъ это могло образоваться, не берусь объяснить. Одно скажу, что кромѣ внѣшняго теченія событій, опредѣляющихъ наши дѣла, есть внутреннія измѣненія расположеній, доводящія до извѣстныхъ рѣшимостей, есть кромѣ внѣшней необходимости, необходимость внутренняя, которой внемлетъ совѣсть и которой не сильно противорѣчитъ сердце. Находясь въ томъ положеніи, объ одномъ прошу любовь вашу,—оставя сужденія и осужденія сдѣланнаго уже мною шага, усугубьте молитву вашу, да не отщетитъ Господь чаянія моего и даруетъ мнѣ, хоть не безъ трудовъ, обрѣсти искомое мною. И я буду молиться о васъ,—буду молиться, чтобъ Господь всегда ниспосылалъ вамъ всякое благо,— улучшалъ благосостояніе и отвращалъ всякую бѣду, паче же чтобъ устроялъ ваше спасеніе. Спасайтесь, и спаситесь о Господѣ! Лучшаго пожелать вамъ не умѣю Все будетъ, когда спасены будете. Путь спасенія вамъ вѣдомъ, вѣдомо и все спасительное устроеніе Божіе! Въ семъ отношеніи довольно вамъ напомнить слова Апостола Павла: *о Тимоѳее! преданіе сохрани*. Сохраните, что Господомъ и св. Его Апостолами предано церкви и что одно поколѣніе христіанъ передаетъ другому. Напомнить о семъ вамъ понуждаюсь того ради, что нынѣ много лживыхъ ученій

ходитъ между нами, ученій растлительныхъ, подрывающихъ основы вѣры, разстроивающихъ семейное счастіе и разрушающихъ благосостояніе государства. Поберегитесь, ради Господа, отъ сихъ ученій. Есть камень, коимъ испытываютъ золото. Испытательнымъ камнемъ да будетъ для васъ св. ученіе, издревле проповѣдуемое въ церкви. Все несогласное съ симъ ученіемъ отвергайте, какъ зло, какимъ бы титломъ благовиднымъ оно ни прикрывалось... Вы только это соблюдите, а все прочее уже само собою приложится вамъ. За чистотою вѣры послѣдуетъ осѣненіе благодати. Благодать съ вѣрою созиждутъ святыми и непорочными сердца наши. Чистые же сердцемъ Бога начинаютъ зрѣть еще здѣсь,—узрятъ Его несомнѣнно тамъ, и будутъ вѣчно зрѣть и блаженствовать въ семъ зрѣніи.—*Это небольшое напоминаніе прошу принять, какъ* **послѣднее завѣщаніе;** и большимъ чѣмъ обременять вниманія вашего не буду. Все знаете сами. Поревнуйте только стать въ рядъ тѣхъ ублажаемыхъ, коихъ указалъ Господь въ словѣ Своемъ: *сія вѣсте; но блаженни есте, аще творите я.* Затѣмъ—простите! простите, если кого оскорбилъ, обидѣлъ, онеправдовалъ, или чѣмъ соблазнилъ. Господь Богъ благодатію Своею да проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ! И еще прошу: не забывайте меня въ молитвахъ вашихъ».

«Весьма многіе изъ предстоящихъ въ храмѣ, говоритъ тотъ же очевидецъ,—во все время бесѣды владыки обливались обильными слезами».

28 іюля, послѣ напутственнаго молебна въ домовой церкви, самимъ же святителемъ устроенной, отправился онъ изъ Владиміра на Вышу...

Съ тѣхъ поръ началась его затворническая жизнь, продолжавшаяся безъ малаго 28 лѣтъ, съ тѣхъ поръ—въ тиши уединенія—«горѣлъ онъ, какъ свѣча или неугасимая лампада предъ ликами Христа, Богоматери Заступницы и святыхъ Божіихъ».

«Около шести лѣтъ, говоритъ свидѣтель очевидецъ, горѣніе это было *явное*, ибо святитель ходилъ ко всѣмъ службамъ Божіямъ, наравнѣ съ иноками, и къ ранней литургіи; слушая службы Божіи, стоялъ онъ благоговѣйно, тихо, не озираяся никуда, бодренно, какъ воинъ предъ Христомъ Царемъ небеснымъ, очи свои закрывалъ, ради собранности ума и сердца въ молитвѣ; случалось, послѣ литургіи подносившій владыкѣ антидоръ стоялъ предъ нимъ минуты двѣ, и погруженный въ молитву богомолецъ открывалъ очи и бралъ поднесенное.

«Въ великіе праздники и воскресные дни нашъ святитель служилъ соборне, съ о. архимандритомъ и братіею, Божественную литургію. Своимъ благоговѣйнымъ священнослуженіемъ святитель Ѳеофанъ и въ сослужащихъ съ нимъ вселялъ благоговѣніе и страхъ Божій. Едвали кто изъ насъ, иноковъ вышенскихъ, когда-либо слышалъ во св. алтарѣ какое стороннее слово изъ устъ святителя Ѳеофана, кромѣ послѣдованія богослужебнаго. И поученій онъ не говорилъ, но самое служеніе его предъ престоломъ Божіимъ было живымъ поученіемъ для всѣхъ. Бывало среди вѣрующаго простаго народа только и слышны сердечные вздохи умиленія и возгласы: Господи помилуй». *Тамб. Епарх. Вѣд.* № 6. 1894 г. «Воспоминанія Вышенскаго инока».

Съ 1872 года святитель самъ устроилъ въ своихъ келліяхъ малую церквицу, во имя Богоявленія Господня. Тогда онъ заключился въ своей келліи, прекративъ всѣ сношенія съ людьми, за исключеніемъ своего духовника и настоятеля пустыни. Со всѣми, кто жаждалъ его духовнаго руководства, онъ сносился только письменно...

Что склонило святителя къ такому полному отрѣшенію отъ общества, отъ міра, наконецъ даже отъ общенія съ братіею? Судя по внутреннему строю души его, можемъ предполагать, что его тяготила административная дѣятельность и самая

власть епископская. По свидѣтельству лицъ, его знавшихъ, его благость и снисходительность къ людямъ, его довѣріе къ нимъ были безграничны.... А когда ему приходилось сдѣлать кому либо выговоръ или порицаніе, онъ поручалъ своему ключарю исполнить за него эту тяжелую для его любвеобильнаго сердца обязанность... Но все это предполеженія. Кто можетъ вполнѣ разъяснить намъ тайны другой души и ея внутренній міръ, въ которомъ рождаются и созрѣваютъ тѣ или другія рѣшенія?!... Есть, напримѣръ, посвящающіе себя наукѣ, искусству... отъ чего? Такой талантъ, писалъ святитель,—почему же не благоволить къ тѣмъ, кои посвящаютъ себя Богу? Ибо и это даръ Божій,—*настроеніе духа таково*»... Настроеніе духа, конечно, даръ Божій, но оно окрѣпло, безспорно, благодаря сознательному подвигу. И, думается намъ, на святителя Ѳеофана имѣлъ могущественное воздѣйствіе примѣръ другаго святителя, подобно ему удалившагося на покой и проведшаго всю остальную жизнь въ молитвѣ, богомысліи и великихъ подвигахъ, именно Св. Тихона Задонскаго. Не даромъ такъ часто упоминаетъ онъ его въ своихъ сочиненіяхъ, настойчиво совѣтуетъ читать его сочиненія. Не даромъ въ своемъ затворѣ, самъ, своей святительской рукой, онъ писалъ его образъ во весь ростъ—и оставилъ его еще не вполнѣ оконченнымъ... Не даромъ еще юношей ходилъ онъ за 100 верстъ на поклоненіе гробницѣ свято-чтимаго имъ угодника Божія: не даромъ промыслъ Божій привелъ его быть свидѣтелемъ великаго торжества православной церкви—открытія мощей свят. Тихона.

«Даруй вамъ, Господи, увидѣть монашескую жизнь въ монастырѣ, писалъ Владыка. Извольте знать, что во всякомъ монастырѣ текутъ двѣ жизни: одна обычная житейская,—ходятъ, говорятъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ и проч.; а другая—собственно монашеская, въ молитвѣ, постѣ, богомысліи и борьбѣ со страстями проходящая. На виду только первая,—

а вторая не видна и намѣренно скрывается, даже отъ своихъ, а не только отъ пришлыхъ»...

«Хотѣлось бы, говоришь, въ затворъ. Раненько, да и нужды нѣтъ. Одинъ же живешь. Когда—когда кто зайдетъ. А что въ церкви бываешь, то не разбиваетъ твоего одиночества, а утверждаетъ, или даетъ тебѣ силу и дома проводить время молитвенно. По временамъ можно—день, другой не выходить, все съ Богомъ стараясь быть. Но это у тебя и само собою бываетъ. Такъ нечего загадывать о затворѣ. Когда молитва твоя до того укрѣпится, что все будетъ держать тебя въ сердцѣ предъ Богомъ, тогда у тебя и безъ затвора будетъ затворъ. Ибо затворъ что есть? То, когда умъ, заключившись въ сердцѣ, стоитъ предъ Богомъ въ благоговѣинствѣ и выходить изъ сердца или чѣмъ нибудь заняться другимъ не хочетъ. Этого затвора ищи, а о томъ не хлопочи. Можно и при затворенныхъ дверяхъ по міру шататься или цѣлый міръ напустить въ свою комнату».

Можно быть затворникомъ и живя въ мірѣ.

«Ищущему Господа надобно удалиться отъ міра. Подъ міромъ разумѣется все страстное, суетное, грѣховное, вошедшее въ жизнь частную, семейную и общественную и ставшее тамъ обычаемъ и правиломъ. Потому удалиться отъ міра не то значитъ, чтобы бѣжать отъ семейства или отъ общества, а оставить нравы, обычаи, правила, привычки, требованія, совершенно противоположныя духу Христову, принятому и зрѣющему въ насъ. Гражданство и семейство—благословенны у Бога; потому не должно отрѣшаться отъ нихъ или презирать, равно какъ и все, принадлежащее къ ихъ существенному благоустроенію. Но все пришлое къ нимъ, прихотное, похотное и страстное, какъ наростъ вредящій и искажающій ихъ, должно презрѣть и отвергнуть. Убѣжать отъ міра значитъ установить себя въ истинной семейственности и гражданственности; все же другое сдѣлать такъ, что-

бы оно было какъ бы не наше, не насъ касалось. Требующіе міра сего, яко не требующе (1 Кор. 7, 31). Почему такъ должно дѣлать, очевидно само собою. Суетное, страстями пропитанное, неминуемо передаетъ въ душу нашу то же, возбуждаетъ или прививаетъ страсть. Какъ ходящій около сажи или касающійся огня опаляется, такъ и участвующій въ мірскомъ пропитывается страстнымъ, богопротивнымъ. Потому, попавши въ міръ, покаявшійся снова падаетъ, а невинный развращается. Это неизбѣжно. Тотчасъ омрачается умъ, раждается забвеніе, ослаба, плѣнъ и расхищеніе, а тамъ и уязвленіе сердца, за нимъ страсть и дѣло,—и человѣкъ палъ... А что именно оставить и какъ, тому учитъ болѣе опытъ, нежели наше писаніе. Законъ такой: оставить должно все, что опасно для новой жизни, что возгрѣваетъ страсть, наноситъ суету и погашаетъ духъ; а во всемъ этомъ сколько разнообразія!.. Мѣрою тому пусть будетъ собственное сердце каждаго, искренно ищущаго спасенія безъ лукавства, не на показъ только... Отсюда слѣдуетъ, что оставить міръ есть не что иное, какъ перечистить всю свою внѣшнюю жизнь, устранить изъ нея все страстное, замѣнить чистымъ, не мѣшающимъ духовной жизни, а помогающимъ ей—въ жизни семейной, частной, общественной; установить вообще образъ внѣшняго своего поведенія дома и внѣ, съ другими и по должности».

«Страшно, однакоже; какъ же быть, оставя міръ? Это страшно, только снаружи, внутри же оставленіе міра есть вступленіе въ рай. Совнѣ—тотчасъ озлобленіе, скорби, потери: что-же? — Скрѣпи себя терпѣніемъ. Что дороже: міръ или душа, время или вѣчность? Отдай малое—и возьми неизмѣримое по всѣмъ измѣреніямъ. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что сильный натискъ отъ міра бываетъ только въ началѣ, потомъ стихаетъ, стихаетъ, и оставившій міръ оставляется въ покоѣ, ибо въ мірѣ рѣдко кѣмъ дорожатъ,—

поговорятъ, поговорятъ, а тамъ и забудутъ. Съ оставляющими міръ—то же, что и съ мертвыми. Потому можно и не такъ страшиться непріязни міра, ради его суетливости и гордости, —ради того, что онъ любитъ наличное, а другое забываетъ. Онъ зрѣлище: занятъ только или держитъ въ себѣ тѣхъ, кои въ немъ, до другихъ же ему мало дѣла».

«Такимъ образомъ, то занятіями, обращенными на созиданіе души, то стѣсненіемъ плоти во всѣхъ ея частяхъ, особенно тѣхъ, кои суть ближайшіе органы души, то перечищеніемъ внѣшняго порядка, человѣкъ ищущій хорошимъ и прочнымъ оплотомъ обезопаситъ свое внутреннее. Укрѣпившись внутрь духовными и душевными занятіями въ уединеніи, при стѣсненіи плоти, исходитъ онъ къ дѣламъ семейнымъ, или гражданскимъ, или общежительнымъ, къ дѣламъ чистымъ и спасительнымъ, по волѣ Божіей, и всѣмъ тѣмъ созидается въ духѣ, или, по крайней мѣрѣ, не расхищается».

«Одно еще можетъ его развлекать это непрестанное видѣніе и слышаніе вещей то мірскихъ, то простыхъ, кои только потому, что дѣйствуютъ на душу, извлекаютъ ее чрезъ вниманіе къ себѣ вонъ и расхищаютъ. Если бы заградить и эти отверстія, то покой внутрь былъ бы ненарушимъ. Очевидно, надежнѣйшее и рѣшительнѣйшее къ тому средство есть загражденіе чувствъ: но это не всякому можно и должно. Потому св. отцами изобрѣтено спасительное средство: и подлежать впечатлѣнію внѣшнихъ вещей, и не развлекать, а созидать духъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы всякой вещи, всему видимому и слышимому дать духовное знаменованіе и до того укрѣпиться въ помышленіи о семъ духовномъ знаменованіи, чтобы при взглядѣ на вещь не она касалась сознанія, а ея знаменованіе. Кто сдѣлаетъ это для всего встрѣченнаго, тотъ постоянно будетъ ходить какъ въ училищѣ... И свѣтъ и тьма, и человѣкъ и звѣрь, и камень и растеніе, и домъ и поле, и все—все до малѣйшаго

будетъ урокомъ ему; надлежитъ только истолковать себѣ и укрѣпиться въ томъ. И какъ это спасительно!.. «Что ты плачешь»? спрашивали ученики у старца, увидѣвшаго красивую, разряженную женщину.— «Плачу, отвѣчалъ онъ, о погибели твари Божіей разумной и о томъ, что не имѣю такого радѣнія о душѣ, во спасеніе, какъ она о тѣлѣ на пагубу»... Другой, услышавъ плачъ жены на могилѣ, сказалъ: «такъ христіанинъ долженъ плакать о грѣхахъ своихъ».

«Безъ дѣла какъ быть? Будетъ грѣшная праздность. И работать что нибудь надо и кое-какіе хлопоты исполнять. Это долгъ вашъ. Всякое дѣло, сознанное достодолжнымъ, надо дѣлать со всѣмъ усердіемъ, это есть долгъ, огражденный страшнымъ прещеніемъ: проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. И внѣшнихъ отношеній пресѣчь нельзя. Надо держать ихъ и держать достодолжно. Это долгъ общежитія человѣческаго... Есть у насъ повѣрье, и чуть-ли не всеобщее, что коль скоро займешься чѣмъ-либо по дому или внѣ его, то уже выступаешь изъ области дѣлъ божескихъ и Богу угодныхъ. Оттого, когда породится желаніе — жить богоугодно или зайдетъ рѣчь о томъ, обыкновенно съ этимъ сопрягаютъ мысль, что ужъ коли такъ, то бѣги изъ общества, бѣги изъ дома,—въ пустыню, въ лѣсъ. Между тѣмъ и то и другое не такъ. Дѣла житейскія и общественныя, отъ которыхъ зависитъ стояніе домовъ и обществъ, суть Богомъ опредѣленныя дѣла, и исполненіе ихъ не есть отбѣганіе въ область небогоугодную, а есть хожденіе въ дѣлахъ Божіихъ... Но забота или многозаботливость, точащая сердце и покоя ему не дающая, есть болѣзнь падшаго, который взялся самъ устроить свою судьбу и мечется во всѣ стороны. Она разбиваетъ мысли и даже на томъ дѣлѣ, о которомъ хлопочетъ, не даетъ имъ сосредоточиться»...

Такъ понималъ святитель затворъ. Затворъ внѣшній лишь помогаетъ внутреннему.

Монашество есть, *съ отрѣшеніемъ отъ всего, непрестанное умомъ и сердцемъ пребываніе въ Богѣ.* Монахъ тотъ, у кого такъ устроено внутреннее, что только и есть Богъ, да онъ исчезающій въ Богѣ».

«Такъ какъ сему настроенію много мѣшаетъ семейная и гражданская жизнь, то ищущіе его удаляются отъ общества, разрываютъ или совсѣмъ не вступаютъ въ семейныя связи»...

«Ужъ когда въ монастырь, то на одиночество. Плохо жить въ монастырѣ тому, кто въ общеніи со многими хочетъ жить тамъ, какъ бы въ обществѣ. И тамъ одного только знать надо,—настоятеля, или духовнаго отца и старца»...

Въ обитель вступаютъ для того, «чтобы жить въ послушаніи безропотномъ, въ пощеніи строгомъ, въ молитвѣ трудолюбной и трезвеніи бодрственномъ. Тутъ ничего—неимѣніе, своей воли отсѣченіе и себя нежалѣніе вымолачиваютъ изъ души все страстное. Затѣмъ водворяется мирное устроеніе сердца, и чистота сердца — послѣдняя цѣль міроотречной жизни. Я не гоню васъ изъ міра»...

Но если кто твердо рѣшился—«какъ это сдѣлать?—Какъ кто можетъ, только сдѣлай съ совѣта и разсужденія, по руководству отца духовнаго, или того, къ кому есть довѣріе. Иные дѣлаютъ это вдругъ и, кажется, лучше, а иные исподоволь. Должно только съ первой же минуты все мірское и грѣховное возненавидѣть сердцемъ и быть для него чуждымъ... За этимъ внутреннимъ оставленіемъ міра оставленіе видимое можетъ послѣдовать и вдругъ и исподоволь. Человѣкъ слабый въ духѣ не снесетъ продолжительнаго искуса, не устоитъ, разслабѣетъ и падаетъ»...

Если всякая рѣшимость на все доброе дается человѣку не легко, тѣмъ болѣе—рѣшимость вполнѣ умереть для міра, рѣшимость разстаться со всѣми пристрастіями, «стереть въ порошекъ нашу калянную самость, нашъ упорный эгоизмъ»... Борьба настаетъ жестокая, упорная, страшная... «Въ минуту

возбужденія... грѣхъ молчитъ, какъ будто не до него касается то, что происходитъ у человѣка; но теперь, когда его хотятъ попрать, онъ, тысячеглавый, какъ называетъ его св. Лѣствичникъ, тысячи воплей испускаетъ на человѣка, замышляющаго сіе, въ это мгновеніе вся бездна зла, крывшаяся въ сердцѣ, возметается, какъ прахъ, и стремится опять покрыть всю его душу. Подобно тому какъ пробудившійся, пока думаетъ еще только встать, — все въ тѣлѣ у него спокойно. Но лишь только положитъ онъ встать самымъ дѣломъ и мало напряжетъ мышцы,—всѣ боли въ тѣлѣ, которыя дотолѣ не безпокоили, теперь даютъ о себѣ знать и подымаютъ жалобы. Такъ и у склонившагося на благодатный зовъ, грѣховныя боли молчатъ, пока онъ доходитъ до сего склоненія, но какъ только положитъ онъ приступить къ дѣлу, всѣ эти немощи поднимаютъ тревогу — сильную и смутительную. Помыслъ за помысломъ, движеніе за движеніемъ поражаютъ бѣднаго человѣка и влекутъ назадъ; нападая безъ всякаго порядка со всѣхъ сторонъ, охватываютъ душу и погружаютъ ее въ волненіи своемъ. Все доброе у человѣка держится какъ бы на волоскѣ и самъ онъ поминутно готовъ оторваться отъ того, чѣмъ держится, и снова погрузиться въ ту же среду, изъ которой восхотѣлъ выйти. Одно спасаетъ его—та сладость, льгота и отрада, которыхъ вкусить удостоился онъ въ моментъ возбужденія, и та крѣпость, которую ощутилъ онъ, когда изрекъ въ сердцѣ: «итакъ, сейчасъ начну». Кто видѣлъ, какъ малая искра туда и сюда носится въ домѣ, но все еще какъ бы стоитъ за себя или какъ малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверхъ, то внизъ, то вправо, то влѣво, — тотъ имѣетъ въ этомъ образъ того, что бываетъ въ сію минуту съ благимъ желаніемъ человѣка. Не въ душѣ только смятенія, но и кровь вся волнуется, бываетъ даже шумъ въ ушахъ и туманъ въ глазахъ»...

Какъ проходила жизнь святителя въ глубинѣ его затвора? Кто можетъ повѣдать намъ тайны его глубокаго уединенія? Кто можетъ знать о нихъ, кромѣ всевидящаго Сердцевѣдца Бога? Даже иноки Вышенской обители мало знали о немъ, даже слуга покойнаго, ближайшій къ нему человѣкъ, и тотъ не былъ посвященъ въ эту таинственную жизнь, являясь въ келліи только по зову и на короткое время... До 1872 года можно было видѣть святителя за богослуженіемъ, на рѣдкихъ прогулкахъ и выѣздахъ. Иногда онъ принималъ посѣтителей и бесѣдовалъ съ ними, но съ этого года, казалось, всѣ отношенія его къ внѣшнему міру прекратились, съ этого періода онъ, можно сказать, только тѣломъ принадлежалъ землѣ, духомъ же обиталъ въ горнемъ мірѣ... Одинъ изъ иноковъ Вышенской обители пишетъ, что за послѣдній періодъ полнаго затвора они, иноки, могли только судить о жизни владыки, «и то по малымъ ея проявленіямъ».. «Извѣстно намъ, что въ теченіе 21 года богомолецъ нашъ уединенникъ совершалъ въ своей малой церквицѣ келейной, въ первые десять лѣтъ каждый воскресный и праздничный день, а въ послѣдніе одиннадцать лѣтъ ежедневно Божественную литургію, а также и другія положенныя св. церковію богомоленія и свои личныя. Келейный служитель приготовлялъ богомольцу святителю въ опредѣленное время только самое необходимое для литургіи: облаченіе, вино церковное и просфоры. Совершалъ свои богомоленія уединенникъ одинъ предъ Господомъ, въ сослуженіи свв. Ангеловъ... На вопросъ ближайшаго своего почитателя-ученика, какъ онъ служитъ литургію, покойный святитель говорилъ: «служу по служебнику молча, а иногда и запою»... Другой инокъ, больной и немогущій бывать въ храмѣ Божіемъ, спрашивалъ у святителя, какъ ему исправлять въ келліи правило свое молитвенное и за службы церковныя что исполнять, и получилъ отвѣтъ: «замѣняй читаемое и поемое за службами церковными молитвою умною

Іисусовою, по четкамъ, какъ положено въ концѣ псалтири и служебника, за каждую службу... И я такъ дѣлаю... когда не могу вычитывать по книгамъ церковнымъ всѣ службы, выполняю положенное въ уставѣ церковномъ извѣстное число молитвъ Іисусовыхъ»... На желаніе того же инока — нельзя ли ему, хоть изрѣдка, когда въ силахъ будетъ, приходить за литургію, совершаемую имъ въ келліи, чтобы пріобщиться изъ святительскихъ его рукъ, богомолецъ отвѣчалъ: «пріобщаться тебѣ неудобно у меня, имѣй запасные дары Тѣла и Крови Христовыхъ, и пріобщайся келейно, по должномъ приготовленіи»...

Одинъ священникъ просилъ чрезъ инока Вышенскаго наставленія себѣ у святителя, какъ ему поучать своихъ прихожанъ. «Ну кто я такой, чтобы давать другимъ наставленія, отвѣчалъ смиренный учитель, пусть беретъ св. Тихона творенія и читаетъ въ церкви, и довольно съ него». Получая лично св. книжки отъ святителя, тотъ же инокъ говорилъ ему: «Владыко святый! Какъ и читать ваши св. творенія и свято-отеческія; ничего не вижу я въ себѣ похожаго на то, что творили Божіи угодники... Ничего у меня нѣтъ добраго»... «Что же дѣлать? я вотъ и книги составляю и пишу, отвѣчалъ Владыка, а и у меня ничего нѣтъ!.. Все отъ милости Божіей! Надо смиряться».

Удостоенный особенной милости отъ святителя — входить къ нему лично, инокъ вышенскій, изрѣдка входившій, свидѣтельствуетъ передъ Богомъ: «кротость и незлобіе святитель Θеофанъ проявлялъ истинно ангельскія, чисто-младенческія»... Нашъ святитель никого никогда не осуждалъ, не любилъ разбирать дѣлъ человѣческихъ и говорить о чемъ-либо мірскомъ, суетномъ, тлѣнномъ. Однажды этотъ же инокъ, по духовной нуждѣ своей придя къ нему, увидавъ его ласковость и веселость, осмѣлился сообщить ему одну новость невинную изъ жизни монашеской... Святитель вдругъ закрылъ

глаза свои, сидѣлъ какъ бы погруженный въ молитву, и ни слова не промолвилъ на эту новость. Прошло нѣсколько минутъ, опомнился принесшій новость, что погрѣшилъ, и владыка, открывъ очи, началъ разговоръ, но по обычаю о единомъ на потребу, о спасеніи души, о немощахъ, о неисправленіяхъ, о томъ, какъ жить и благоугождать Господу...

Когда надо было прекратить бесѣду, то святитель давалъ о семъ знакъ погруженіемъ внутрь себя молитвеннымъ. Воздохнувъ изъ глубины души, скажетъ: *Господи помилуй! Боже нашъ, помилуй насъ!* И уйдетъ какъ-бы весь внутрь себя предъ лице Сердцевѣдца Господа... закроетъ очи и сидитъ молча... «Тогда посѣтитель вставалъ, просилъ прощенія и благословенія, и уходилъ».

«Постничество, умерщвленіе плоти было у святителя нашего совершенное. Онъ былъ какъ бы проникнутъ весь духовностію, и тѣло свое питалъ для того только, чтобы оно помогало духу его жить свободно, легко... Иначе, подчиняясь хоть въ малой мѣрѣ плоти и крови, онъ не могъ бы вмѣстить въ своемъ духѣ такой высокой премудрости Божіей, какая обитала въ немъ и выразилась въ столь многочисленныхъ богомудрыхъ его твореніяхъ».

«Милостивъ почившій святитель ко всѣмъ бѣднымъ былъ, кажется, безъ границъ. «Рѣдкая почта проходитъ, говорилъ сердобольный святитель одному иноку, чтобы бѣдные не писали и не просили. Радъ помогать и по возможности помогаю». Бывало, предъ праздниками Рождества Христова и Пасхи получитъ милостивый святитель свою пенсію и разошлетъ ее всю, себѣ оставивъ только на выписку любимыхъ ему книжекъ... Конвертовъ по 10-ти и болѣе денежныхъ приходилось сдавать по почтѣ тому же иноку, по порученію св. владыки, и съ суммою немалою, вдовамъ и сиротамъ и разнымъ горемыкамъ въ мірѣ. И такъ проходило изъ года въ годъ во всю его уединенную жизнь на Вышѣ, не говоря о

разныхъ другихъ его дѣлахъ милости и помощи, въ другія времена. И книжки свои онъ всегда дарилъ и разсылалъ безмездно. «У меня нѣтъ продажныхъ... скажетъ, бывало, святитель, вотъ вамъ книжка» (Воспоминанія Вышенскаго инока).

Вотъ почти все, что можно услыхать о святителѣ на мѣстѣ его пребыванія, въ Вышенской обители.

Впрочемъ о внутреннемъ распорядкѣ затворнической жизни святителя мы можемъ кое-что узнать и по его сочиненіямъ. Утромъ, какъ сказано выше, онъ служилъ литургію въ своей домашней церкви, находившейся рядомъ съ его рабочимъ кабинетомъ. «Въ свою комнату прямо изъ церкви спѣшите, и привѣтъ ей дѣлайте нѣсколькими поклонами, прося Господа благоговѣйно, съ пользою душевною провести предлежащее время уединеннаго дома пребыванія, писалъ святитель одной юной особѣ, жаждавшей духовной жизни. Мыслямъ же все-таки блуждать не давайте, а говорите въ себѣ, ни о чемъ не думавши, одно: Господи, помилуй! Господи, помилуй!—Отдохнувши, какое-либо дѣло надо дѣлать: или молиться или рукодѣльничать». (Святитель былъ самъ превосходнымъ рѣщикомъ, слесаремъ и хорошимъ художникомъ. Пишущему эти строки довелось увидать у племянника святителя А. Г. Говорова три превосходныхъ иконы его работы: Спасителя, несущаго крестъ, Казанской Божіей Матери и св. великомученицы Варвары, ангела супруги А. Г. Говорова. Дивно неземное выраженіе въ св. ликахъ.) «Нельзя все духовнымъ заниматься: надо какое-либо нехлопотливое рукодѣліе имѣть. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться неспособна. А если тѣ духовныя занятія идутъ хорошо, то рукодѣлія можно не касаться. Оно назначается для наполненія времени, которое безъ него придется проводить въ праздности... Какъ дома молиться? Вы хорошо сказали, что надо немного надбавить противъ обыкновеннаго правила мо-

литвеннаго... (Писавшая святителю въ то время говѣла). Но лучше, если вы прибавите не лишнія чтенія молитвъ, а подольше будете молиться безъ молитвенника, сами своимъ словомъ изъявляя предъ Господомъ свои кровныя нужды духовныя. Читайте и утромъ и вечеромъ не болѣе того, какъ и въ обыкновенные дни; но предъ началомъ молитвословія вашего и послѣ него, сами своею молитвою молитесь, и въ промежутки читаемыхъ молитвъ вставляйте свою молитву, кладя поклоны, — поясные и земные,—и на колѣна становясь... Но слишкомъ длиннымъ и долгимъ правиломъ себя не вяжите. Лучше почаще вставать на молитву и класть поклоны въ продолженіе дня понемногу, но часто, чтобы весь день перетростить поклонами. Умомъ же совсѣмъ не отступайте отъ Господа, на молитвѣ ли стоите, или другое что дѣлаете. Послѣ молитвы—чтеніе съ размышленіемъ. Читать надо не затѣмъ, чтобы память набивать разными свѣдѣніями и понятіями, а затѣмъ, чтобы получить назиданіе... Для того читать надо немного, но всякое вычитанное положеніе доводить до чувства, посредствомъ долгаго къ нему вниманія».

Далѣе святитель рекомендуетъ читать особенно творенія св. Тихона, замѣчая: «лучшаго для васъ чтенія не нахожу».

«Отчего бываетъ спѣшность въ молитвѣ? Непонятно. За другими дѣлами часы проводимъ и не кажется долго; а на молитву лишь станемъ, какъ ужъ думаемъ, что не знать какъ долго простояли. И ну погонять себя, чтобы скорѣе кончить. Никакого толку отъ молитвы и не бываетъ. Какъ же быть? Иные вотъ какъ дѣлаютъ: назначаютъ себѣ на молитву четверть часа, или полчаса, или часъ, какъ имъ удобнѣе, и такъ подгоняютъ свое стояніе на молитвѣ, чтобы ударъ на часахъ — получасовой, или часовой, — давалъ имъ знать о концѣ стоянія. Затѣмъ, становясь на молитву, уже

не заботятся о прочитаніи стольких и стольких молитвъ, а лишь о томъ, чтобы къ Господу вознестись въ молитвѣ достодолжно во все время положенное. Другіе такъ: опредѣливъ себѣ время для молитвы, узнаютъ, сколько въ это время разъ можно пройти четки, неспѣшно ихъ передвигая. Затѣмъ, становясь на молитву, передвигаютъ четки неспѣшно опредѣленное число разъ, а умомъ въ ту пору Господу предстоятъ или своимъ словомъ бесѣдуя къ Нему, или прочитывая какія-либо молитвы, или безъ того и другаго благоговѣйно поклоняясь Его безпредѣльному величію. Тѣ и другіе такъ навыкаютъ молиться, что минуты стоянія на молитвѣ бываютъ для нихъ сладостными минутами. И ужъ рѣдко бываетъ, чтобы они стояли на молитвѣ лишь положенное время, но удвояютъ и утрояютъ его... Спѣшить читаніемъ молитвъ не для чего. Пусть одинъ псаломъ прочитаете во все это время. *Нѣкто* разсказывалъ, что ему нерѣдко случается во все положенное у него время для молитвы прочитать одно—*Отче нашъ*, потому что всякое слово у него обращается въ цѣлую молитву.

«Молитва — для самонаблюденія барометръ духовный. Барометръ опредѣляетъ, какъ тяжелъ или легокъ воздухъ, и молитва показываетъ, насколько высоко-ходенъ или низко-ходенъ духъ нашъ въ его обращеніи къ Богу... Почаще становитесь предъ своими иконами въ продолженіе дня и кладите всякій разъ по нѣскольку поклоновъ,—поясныхъ и земныхъ. Пасть на колѣна и класть поклоны еще лучше. Никто вѣдь не видитъ, кромѣ Господа.. Молитва утромъ и вечеромъ — своимъ чередомъ... а въ эти частыя припаданія къ Господу—по немногу; не такъ однакожъ, какъ обычно знакомымъ при встрѣчѣ,—кивнуть головою, и довольно. Усердіе впрочемъ всему научитъ».

Мы не входимъ здѣсь въ святая святыхъ духовной жизни святителя, не изображаемъ *его* молитвеннаго подвига во всей

полнотѣ. Объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди. Наша цѣль въ настоящее время дать хотя приблизительное понятіе о томъ, что недоступно было взорамъ человѣческимъ — о затворнической жизни почившаго святителя.

Во время, свободное отъ молитвы, святитель предавался Богомыслію, и плодомъ его вдохновенныхъ созерцаній явились его многочисленные труды неизмѣримо-важной цѣнности. Намъ еще придется подробнѣе говорить объ нихъ. Здѣсь же скажемъ только, что его ученыя творенія составятъ эпоху въ развитіи православной богословской мысли... Можно быть увѣреннымъ, что почившій оставилъ столь великое и богатое духовное наслѣдіе, что его имя не угаснетъ съ его кончиной, а напротивъ съ поднятіемъ духовнаго самосознанія въ нашемъ обществѣ будетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе извѣстности, какъ великаго духовнаго свѣтила православія... С.-Петербургская Духовная Академія еще въ 1882 году «въ выраженіе глубокаго уваженія къ неутомимой и многоплодной литературной дѣятельности преосв. Θеофана въ области православнаго нравственнаго богословія и истолкованія св. Писанія» избрала его своимъ почетнымъ членомъ, а въ 1890 году «за его многочисленныя и замѣчательныя богословскія сочиненія» возвела въ степень доктора богословія. Святитель, безъ сомнѣнія, не искалъ такой оцѣнки... Главной чертой его твореній, какъ и твореній св. Тихона, слѣдуетъ признать ихъ самобытную свѣжесть, глубокую жизненность. Все, что писалъ преосвященный, извлечено было изъ глубоко пережитаго духовнаго подвига. Святитель обладалъ громадными познаніями не только въ области богословской науки, но и въ другихъ отрасляхъ знанія. Онъ владѣлъ, кромѣ классическихъ и новѣйшими языками, по видимому, зналъ и еврейскій. Но основой для его богомудрыхъ созерцаній служили почти включительно творенія восточныхъ великихъ учителей и аскетовъ. На этой родной

намъ почвѣ воспитался нашъ православный учитель, привнеся все разнообразіе своихъ духовныхъ дарованій, а главное—всю искренность и сердечность русскаго человѣка.

Не мало времени у почившаго отнимала и его громадная переписка. Со всѣхъ концовъ Россіи летѣли письма въ Вышенскую пустынь—съ выраженіемъ духовныхъ и тѣлесныхъ скорбей, съ горькими сѣтованіями на неправды, на суету мірскую, на душевное томленіе. Ежедневно получалось отъ 20—40 писемъ, и на каждое письмо святитель спѣшилъ отвѣтить. И его отвѣты были истиннымъ цѣлительнымъ бальзамомъ для скорбныхъ душъ. Онъ чутко старался угадать духовную потребность писавшаго и не жалѣлъ своихъ силъ, обстоятельно и сердечно разъясняя всѣ вопросы и недоумѣнія. Письма преосвященнаго Өеофана это истинное сокровище. Начавши читать его переписку, нескоро оторвешься отъ вдохновенныхъ страницъ. Какая свѣжесть и изящество слога, какое изумительное богатство всевозможныхъ сравненій, какая простота и сердечность сказывается всюду, въ каждомъ письмѣ!

«Какъ вы обрадовали меня отвѣтомъ»! часто читаемъ въ его письмахъ.

«А я растерялся въ догадкахъ, что бы такое было! —А вотъ что! Бабушка немножко болѣла. Ну бабушка побѣдоносное слово. Для внучекъ нѣтъ теплѣе мѣста, какъ у бабушекъ. Нѣтъ и для бабушекъ дороже лицъ, какъ хорошія внучки. И за это надо Бога благодарить.—А вы чаще утѣшайте бабушку и повнимательнѣе слушайте, что она говоритъ. У старицъ -мудрость, опытами и трудами жизни пріобрѣтенная... И онѣ часто невзначай, въ простыхъ фразахъ, высказываютъ такіе мудрые уроки, которыхъ и въ книгахъ поискать не найдешь».

«Хоть вы представили очень удовлетворительное объясненіе, почему не писали такъ долго; но все же слѣдовало бы на

васъ наложить, хоть небольшую, епитимію, въ видахъ исправленія. Думаю, однакожъ, что, можетъ быть, вы лучше расположитесь къ исправности, если поблагодарю васъ, что писали, и за то, что писали».

«Обѣщаете быть откровенною. Добрѣ! Ужъ откровенность — первое дѣло въ перепискѣ: иначе нечего было ее и затѣвать. И пишите всегда сплеча — все, что есть на душѣ, и особенно полнѣе излагайте вопросы, которые зашевелятся въ головѣ и станутъ настойчиво требовать рѣшенія. Тогда и рѣшенія будутъ приниматься, какъ земля жаждущая принимаетъ воду».

«Пишите обо всемъ. Скрытность въ житейскомъ быту — не худая вещь; въ духовной же жизни — самая опасная. Непремѣнно надо имѣть кого-нибудь, съ кѣмъ бы можно было совѣщаться о всемъ, бывающемъ и внѣ, и паче внутри».

Въ другой разъ владыка писалъ молодой особѣ, спрашивавшей относительно чтенія:

«Такъ какъ же — можно читать иное что кромѣ духовнаго? Сквозь зубы говорю вамъ, чуть слышно: пожалуй, можно, — только немного и не безъ разбора. Положить такую примѣту: когда, находясь въ добромъ духовномъ настроеніи, станете читать съ человѣческими мудростями книгу, и то доброе настроеніе начнетъ отходить, бросайте ту книгу. Это всеобщій для васъ законъ».

«Но и книги съ человѣческими мудростями могутъ питать духъ. Это тѣ, которыя въ природѣ и въ исторіи указываютъ намъ слѣды премудрости, благости, правды и многопопечительнаго о насъ промышленія Божія. Такія книги читайте. Богъ открываетъ Себя въ природѣ и исторіи такъ же, какъ и въ словѣ Своемъ. И они суть книги Божія для тѣхъ, кто умѣетъ въ нихъ читать».

«Сказать: читайте такія книги легко; но гдѣ ихъ взять? Этого я вамъ указать не могу. Нынѣ болѣе выходитъ книгъ

по предметамъ естествознанія. Но почти всѣ онѣ съ дурнымъ направленіемъ, — именно, покушаются объяснить происхожденіе міра безъ Бога, и всѣ нравственно-религіозныя, и другія проявленія въ насъ жизни — безъ духа и души. И въ руки ихъ не берите. Есть книги по предметамъ естествознанія безъ такихъ мудрованій. Тѣ можно читать. Хорошо уяснить себѣ строеніе растеній, животныхъ, особенно человѣка, и законы жизни, въ нихъ проявляющейся, великая во всемъ этомъ премудрость Божія! Неизслѣдимая»...

«А повѣсти и романы!? Есть и между ними хорошіе. Но чтобы узнать, хороши-ли они, надо ихъ прочитать, а прочитавши, наберетесь такихъ исторій и образовъ, что — Боже упаси! *Занавозите свою чистенькую головку. Послѣ, поди — вычищай*... Когда кто изъ прочитавшихъ благонамѣренныхъ людей порекомендуетъ какую повѣсть, можете прочитать...

Такъ говорить можетъ только отецъ или любящій родственникъ...

Той же особѣ, собравшейся къ преподобному Сергію на богомолье: «Вы напрасно полагаете, что это будетъ пріятная прогулка. Верстъ пятьдесятъ, можетъ-быть, пройдете не безъ пріятности, а потомъ начнете чувствовать не то, что ожидаете. Въ два дня дойдете. На первомъ ночлегѣ узнаете, что значитъ пѣшеходство, если не знали его прежде. Не забудьте взять пузырекъ водки съ солью, на ночь натрете ею ноги. Къ вечеру-то онѣ будутъ ужъ не свои. Натрете, къ утру онѣ немного отойдутъ. Утромъ ужъ не такъ пойдете, какъ изъ Москвы, но разойдетесь. Обратно можно и по чугункѣ, а то едва ли сдюжаете еще два дня пройти»...

И затѣмъ въ самомъ концѣ большаго письма: «не упустите главнаго — слезку сокрушенія. Одна слезка, — и будете какъ выкупавшись или въ банѣ помывшись. О такой слезкѣ я и прежде хотѣлъ вамъ нѣчто написать, да забылъ. Про-

пишу теперь. Вы берете книги изъ библіотеки для чтенія. Возьмите Жуковскаго и прочитайте статью: Пери и ангелъ. Она, кажется, въ пятомъ томѣ. Преназидательная. Она большая. Разскажу вамъ коротенько ея содержаніе! Пери—духъ, одинъ изъ увлеченныхъ къ отпаденію отъ Бога, опомнился и воротился въ рай. Но прилетѣвъ къ дверямъ его, находитъ ихъ запертыми. Ангелъ-стражъ ихъ говоритъ ему: есть надежда, что войдешь, но принеси достойный даръ. Полетѣлъ Пери на землю. Видитъ воина. Умираетъ доблестный воинъ, и въ слезахъ предсмертныхъ молитъ Бога объ отечествѣ. Эту слезу подхватилъ Пери и несетъ. Принесъ, но двери не отворились. Ангелъ говоритъ ему: хорошъ даръ, но не силенъ отворить для тебя двери рая. Это выражаетъ, что всѣ добродѣтели гражданскія хороши, но однѣ не ведутъ въ рай. Летитъ Пери опять на землю. Видитъ моръ. Умираетъ красавецъ. Его невѣста ухаживаетъ за нимъ съ самоотверженіемъ, но заражается и сама. И только что успѣла закрыть ему глаза, какъ и сама пала ему на грудь мертвою. Были слезы и тутъ. Пери подхватилъ одну и несетъ, но двери рая и за эту не отворились. Ангелъ говоритъ ему: хорошъ даръ, но одинъ не силенъ отворить для тебя неба. Это значитъ, что семейныя добродѣтели однѣ тоже не приводятъ въ рай. Ищи! Есть надежда. Пери опять на землю. Нашелъ кого-то кающагося. Взявъ его слезу и несетъ. И прежде чѣмъ приблизился къ раю, всѣ двери его были уже отворены для него. Такъ вотъ какую слезку извольте принесть Господу»...

Такъ святитель умѣлъ входить въ духовныя потребности каждаго и быть всѣмъ для всѣхъ...

Онъ скрылся въ своемъ затворѣ отъ очей людскихъ, но любовь его обнимала всѣхъ. Затворъ, кромѣ удовлетворенія его духовныхъ стремленій, давалъ ему досугъ: этимъ досугомъ пользовались многія, многія тысячи... Не мудрено въ перепискѣ его встрѣтить слѣдующія занимательныя строки:

«я знаю одного человѣка, который всегда одинъ — самъ никуда не выходитъ, и другихъ къ себѣ не принимаетъ. Спрашиваютъ его: какъ тебѣ не скучно? Онъ отвѣчаетъ: мнѣ некогда, такъ много дѣла, что, какъ открою глаза, дѣлаю— дѣлаю, и никакъ не успѣваю передѣлать, пока закрою ихъ»...

ГЛАВА III.

Въ затворѣ.

Глубоко поучительны и внѣшнія проявленія жизни замѣчательныхъ людей, тѣмъ болѣе людей высокаго духовнаго совершенства, но можетъ ли быть что-либо выше, цѣннѣе, какъ возможность проникнуть въ ихъ внутренній міръ, въ глубину ихъ души и познать, какъ вѣровалъ и молился, какъ размышлялъ и внутренно боролся самъ съ собою, какъ страдалъ и радовался человѣкъ, надѣленный богатыми духовными силами и небесными стремленіями?! Но съ другой стороны—кто дерзнетъ на подобную попытку? Кто настолько чтитъ, чтобы войти во святилище? Чтобы понимать великаго художника, надо самому хотя отчасти понимать и любить искусство, тѣмъ болѣе — только человѣкъ, не чуждый духовнаго подвига, можетъ понять душу подвижника... Признаемся, мы чувствуемъ трепетъ въ душѣ, размышляя о попыткѣ изобразить внутреннюю жизнь въ Бозѣ почившаго святителя, и никогда бы не дерзнули на это, если бы онъ самъ въ своихъ дивныхъ твореніяхъ не ввелъ насъ во святая святыхъ своей души. Всякій, кто только имѣетъ чувство правды въ душѣ, не можетъ не почувствовать при чтеніи сочиненій епископа Ѳеофана непреодолимой силы искренности и правды. Все въ нихъ въ высшей степени субъективно, въ нихъ высказано то, что пережито, что выстрадано, что прі-

обрѣтено собственными усиліями. За каждой фразой вы невольно предполагаете внутренній опытъ, духовный подвигъ. Отсюда—красота, отсюда—непосредственное воздѣйствіе на душу другаго, которыми отличаются произведенія глубоко-искреннихъ писателей, и въ числѣ ихъ—творенія почившаго святителя. Его собственными словами мы и постараемся познакомить съ его богатой внутренней жизнью, тѣмъ болѣе что это дастъ возможность каждому прочесть или возобновить въ памяти нѣсколько страницъ, изумительныхъ по силѣ убѣжденія, по глубинѣ и тонкости психологическаго анализа.

Сдѣлаемъ небольшую оговорку. Совершенство духовное не то, что мірское, и духовная мудрость не то, что свѣтская. Изображая умственный складъ какого-нибудь знаменитаго дѣятеля, напр., въ области науки, обыкновенно намѣчаютъ различныя стадіи его развитія, постепенной выработки его взглядовъ и убѣжденій и проч. Говорятъ о достигнутыхъ имъ успѣхахъ, объ сдѣланныхъ имъ открытіяхъ. Не совсѣмъ такъ въ дѣлѣ спасенія, которое составляетъ задачу всей жизни человѣка, во всей ея цѣлости. «Коротко и легко дѣло самоисправленія въ описаніи, говоритъ святитель, но не такъ коротко, а тѣмъ менѣе легко оно на самомъ дѣлѣ». Притомъ благодать Божія многоразличными путями ведетъ человѣка ко спасенію: «одного пріемлетъ она прямо въ блаженный покой, изводитъ на пажить духа, пасетъ и услаждаетъ; другого долгими обходами испытываетъ и послѣ многообразныхъ уже странствованій проводитъ туда, какъ утружденнаго и измозденнаго путника».

Мы, наприм., можемъ съ увѣренностью говорить, что, удаляясь на покой и затѣмъ въ затворъ, святитель достигъ уже высокой степени духовнаго совершенства. «На безмолвіе не потянетъ того, кто не вкусилъ еще сладости Божіей; сладости же сей не вкуситъ тотъ, *кто не побѣдилъ еще страстей*». Между тѣмъ мы знаемъ, что брань со страстями, съ грѣхов-

ными навыками продолжается въ человѣкѣ до самой смерти. Подвижничество есть *непрестанная* побѣдность... Труды добродѣланія, подвиги самоисправленія, скорби терпѣнія противностей представляютъ періодъ ношенія во чревѣ и образованія новаго человѣка: *смерть будетъ его рожденіемъ*».— «Самоугодіе долго скрытно живетъ въ насъ и послѣ того, какъ мы *явно* отверглись себя и Богу себя предали и не хотимъ ни на іоту нарушитъ сего рѣшенія». Грѣховные помыслы самоугодія, повидимому, совершенно подавленные, могутъ вновь воскресать въ душѣ и часто составляли камень «преткновенія для оставляющихъ бдительность даже на высшихъ ступеняхъ духовнаго совершенства». Поэтому, изображая внутреннюю жизнь святителя его же словами, мы въ сущности говоримъ о подвигѣ всей его жизни. Въ «затворѣ» онъ совершался, конечно, только полнѣе, безпрепятственнѣе...

Въ какомъ состояніи душа у вступающаго въ брань (со грѣхомъ) человѣка, *образовавшаго въ себѣ твердую рѣшимость жить какъ должно*, и въ какомъ отношеніи ея новое настроеніе къ другимъ расположеніямъ души»? спрашиваетъ святитель.

«Потому ли, что духъ, прежде такъ глубоко сокрытый подъ движеніями души и даже тѣла, и теперь высвобожденный силою благодати изъ сей темницы, получивъ свободу дѣйствованія..., передаетъ сознанію свои высокія требованія съ такою силою, что и произволеніе неуклонно подвигается къ выполненію ихъ, или потому, что сила благодати соприкасалась душѣ и проникла сознаніе и произволеніе такъ внутренно и глубоко, что оставила въ нихъ неизгладимые слѣды особеннаго духовнаго настроенія, только въ *окончательно рѣшившемся начать новую жизнь душа ощущаетъ совершенно новый порядокъ бытія и жизни* и, полагая въ немъ все свое блаженство, пламенно желаетъ войти

въ оный, чего бы это ни стоило. Впрочемъ, на первый разъ на ея сторонѣ только и есть. Она жаждетъ новаго порядка; не жалѣя себя, готова все сдѣлать для водворенія его въ себѣ, но между тѣмъ сама все еще объята и какъ бы покрыта тѣмъ, что не только не способно соотвѣтствовать ея преднамѣренію, но даже положительно противоположно ему. Нѣтъ въ ней ни одной силы, которая бы сочувствовала ей, нѣтъ ни одного движенія, которое бы не возставало противъ нея: хотѣла бы мыслить по новому, но умъ не умѣетъ соотвѣтствовать ея желанію, хотѣла бы услаждаться духовнымъ, но сердце еще не имѣетъ къ тому вкуса; а тамъ все количество страстей и обычныхъ наклонностей поминутно готовы вспыхнуть и своею адскою силою попалить ростокъ новой жизни. Вообще рѣшившійся все еще таковъ же, каковъ былъ и прежде, только у него коренное начало ново. Это все то же, какъ если кто приметъ лѣкарство, и оно будетъ воспринято тѣломъ. Исцѣленіе здѣсь начато въ центрѣ жизни, но ему остается еще проникнуть до послѣднихъ оконечностей, кои все еще остаются зараженными болѣзнями»...

«Сознаніемъ и произволеніемъ вы стоите на сторонѣ Божіей. Богу хотите служить и Ему единому угождать. Это — точка опоры для вашей дѣятельности въ духѣ». Но страсти и злые навыки мѣшаютъ духовной жизни. Необходимо вооружиться противъ страстей. Богу неугодно все страстное, потому что страсти противны заповѣдямъ Божіимъ. Борьба со страстями неизбѣжна. Онѣ не уступятъ сами собою своихъ владѣній, хотя и незаконныхъ. «Страсти то же, что сырость въ дровахъ. Сырые дрова не горятъ. Надо со стороны принесть сухихъ дровечекъ и зажечь. Они, горя, начнутъ просушивать сырость, и по мѣрѣ просушиванія зажигать сырыя дрова. Такъ понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, объемлетъ пламенемъ и всѣ дрова поло-

женныя. Дрова суть всѣ силы души нашей и всѣ отправленія тѣла. Всѣ онѣ, пока не внимаетъ человѣкъ себѣ, пропитаны сыростью—страстями, и пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному».

Такимъ образомъ въ духовномъ подвигѣ мы необходимо должны различать два теченія или двѣ стороны духовной жизни: съ одной стороны, необходимо воспитывать въ себѣ ростокъ новой духовной жизни, успѣвать въ послушаніи и любви къ Богу, съ другой—вести непрерывную брань со страстями и злыми навыками. «Въ непрерывной связи съ *прямымъ положительнымъ занятіемъ* силъ всегда стоитъ *не прямое направленіе* къ прогнанію зла и страстности, иначе *борьба со страстями и похотьми*».

«Между *обращеніемъ* (къ Богу) и *освященіемъ* среднее мѣсто должно занимать *исправленіе или очищеніе*: ибо иначе — кое общеніе свѣту ко тьмѣ? Сіе очищеніе бываетъ болѣе или менѣе продолжительно, болѣе или менѣе трудно, смотря по нравственному состоянію приводимаго въ предначертанное христіанское совершенство; но, во всякомъ случаѣ, оно мучительно. Грѣхъ вошелъ въ самую глубину существа человѣческаго, оттуда развѣтвился въ разнообразныхъ наклонностяхъ, привычкахъ, страстяхъ, и, проникнувъ все существо его, распространился вновь и связалъ его съ чувственными вещами узами, столь же почти крѣпкими, какъ узы бытія. Какъ ни осторожно будешь очищать отъ грѣха существо, зараженное имъ, не можешь не причинить боли, подобно тому, какъ нельзя не причинить боли, когда вынимаешъ занозу изъ живаго тѣла. Сердце, пристращенное къ чему-нибудь, какъ бы входитъ само въ предметъ пристрастія; отрывая его отъ предмета или предметъ отъ него, отрываютъ какъ бы часть его самого»...

«Грѣхъ, вселившись въ самой глубинѣ души, вмѣстѣ съ тѣмъ подчинилъ себѣ и всѣ силы ея, — умъ, волю и чув-

ство, и разложился отъ сего на множество наклонностей, страстей и грѣховныхъ помышленій; изъ души перешелъ въ тѣло, отсюда въ дѣла и поступки,—и такимъ образомъ проникъ все поведеніе и всѣ отношенія человѣка. Такъ, «грѣхъ приразился ко всему существу человѣка, — и къ душѣ, и къ мыслямъ, и къ уму, — потрясъ всѣ тѣлесные члены; и ничто въ душѣ и въ тѣлѣ не свободно и не удалено отъ злыхъ вліяній сего живущаго въ насъ грѣха» (Мак. Вел. Бесѣд. о повр. и обновл. сост. челов., § 4). «Весь человѣкъ облеченъ въ сей грѣхъ, чтобы не могъ уже смотрѣть такъ, какъ бы хотѣлось, но чтобы и видѣлось худо, и слышалъ худо, чтобы и ноги имѣлъ скорыя къ злодѣянію, и руки, простертыя къ беззаконію, и сердце, занятое злыми помыслами» (тамъ же, 1—2).

«Живущій въ насъ грѣхъ, съ діаволомъ — отцемъ его, точно есть деспотъ, держащій душу у себя въ плѣну и не дающій человѣку дѣлать то, что противно ему. Какъ инстинктъ, влечетъ онъ грѣшника по обычному пути далѣе и далѣе, не давая ему времени одуматься и какъ-нибудь остановить цѣпь своихъ грѣховныхъ желаній. Большею частію грѣшнику и на мысль не приходитъ измѣнить свою жизнь: грѣшникъ и не думаетъ о томъ, что грѣшитъ «вверженный въ море забвенія и бездну пороковъ, и какъ бы во вратахъ ада поселившись» (Мак. В. о тер. и разл. вещей, гл. 18). «Округъ бо сердца завѣса нѣкая тьмы обложена лежитъ, дымъ, глаголю, исходящій отъ огня мірскаго духа, который ниже мысли допускаетъ обращатися съ Богомъ, ниже душѣ дозволяетъ по соизволенію молитися, или вѣровати, или любити Господа» (тамъ же, гл. 5). Но если и увидитъ грѣшникъ, если и узнаетъ, что того или другаго не должно дѣлать, что то или другое желаніе, та или другая наклонность, незаконны, безнравственны: то и тогда что пользы! Ему не хочется поднять руку, подвинуть ногу въ противность

незаконному желанію или незаконной наклонности; потому что ему вообще не хочется не грѣшить, не хочется воспротивиться себѣ и покориться Божіей правдѣ. Онъ плѣнникъ, увидѣвшій, что связанъ по рукамъ и по ногамъ, и безпечно предавшійся поносной судьбѣ рабства. Это—главный недугъ, коренное зло, поддерживающее всѣ душевные недуги, питающее всѣ грѣховныя наклонности — нежеланіе возстать противъ грѣха, нежеланіе покориться волѣ Божіей. Кто хочетъ освободиться отъ рабства грѣховнаго, очистить душу свою отъ всѣхъ сквернъ, тому необходимо прежде всего возненавидѣть грѣхъ, возжечь желаніе противиться ему, истребить противленіе Божію закону и возжечь желаніе ходить въ немъ, — *необходимо переломить волю*. Безъ сего нельзя сдѣлать никакого добра, нельзя побѣдить ни одного грѣховнаго движенія. Правда, «суть нѣцыи, какъ говоритъ св. Макарій, воздерживающіися отъ всякаго блуда, и татьбы, и лихоимства, и подобныхъ симъ грѣховъ, и посему въ число святыхъ вносятъ себя: но въ самой истинѣ весьма далеко отстоятъ отъ святости. Обитаетъ бо въ умѣ ихъ злоба многожды, и живетъ, и пресмыкается, и не у оставила ихъ» (Сл. о возв. ум., гл. 20). Не просто бо *воздержаніе* отъ злыхъ, говоритъ онъ въ другомъ словѣ, очищеніе есть: но *истребленіе* тѣхъ изъ совѣсти совершенное есть очищеніе. Вниди ты, кто-либо еси, чрезъ возрастающія въ тебѣ выну помышленія, къ военноплѣнной и рабѣ грѣха душѣ твоей, и разсмотри до дна мысли твои, и глубину помышленій изслѣдуй: и узриши въ нѣдрахъ души твоея ползающаго и гнѣздящагося змія, убивающаго тебя отравою частей души твоея. Неизмѣримая бо бездна есть сердце: но аще убіеши змія сего, похвалися предъ Богомъ о чистотѣ твоей; аще же ни: смири себе, яко немощный и грѣшный» (О хр. сердца, 1). Сія-то злоба, сей-то змій, кроющійся въ сердцѣ — хотѣніе грѣха и нехотѣніе правды - и должно быть убито перво-

начально. Безъ сего невозможенъ никакой успѣхъ: при каждомъ дѣлѣ будутъ какъ-бы отниматься руки».

Но вотъ и рѣшеніе работать Господу и отринуть грѣхъ созрѣло, но—«только что напряжетъ душа силы, чтобы приступить къ дѣлу, какъ вдругъ поражаетъ ее вниманіе жалостный вопль: еще день и—довольно; завтра преступишь сію границу. Вопль самый обольстительный! Грѣхъ стоитъ здѣсь за насъ, умаливаетъ, чтобы мы сжалились надъ собою; но склонись только мало на его внушеніе, какъ вся толпа злыхъ помышленій, прогнанная только изъ сердца, во мгновеніе ока, какъ бы по мановенію жезла, охватитъ тебя отовсюду и подавитъ своею тяжестію: человѣкъ, прежде доходившій до воодушевленія, снова не хочетъ приподнять руки. двинуть ногою. Потому воодушевись мужествомъ, не почитай сего помышленія происходящимъ отъ тебя, не давай ему надолго оставаться въ душѣ, и особенно не допускай до сердца. Спѣши изгнать его яснымъ представленіемъ о безразсудствѣ и опасности отлагательства; будь увѣренъ, что это малое требованіе есть сокращеніе всего, есть прелестное представленіе рабства въ видѣ свободы, есть льстивое дружество, скрывающее непримиримаго врага. Воодушевись: поразивъ сего врага, ты пріобрѣтешь рѣшительную побѣду. Скажи: «готово сердце мое... возставъ, иду»...

«Трудно!!.. Но что же бываетъ безъ труда? Съ тѣхъ поръ какъ проклята для человѣка земля въ дѣлахъ своихъ, — человѣкъ въ потѣ лица достаетъ себѣ благо тѣлесное, тѣмъ болѣе — духовное. За то сколько бываетъ наконецъ утѣшеній въ пріобрѣтеніи! *Жена, егда раждаетъ, скорбь имать*, но за радость рожденнаго дитяти забываетъ всѣ прежнія скорби (Іоан. 16, 21). *Недостойны и страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ*—(Римл. 8, 18) -- явитися и здѣсь въ духѣ, и тамъ, во всемъ нашемъ существѣ. И что еще особенно можетъ служить намъ

въ утѣшеніе? То, что трудъ самоисправленія не столько тягостенъ на дѣлѣ, какъ намъ кажется съ перваго раза. Онъ представляется необъятнымъ только со стороны, только дотолѣ, пока мы не вступили въ него. — И здѣсь, какъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ, все зависитъ отъ воодушевленія, съ какимъ кто приступаетъ къ дѣлу. Спросите у всякаго нелицемѣрно дѣятельнаго человѣка, спросите его о тяжести трудовъ, онъ тоже скажетъ вамъ, что труды его могутъ исчислять и взвѣшивать только другіе, а для него ихъ нѣтъ, онъ не замѣчаетъ ихъ. Воодушевленіе, приводя въ быстрое движеніе всѣ его силы, поглощаетъ всѣ безпокойства, возноситъ его надъ всѣми препятствіями и среди неудобствъ — онъ идетъ, какъ по гладкому и пространному пути. — Тоже въ дѣлѣ спасенія: тѣсенъ путь къ царствію, тяжкимъ представляется иго Христово: но только до тѣхъ поръ, пока мы стоимъ еще внѣ, соображаемъ, обдумываемъ ходъ новой жизни. Но когда зародится и образуется въ сердцѣ спасительная рѣшимость, — она приноситъ съ собою и воодушевленіе на благое дѣланіе. Воодушевленный послѣдователь Христовъ идетъ въ слѣдъ Его, радуяся и благословляя иго, воспринятое отъ Него. Со стороны будутъ видѣть его въ трудѣ, въ язвѣ и озлобленіи, — а онъ какъ предъ Сердцевѣдцемъ въ слухъ всѣхъ исповѣдуетъ, что онъ и всѣ подобные ему, живутъ — *незнаемы и познаваемы, яко скорбяще, присно же радующеся, яко нищи, и многи богатяще, яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. 6. 9. 10)».

«Возможность, основаніе, условіе всѣхъ внутреннихъ побѣдъ есть первая побѣда надъ собою — въ переломѣ воли и въ преданіи себя Богу, съ непріязненнымъ отверженіемъ всего грѣховнаго. Тутъ зародилась нелюбовь къ страстности, ненависть, непріязнь, которая и есть военная духовная сила и одна замѣняетъ собою всю рать. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ безъ

брани побѣда уже въ рукахъ врага; напротивъ того, гдѣ есть, тамъ побѣда уступается намъ нерѣдко безъ брани... Сознаніе и произволеніе, переходя на сторону добра, съ возлюбленіемъ его, поражаетъ ненавистію всякое зло и всю страстность, и притомъ именно свою. Въ этомъ собственно и состоитъ переходъ, переломъ. Потому сила, борящаяся со страстьми, есть также умъ или духъ, въ коемъ сознаніе и свобода, — духъ, держимый и укрѣпляемый благодатію... Когда страсти возстаютъ, то мѣтятъ прямо на умъ, или духъ, то-есть, на покореніе сознанія и свободы. Онѣ—во святилищѣ нашего внутренняго; куда врагъ чрезъ страсти пускаетъ свои разжженныя стрѣлы изъ душевно-тѣлесности, какъ изъ засадъ. И пока цѣлы сознаніе и свобода, т.-е. стоятъ на сторонѣ добра, то какъ бы ни было велико нападеніе, побѣда наша»...

«Этимъ однако-же не утверждается, будто вся сила побѣды отъ насъ, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть возстановленный духъ; сила же побѣдительная и разрушительная для страстей есть благодать. Она въ насъ одно созидаетъ, а другое разоряетъ, — но опять чрезъ духъ, или сознаніе и произволеніе. Борющійся съ воплемъ повергаетъ себя Богу, жалуясь на враговъ и ненавидя ихъ, и Богъ въ немъ и чрезъ него прогоняетъ ихъ и поражаетъ. *Дерзайте*, говоритъ Господь, *яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33). *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ*, исповѣдуетъ Апостолъ (Филип. 4, 13), — точно такъ, какъ безъ Него мы ничего не можемъ. Кто хочетъ побѣдить самъ, тотъ несомнѣнно падетъ или въ ту страсть, съ коею борется, или въ побочную. Предавши же себя Богу, словно изъ ничего стяжаваетъ побѣду... Потому-то всевозможно противоборствуй и борись, но не оставляй возлагать всю печаль на Бога живаго, Который говоритъ: «съ тобою есмь въ день золъ,—не бойся»!

«Надо такъ устроиться, чтобы врагъ ничѣмъ не поживился около васъ, даже самомалѣйшимъ. А для сего бдѣть, бодрствовать, трезвиться и блюсти... смотрѣть, какъ бы не подкрался врагъ... Это первое въ борьбѣ со страстями. Коль скоро просмотренъ и пропущенъ врагъ, то ужъ тутъ жди или раны или совсѣмъ пораженія. Врагъ же замѣченный не страшенъ. Только пригрози и побѣжитъ. Такова ужъ уловка нашихъ духовныхъ враговъ, что, какъ только увидятъ, что они открыты, сейчасъ утекаютъ, хотя это, конечно, не всегда бываетъ. Есть и тутъ озорники такіе, что, ни на что несмотря, все лѣзутъ и лѣзутъ»...

«Замѣтивъ приближеніе врага—начинающееся возбужденіе или помысла, или страсти, или наклонности, первѣе всего спѣши сознать, что это враги. Великая ошибка, и ошибка всеобщая—почитать все, возникающее въ насъ, кровною собственностію, за которую должно стоять какъ за себя. Все грѣховное есть пришлое къ намъ; потому его всегда должно отдѣлять отъ себя, иначе мы будемъ имѣть измѣнника въ себѣ самихъ. Кто хочетъ вести брань съ собою, тотъ долженъ раздѣлить себя на себя и на врага, кроющагося въ немъ. Отдѣливъ отъ себя извѣстное порочное движеніе и сознавъ его врагомъ, передай потомъ это сознаніе и чувству, возроди въ сердцѣ непріязнь къ нему. Это—самое спасительное средство къ прогнанію грѣха... Какъ только замѣтите страстное, поскорѣе постарайтесь возбудить въ себѣ серчаніе... Сіе серчаніе есть рѣшительное отверженіе страстнаго... И вотъ гдѣ только позволителенъ и благопотребенъ гнѣвъ. У всѣхъ св. отцевъ нахожу, что гнѣвъ на то и данъ, чтобы имъ вооружиться на страстныя и грѣшныя движенія сердца, и прогонять ихъ... Гнѣвъ на страсти у васъ долженъ быть вкорененъ съ той минуты, какъ вы положили всеусердно работать Господу, творя благоугодное предъ Нимъ. Тутъ у васъ заключенъ союзъ съ Богомъ на вѣки. Сущность

же союза такова: твои друзья—мои друзья, твои враги—мои враги? А что страсти Богу? Враги!.. Съ перваго раза появленіе страстнаго всегда вызываетъ къ нему сочувствіе, ибо самоугодіе еще долго скрытно живетъ въ насъ и послѣ того, какъ мы явно отверглись себя, и Богу себя предали, и не хотимъ ни на іоту нарушать сего рѣшенія. Этимъ скрытнымъ самоугодіемъ всегда благосклонно встрѣчаемо бываетъ страстное,—каковая благосклонность и выражается большимъ или меньшимъ сочувствіемъ къ нему. Такъ вотъ и надобно сочувствіе это отбить, а гнѣвъ возбудить».

«Для сознанія въ страстномъ врага не требуется большая головоломная работа. Довольно возстановить убѣжденіе, что ко всему страстному не благоволитъ Богъ; не благоволитъ потому и ко всѣмъ, которые принимаютъ и лелѣютъ въ себѣ страстное. Стало быть, страстное Бога противъ насъ возставляетъ, и насъ отъ Него отбиваетъ. А въ этомъ конечная пагуба наша. Помышленія сіи и убѣжденія въ одно мгновеніе у внимательнаго возсіяваютъ въ сознаніи, и тотчасъ отзываются въ сердцѣ непріязнію къ страстному, серчаніемъ и гнѣвомъ на него. А барахтаться со страстнымъ, придумывая разные противъ него обвинительные пункты,—не барахтайтесь! Успѣхъ отъ этого очень сомнителенъ. Иные дѣлали, а, можетъ быть, и теперь дѣлаютъ такъ: замѣтивъ страстное и вознегодовавъ на него, начинаютъ изобличать его непотребство. Напримѣръ, — пришелъ помыслъ гордости,—они начинаютъ читать: гордость Богу противна, ты, земля и пепелъ, какъ не стыдишься возноситься помысломъ, помяни грѣхи свои и подобное. Все подбираютъ мысли противъ гордости, полагая, что этимъ прогонятъ горделивый помыслъ. Бываетъ, что и прогоняютъ; но вообще этотъ пріемъ не вѣренъ. Между тѣмъ пока вы переберете всѣ обвинительные пункты, подсудимый—страсть—сидитъ тутъ же, хоть на скамьѣ подсудимыхъ, и все еще держится за свое-

го адвоката—сочувствіе. Обличая страстный помыслъ, все же держимъ его въ умѣ, и онъ между тѣмъ шевелитъ чувство и пробуждаетъ желаніе, то-есть, продолжаетъ сквернить душу. А это значитъ держать въ себѣ произвольно нечистоту,—что опасно. Нѣтъ, ужъ,—положите безъ всякихъ разсужденій, какъ только замѣтите въ себѣ что страстное, тотчасъ сознать въ немъ врага,—и разсерчать на него! Впрочемъ это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гнѣвомъ помыслы, труднѣе—желанія, но еще труднѣе—страсти, ибо онѣ и сами суть сердечныя движенія. Когда это не помогаетъ и врагъ не уступаетъ такимъ образомъ побѣды безъ сраженія,—мужественно, но безъ самовозношенія и самонадѣянности, вступай въ борьбу. Робость приводитъ душу въ смятеніе, въ нѣкоторую подвижность и разслабленіе, а не утвержденная въ себѣ, она легко можетъ пасть. Самонадѣянность и самомнѣніе—сами враги, съ коими должно бороться: кто попустилъ ихъ, тотъ уже палъ, и еще предрасположилъ себя къ новымъ паденіямъ, потому что они поставляютъ человѣка въ бездѣйственность и оплошность. Началась брань, — храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающимъ движеніямъ до чувства, встрѣчай ихъ у самаго входа въ душу и старайся поразить здѣсь; а для сего спѣши возстановить въ душѣ убѣжденія, противоположныя тѣмъ, на коихъ держится смущающій помыслъ. Такія противоубѣжденія суть въ мысленной брани не только щитъ, но и стрѣлы, — защищаютъ сердце твое и поражаютъ врага въ самое сердце. Съ тѣхъ поръ въ томъ и будетъ состоять брань, что возникшій грѣхъ будетъ постоянно ограждаться мыслями и представленіями противоположными. Время продолженія ея зависитъ отъ многоразличныхъ обстоятельствъ. кои опредѣлить совершенно невозможно. Не должно только ослабѣвать и сколько-нибудь, даже въ мысли, склоняться на сторону врага, — и побѣда несомнѣнна, ибо грѣховное

движеніе не имѣетъ въ насъ твердой опоры и потому, естественно, должно скоро прекратиться. Если и послѣ сего, добросовѣстнаго впрочемъ, дѣйствованія въ защиту себя врагъ все еще стоитъ въ душѣ, какъ привидѣніе, и не хочетъ уступить мѣста, то это явный знакъ, что онъ поддерживается стороннею силою; посему и тебѣ должно обратиться къ сторонней. земной и небесной, помощи,—открыться своему наставнику и въ усердной молитвѣ призывать Господа, всѣхъ святыхъ и особенно Ангела-Хранителя. Преданность Богу никогда не оставалась пристыженною... Удивительная сокрыта сила въ таинствѣ покаянія. Сознаніе грѣховъ умомъ только, безъ исповѣди и разрѣшенія, неудовлетворительно для кающагося и почти всегда остается безплоднымъ для жизни. Здѣсь точно происходитъ запечатлѣніе христіанина — благодатное... Своевольно ничего нельзя взять у Господа. Неудивительно послѣ сего, что всѣ мысли и желанія спасающихся обращены ко Спасителю... Въ немъ отрада, въ Немъ все утѣшеніе. Оттого не умолкая вращается въ устахъ и въ сердцѣ... сладчайшее имя—Іисусъ»...

«Что дѣлаетъ подвергшійся нападенію злаго человѣка? Подавши его въ грудь, кричитъ: караулъ. На зовъ его прибѣгаетъ стража и избавляетъ его отъ бѣды. То же надо дѣлать и въ мысленной брани со страстями,—разсерчавши на страстное, надо взывать о помощи: *Господи, помоги! Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, спаси меня! Боже, въ помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!* Обратясь такъ къ Господу, ужъ не отходите отъ Него вниманіемъ къ тому, что въ васъ происходитъ, а все и стойте передъ Господомъ, умоляя Его о помощи. Отъ этого врагъ, какъ огнемъ палимый, убѣжитъ немедля. Нѣкто изъ святыхъ сказалъ: именемъ Господа Іисуса бей ратниковъ!... Противъ Господа ничто устоять не можетъ... И бываетъ такъ, что душа тотчасъ успокоивается отъ страстныхъ при-

раженій, какъ только обратится ко Господу и воззоветъ къ Нему.

«Была въ одномъ мѣстѣ красавица неисправнаго поведенія. Правитель той страны сжалился надъ нею, — что такая красота гибнетъ, и, улучивъ время, сказалъ ей: брось шалости, я возьму тебя къ себѣ въ домъ и будешь моею женою и госпожею многихъ сокровищъ. Только смотри, будь вѣрна, а то будетъ тебѣ такая бѣда, что и вообразить ты не можешь. Она согласилась и была взята въ домъ правителя. Прежніе ея пріятели, видя, что она пропала гдѣ-то, начали искать и разыскивать, — и дознали, что она у правителя. Правитель хоть и гроза, но они не отчаявались опять сманить къ себѣ красавицу, зная ея слабость.

«Намъ стоитъ только подойти сзади дома и свистнуть, она пойметъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ выбѣжитъ къ намъ».

«Такъ и сдѣлали. Подошли сзади къ дому и свистнули.

«Красавица, услышавъ свистъ, встрепенулась. Зашевелилось было въ ней нѣчто прежнее. Но она уже взялась за умъ и вмѣсто того, чтобы выбѣжать изъ дома, устремилась во внутреннѣйшіе покои предъ лице самого правителя, гдѣ тотчасъ и успокоилась; новыхъ свистковъ тамъ уже не слышно было. Тѣ пріятели — посвистѣли-посвистѣли, и отошли прочь ни съ чѣмъ. Смыслъ притчи сей ясенъ. Красавица эта изображаетъ падшую душу, къ Господу обратившуюся въ покаяніи и съ Нимъ сочетавшуюся, чтобы Ему Единому принадлежать и Ему Единому служить. Прежніе пріятели — страсти. Свистъ ихъ — это движеніе страстныхъ помысловъ, чувствъ и пожеланій. Убѣжаніе во внутренніе покои есть укрытіе въ глубь сердца, чтобы стать тамъ предъ Господа. Когда это совершится внутри, обезпокоившее душу страстное, что бы оно ни было, — отходитъ само собою, и душа успокоивается».

«Брань кончена. Благодари Господа за избавленіе отъ по-

раженія, но не предавайся чрезъ мѣру радости спасенія, не попускай безпечности, не ослабляй ревности, — врагъ часто притворяется только побѣжденнымъ, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаяннымъ нападеніемъ тѣмъ легче поразить тебя. Потому не снимай бранныхъ оружій и не забывай предохранительныхъ правилъ. Будь всегда добрымъ и бдительнымъ воиномъ. Сядь лучше и разчисли добычу, осмотри весь ходъ брани—ея начало, продолженіе и, наконецъ, что подало поводъ къ ней, что особенно усиливало и что положило ей конецъ. Это будетъ своего рода дань съ побѣжденныхъ, которая чрезвычайно облегчитъ будущія побѣды надъ ними; такъ стяжавается, наконецъ, духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о побѣдѣ, — это сильно раздражитъ врага, а тебя обезсилитъ. Тщеславіе, котораго при семъ избѣжать нельзя, отворитъ двери душевнаго укрѣпленія и послѣ побѣды надъ однимъ врагомъ должно будетъ сражаться съ цѣлою ихъ толпою».

«Если же и пораженъ будешь,—сокрушайся, но не бѣгай отъ Бога, не упорствуй: спѣши умягчить сердце и довесть его до раскаянія. Нельзя не падать; но можно и должно, упавши, возставать. Бѣгущій спѣшно, если и споткнется на что, спѣшно встаетъ и опять устремляется по пути къ цѣли,—подражай ему. Господь нашъ подобенъ матери, которая ведетъ дитя за руку и не покидаетъ его, хотя бы онъ очень часто спотыкался и падалъ. Лучше, вмѣсто бездѣйственнаго унынія, ободрись къ новымъ подвигамъ, извлекши изъ настоящаго паденія урокъ смиренія и осмотрительности, чтобы не ходить тамъ, гдѣ скользко и гдѣ нельзя не падать. Если не изгладишь грѣха искреннимъ раскаяніемъ, то, получивъ нѣкоторую въ тебѣ крѣпость, онъ неминуемо повлечетъ тебя внизъ, на дно грѣшнаго моря. Грѣхъ возобладаетъ надъ тобою и тебѣ опять нужно будетъ начинать съ

первой брани; но Богъ знаетъ, будетъ ли возможно это. Можетъ быть, предавшись теперь грѣху, ты перейдешь черту обращенія; можетъ быть, послѣ уже не найдется ни одной истины, которая могла бы поразить твое сердце; можетъ быть, даже тебѣ не будетъ дарована и благодать. Тогда еще здѣсь ты будешь принадлежать къ числу осужденныхъ на вѣчное мученіе»...

«Вообще о правилахъ брани надобно замѣтить, что они въ существѣ своемъ суть не что иное, какъ приложеніе всеоружія къ частнымъ случаямъ, и что потому ихъ всѣхъ изобразить нельзя. Дѣло внутренней брани непостижимо и сокровенно. Кто видѣлъ, какъ происходитъ броженіе элементовъ въ яйцѣ? Кто скажетъ, въ какомъ состояніи зародышъ въ согнивающемъ зернѣ?.. Случаи чрезвычайно разнообразны; лица воюющія слишкомъ различны: что для одного соблазнъ, то для другаго ничего не значитъ; что одного поражаетъ, къ тому другой совершенно равнодушенъ. Потому одного для всѣхъ установить невозможно. Лучшій изобрѣтатель брани,—каждое лицо само для себя. Опытъ всему научитъ,—надобно только имѣть ревностное желаніе побѣждать себя. Первые подвижники не учились изъ книгъ, и однако же представляютъ изъ себя образцы добродѣтелей... То, что составляетъ существо дѣла, каждый узнаетъ только изъ опыта, когда станетъ сражаться самымъ дѣломъ. И въ этомъ дѣлѣ руководителями ему остаются только собственное благоразуміе и преданіе себя Богу. Внутренній ходъ христіанской жизни въ каждомъ лицѣ приводитъ на мысль древніе подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая въ нихъ, испытуемый получаетъ нѣсколько наставленій въ общихъ чертахъ—тамъ сдѣлать то, тамъ—другое, здѣсь по такой-то примѣтѣ, а здѣсь по такой то, и потомъ оставляется одинъ среди мрака, иногда съ слабымъ свѣтомъ лампады. Все дѣло у него зависитъ отъ присут-

ствія духа, благоразумія и осмотрительности и отъ невидимаго руководства. *Подобная же сокровенность и во внутренней христіанской жизни*».

«Если будете дѣйствовать по прописанному съ безжалостною къ себѣ рѣшительностію, скоро увидите плодъ: умиротворится сердце ваше и возсіяетъ въ немъ радость о Господѣ. Отчего бываетъ немирно сердце? Отъ того, что его гложутъ страсти. Побейте страсти, и оно воспріиметъ покой. Одинъ изъ отцевъ уподобляетъ сердце норѣ, полной змѣй. Змѣи эти—страсти. Когда показывается что страстное изъ сердца, это то-же, что змѣя голову высовываетъ изъ норы. Бей ее по головѣ именемъ Господа, и она спрячется. Другая покажется, бей и ее! И всякую бей!! Разъ десятокъ придется такъ нанесть ударъ какой змѣѣ—страсти, забудетъ высовываться, а то и совсѣмъ околѣетъ. Всяко, если завалить нору или не давать пищи змѣямъ, онѣ перемрутъ. Такъ и страсти замрутъ, если не давать имъ пищи сочувствіемъ къ ихъ внушеніямъ, а напротивъ съ гнѣвомъ отрывать ихъ, если только появятся»...

«Съ перваго раза брань обращена вообще противъ всего грѣховнаго въ человѣкѣ; но съ продолженіемъ времени грѣхъ естественно слабѣетъ и сокращается въ объемѣ, а вмѣстѣ (съ тѣмъ) и сокращается поле брани. Видъ грѣха въ насъ есть видъ многовѣтвистаго дерева. Чрезъ борьбу постепенно отсѣкается у него то та, то другая вѣтвь. Нельзя рѣшительно сказать, какая вѣтвь прежде отпадетъ, какая послѣ: ибо и здѣсь очень много значитъ естественное настроеніе и прежнее состояніе борющагося во грѣхѣ. Можно впрочемъ думать, что это отпаденіе восходитъ отъ грубѣйшаго и очевиднѣйшаго къ тончайшему и сокровеннѣйшему. Сначала теряетъ силу плоть, потомъ вообще привязанность къ видимому, далѣе—наклонности и страсти; долѣе всѣхъ держатся коренныя возбужденія и чувства грѣховнаго сердца... Источ-

ники ихъ — тончайшая мысль, что я значу нѣчто, и значу немалое... Ничтожный мнитъ о себѣ нѣчто. Къ этой-то тайнѣйшей гордынѣ прицѣпляется врагъ и опутываетъ человѣка. И они-то составляютъ камни преткновенія для оставляющихъ бдительность даже на высшихъ степеняхъ духовнаго совершенства»...

«Кончится ли когда сія брань здѣсь? Вопросъ этотъ всякій пусть рѣшаетъ своимъ опытомъ. Вообще—можно только положить: борись въ надеждѣ, что сія брань содѣлается для тебя наконецъ очень легкою, что изъ непрерывной она сдѣлается перемежающеюся, и что промежутки сіи все будутъ увеличиваться и увеличиваться; но настанетъ ли на землѣ для тебя время, когда ты будешь совершенно свободенъ отъ возмущеній грѣха, это рѣшишь, когда будешь свободенъ на самомъ дѣлѣ. Макарій Великій совѣтуетъ мужественно вступать въ брань съ возстаніями грѣховными, въ полной увѣренности, что Господь, видя тщаніе наше, дастъ наконецъ благодать безпрепятственнаго желанія добра и душевнаго мира; но, стяжавъ сей миръ, никогда не должно думать, что мы уже свободны отъ нападеній и паденій. Душа, преданная грѣху, вся мрачна. Пусть чрезъ долгій трудъ она успѣла освѣтить двѣ свои части: другія части остаются еще не освѣщенными. Надобно беречься: сія тьма легко можетъ покрыть опять всю душу. Мутная вода отстоялась и кажется чистою: взволнуется вода, и осѣдшая на дно нечистота опять разойдется по всей водѣ. Грѣховныя движенія прогоняются напряженіемъ въ какую-то невѣдомую область души, и всегда готовы возникнуть и покрыть ее. «Лжетъ, говоритъ Макарій Великій, сказуяй сердце себѣ имѣти чисто, ибо никогда сего не бываетъ въ самой вещи, дабы кто по пріятіи благодати абіе чистъ сталъ; предается бо врагамъ и различнымъ искушеніямъ въ наказаніе и наученіе. Самые первые и великіе люди такъ суть предъ совершенствомъ, какъ слуга предъ

господиномъ или какъ потокъ предъ Евфратомъ рѣкою» (Сл. 1, гл. 12. 14). Вообще мысль о совершенномъ окончаніи брани психологически невѣрна, а нравственно столько вредна, что ежели бы даже и была справедливою, то со всѣмъ тщаніемъ надлежало бы скрывать ее и отъ себя и отъ другихъ, по причинѣ опаснѣйшихъ обольщеній, неизбѣжныхъ при ней».

«Что же остается дѣлать каждому христіанину? Возмогать въ Господѣ и въ державѣ крѣпости Его (Еф. 6, 10); воспріять всѣ оружія Божіи, да возможетъ противитися въ день лютъ (—13), мужаться, крѣпиться, стоять: ибо только претерпѣвый до конца спасенъ будетъ, и только побѣждающему дастъ Господь сѣсти съ Собою на престолѣ Своемъ (Апок. 3, 21)».

Земледѣлецъ не только очищаетъ ниву отъ сорныхъ травъ, но въ то же время сѣетъ и доброе сѣмя и зорко слѣдитъ за его всходомъ и ростомъ. То же и въ духовной жизни: сражаясь со страстями и злыми навыками, человѣкъ въ то же время долженъ, при помощи благодати Божіей, воспитывать въ себѣ ростокъ или начатокъ высшей духовной жизни. Положительныя условія для созрѣванія въ духовной жизни суть слѣдующія: 1) навыкать постоянному памятованію и размышленію о Богѣ и Его совершенствахъ. 2) Все творить во славу Божію и 3) пребывать въ послушаніи волѣ Божіей.

«Внутри нестроеніе: это вы опытно знаете. Его надо уничтожить: этого вы хотите, на это рѣшились. Беритесь же прямо за устраненіе причины сего нестроенія. Причина нестроенія та, что духъ нашъ потерялъ сродную ему точку опоры. Опора его въ Богѣ. Опять вступаетъ на нее духъ памятованіемъ о Богѣ... Все съ Господомъ будьте, что бы вы ни дѣлали, и все къ Нему обращайтесь умомъ, стараясь держать себя такъ, какъ кто держитъ себя предъ царемъ. Скоро навыкните, только не бросайте и не прерывайте. Если

будете добросовѣстно исполнять это небольшое правило, то этимъ внутреннее смятеніе будетъ стѣсненно извнутри, и хоть будетъ прорываться то въ видѣ помысловъ пустыхъ и недолжныхъ, то въ видѣ чувствъ и желаній неумѣстныхъ, но вы тотчасъ будете замѣчать сію неправость и прогонять этихъ непрошенныхъ гостей, спѣша всякій разъ возстановлять единомысліе о Единомъ Господѣ... Установится благоговѣйное вниманіе въ Единомъ Богѣ, а съ Нимъ придетъ и миръ внутренній... Возьмитесь поретивѣе и продолжайте не прерывая,—и скоро достигнете искомаго. Говорю: скоро, однакожъ не чрезъ день или два, потребуются, можетъ быть, мѣсяцы. О, когда бы и не годы»!

«Всякій разъ какъ придется вамъ быть одной, возстановляйте поскорѣе убѣжденіе, что Господь съ вами и Ангелъ Хранитель, и спѣшите воспользоваться выпавшими минутами уединенія, для неразчлененннаго пребыванія съ Господомъ и сладостной бесѣды съ Нимъ. Уединеніе въ этомъ духѣ сладостно. Желаю вамъ вкусить когда-нибудь сей сладости, чтобы желать его, какъ рая на землѣ».

«Внимательная къ себѣ жизнь не такова, чтобы, лишая однихъ утѣшеній, не давала взамѣнъ ихъ ничего. Напротивъ, эта жизнь, съ памятію о Богѣ и слѣдованіемъ своей совѣсти, сама въ себѣ есть неистощимый источникъ радостей духовныхъ, сравнительно съ которыми радости земныя, что полынь предъ медомъ«.

«Стремленіе къ Богу — цѣль. Но сначала оно — лишь въ намѣреніи искомое. Должно сдѣлать его дѣйствительнымъ, живымъ, какъ естественное тяготѣніе, сладостное, охотное, неудержимое. Только такого рода тяготѣніе и показываетъ, что мы—въ своемъ чинѣ, что Богъ воспріемлетъ насъ, что мы идемъ къ Нему. Когда желѣзо тянется къ магниту, это значитъ, что прикасается къ нему сила магнитная; то-же и въ духовномъ отношеніи: тогда только и видно, что Богъ

касается насъ, когда это есть живое стремленье,— когда духъ, минуя все, устремляется къ Богу, восхищается. Сначала не бываетъ этого,—человѣкъ ревнующій весь обращенъ на себя, хоть и для Бога; но это воззрѣніе на Бога есть только мысленное. Еще Господь не даетъ вкусить Себя, да и человѣкъ неспособенъ, потому что нечистъ. Онъ служитъ Богу, такъ сказать, безвкусно. Потомъ, по мѣрѣ очищенія и исправленія сердца, начинаетъ ощущать сладость въ Богоугодной жизни, съ любовію и охотою ходитъ въ ней,—она становится его услаждающею стихіею. Душа начинаетъ отрываться отъ всего, какъ отъ холода, и тяготѣетъ къ Богу, согрѣвающему ее. Полагаются начатки сего тяготѣнія въ духѣ, ревнующемъ божественною благодатію. Ея-же наитіями и руководствомъ и зрѣетъ оно среди указаннаго порядка, коимъ питается даже безъ вѣдома самаго дѣйствователя. Знаменіе сего рожденія суть: охотное, тихое, не напряженное внутрь-пребываніе предъ Богомъ, сопровождаемое чувствомъ благоговѣнія, страха, радости и т. п. Прежде внутрь себя втѣснялъ себя духъ, а теперь самъ устанавливается тамъ и стоитъ неисходно. Ему радостно быть тамъ одному съ Богомъ въ удаленіи отъ другихъ, или безъ вниманія ко всему внѣшнему. Онъ обрѣтаетъ внутрь себя царство Божіе, которое есть миръ и радость о Дусѣ Святѣ. Такое погруженіе внутрь, или погруженіе въ Бога, называется умнымъ безмолвіемъ или восхищеніемъ къ Богу. Бываетъ оно преходящимъ, но должно сдѣлать его постояннымъ, потому что въ этомъ—цѣль. Богъ въ насъ, когда духъ нашъ въ Богѣ истинно, ибо это есть не мысленное общеніе, а живое, безмолвное, отчужденное отъ всего, погруженіе въ Бога. Какъ лучъ солнца уноситъ каплю росы, такъ и Господь восхищаетъ духъ, прикасаясь къ нему. *Взя мя духъ*—говоритъ Пророкъ (Іез. 8, 3). Многіе изъ святыхъ бывали постоянно въ восхищеніи къ Богу, а на иныхъ духъ нападалъ временно, но

часто. Такъ и зачинается, и зрѣетъ, и совершенствуется такое тяготѣніе, или вступленіе въ Бога, Божественною благодатію въ томъ, кто ищетъ Бога искренно, добросовѣстно, усердно».

«Существенное условіе для сего есть очищеніе сердца для принятія влекущаго Бога: *чистіи сердцемъ Бога узрятъ*. Потому всѣ подвиги, упражненія и дѣла суть необходимое, неминуемое къ тому приготовленіе. Только всѣ они должны быть проходимы должнымъ образомъ, и именно съ направленіемъ къ сему».

«Рѣшительный же шагъ въ восхожденіи къ Богу, самое преддверіе Богообщенія есть совершенное преданіе Ему себя, послѣ коего Онъ уже есть дѣйствуяй, а не человѣкъ. Въ чемъ вся сила, или чего мы ищемъ? — Богообщенія, того, то-есть, чтобы Богъ вселился въ насъ и началъ ходить въ насъ, облекся какъ бы въ нашъ духъ, правилъ и его разумомъ, и волею, и чувствомъ, чтобы и *еже хотѣти и еже дѣяти* въ насъ было бы Его дѣломъ, чтобы Онъ былъ дѣйствуяй все во всемъ, а мы сдѣлались бы орудіями Его, или дѣемыми отъ Него, и въ помышленіяхъ, и хотѣніяхъ, и чувствахъ, и словахъ, и дѣлахъ. Этого ищетъ Господь, Владыка всяческихъ, ибо Онъ одинъ все въ тваряхъ дѣлаетъ чрезъ твари же. Того же долженъ искать и понявшій себя духъ».

«Предавшій себя Богу, или удостоившійся сего дара, начинаетъ быть дѣйствуемый отъ Бога и пребывать въ Немъ. Свобода не уничтожается, а существуетъ, ибо самопреданіе не есть окончательный, утвержденный актъ, а непрестанно повторяемый. Человѣкъ повергаетъ себя Богу, и Богъ воземлетъ его и дѣйствуетъ въ немъ, или его силами. Въ этомъ — жизнь духа нашего истинная, божественная. Повергающій себя въ руки Божіи пріемлетъ отъ Бога и дѣйствуетъ тѣмъ, что пріемлетъ. Это — живой союзъ, жизнь въ Богѣ, утвержденіе въ Немъ всѣмъ существомъ: мыслію, сердцемъ, волею».

Въ духовной жизни человѣка эта жизнь выражается въ «хожденіи предъ Богомъ», Богомысліи, молитвѣ и послушаніи Его волѣ.

Вотъ дивныя наставленія почившаго святителя относительно «хожденія предъ Богомъ» —и въ то же время—выразительное свидѣтельство о его внутренней, сокровенной въ Богѣ жизни:

«Богъ безконечный непостижимъ въ Своемъ бытіи, въ Своихъ совершенствахъ и дѣйствіяхъ: изумляйся! то-есть, поставляй себя и держи въ такомъ состояніи, въ коемъ, при живомъ сознаніи сокровеннѣйшей непостижимости Великаго Бога, прекращается всякое движеніе духа и водворяется въ немъ глубокое нѣкое молчаніе, какъ бы замираніе жизни. Когда трезвая мысль минетъ всѣ твари, перенесется за предѣлы міра и погрузится въ созерцаніе Бога; тогда находитъ, что, какъ несомнѣнно то, что Онъ есть, такъ несомнѣнно и то, что Онъ не есть что-либо изъ знаемаго въ твaряхъ: ни сила, ни свѣтъ, ни жизнь, ни умъ, ни слово, ни мысль, и вообще ничто изъ представляемаго умомъ нашимъ, и потомъ, когда обведетъ однимъ взоромъ всѣ сіи отрицанія, то вводится мгновенно въ божественный нѣкоторый мракъ, въ коемъ не можетъ зрѣть ничего, кромѣ необъятной, преисполненной существенностей безпредѣльности, поражающей глубоко и налагающей молчаніе на слово и мысль. Это состояніе возвышеннѣйшее, до коего только можетъ доходить земная тварь. Человѣкъ тогда восхищается до состоянія серафимовъ. Это то же, какъ если бы кто входилъ въ тронную величайшаго изъ царей: первый взоръ на царя—и все поражаетъ его до онѣмѣнія. Въ такое состояніе человѣкъ можетъ восходить и изъ сознанія вообще непостижимости Божественнаго существа и каждаго Его свойства, ибо и каждое Его свойство также непостижимо и изумительно, какъ Онъ Самъ. Апостолъ Павелъ взываетъ: *о*

глубина богатства премудрости и разума Божія! кто разумѣ умъ Господень?.. (Рим. 11, 33—36; 1 Кор. 2, 16). Это о разумѣ. Но такъ же непостижимо и всякое Его свойство, и всякое Его твореніе, и всякое дѣло Его помышленія. Дивны дѣла Твоя, Господи! Восходить къ сему изумленію можетъ всякій самъ чрезъ отрѣшенное и покойное углубленіе; могутъ помочь въ семъ дѣлѣ. и изображенія сего свойства у святыхъ отцевъ, какъ, напр., у Діонисія Ареопагита о таинственномъ богословіи, у св. Іоанна Златоустаго—слово о непостижимомъ, и другихъ. Но чтобы воспитать къ тому способность, легче начать съ созерцанія дѣлъ, восходить до созерцанія совершенствъ, а наконецъ востечь и на самый верхъ, къ сознанію непостижимости существа Божественнаго. Какъ кто возможетъ, только должно сіе дѣлать, ибо здѣсь совершается въ духѣ самое истинное приличнѣйшее поклоненіе твари Творцу и Господу. Само собой разумѣется, что чувство сіе имѣетъ разныя степени; но каждое—свою, и каждый пусть совершаетъ дѣло сіе по силамъ своимъ. Моѵсей восходитъ на самый верхъ горы и скрывается въ облакѣ, другіе стоятъ на полугорѣ, а третьи у подножія. Это образъ трехъ состояній людей, восходящихъ къ постиженію и сознанію непостижимости безпредѣльнаго Бога. *Значитъ, никто не долженъ отказываться неумѣніемъ или незнаніемъ дѣла сего*».

«Богъ безконечно великъ: падай въ уничиженіи, проникайся благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ, созерцая величіе Божіе. Первое у вошедшаго въ тронную, какъ замѣчено, есть молчаливое изумленіе, въ коемъ нѣтъ ни одного представленія раздѣльнаго. Вошедшій не успѣлъ еще осмотрѣться, или различить себя и царя съ его величіемъ. Затѣмъ первая мысль послѣ того, какъ онъ придетъ въ себя, это—величіе царя и своя малость. То же и въ отношеніи къ Богу. Когда мысль погрузится въ Безпредѣльнаго и выйдетъ изъ себя, то исчезаетъ въ глубокомъ изумленіи».

«Но лишь только обратится къ себѣ, то, принося съ собою сознаніе безпредѣльнаго и въ сей же актъ, какъ бы налагая его на свое ничтожество, поражается, какъ ударомъ какимъ, сею несоизмѣримостію и падаетъ въ благоговѣйномъ трепетѣ въ прахъ предъ созерцаемымъ величіемъ Бога, при сознаніи своего ничтожества. Но должно знать, что сей страхъ не имѣетъ муки. Имъ поражается сладостно, какъ и вообще всякое мысленное, но истинное прикосновеніе духа нашего къ Богу, изъ Коего онъ, есть сладостно и блаженно. Сила сего благоговѣйнаго страха велика: онъ проходитъ до раздѣленія души и духа, членовъ же и мозговъ, какъ бы истниваетъ и истончеваетъ духовнымъ дѣйствіемъ своимъ и душу и тѣло. Чувствующій его падаетъ ницъ, готовъ бы пройти въ утробу земли, сквозь всѣ твари, въ бездну—туда, гдѣ нѣтъ ничего, отъ сознанія своего ничтожества и величія Божія. Но при всемъ томъ ему пріятно пребывать въ семъ состояніи: оно разливаетъ отрадную прохладу въ существѣ его, можетъ быть, отъ того, что— есть истинное стояніе твари въ отношеніи къ Творцу, или оттого, что здѣсь совершается истинное, а не мысленное проникновеніе ея существа силою и дѣйствіемъ Божества. Отъ того плодомъ благоговѣйнаго страха всегда бываетъ отрезвленіе, освѣженіе, очищеніе духа. Какъ молнія, проходя пространства воздушныя, пожигаетъ тамъ всякую нечистоту и примѣсь и дѣлаетъ воздухъ чистымъ; такъ и огнь Божества, при благоговѣйномъ страхѣ, поядаетъ нечистоту духа и очищаетъ его, какъ злато въ горнилѣ. Потому, всѣ проходившіе степени совершенства, существеннымъ условіемъ къ тому, а вмѣстѣ могущественнѣйшимъ средствомъ, признаютъ сей благоговѣйный страхъ. И во всемъ пространствѣ Слова Божія онъ поставляется и обязанностію существенною, и вмѣстѣ отличительнымъ свойствомъ людей истинно благочестивыхъ. *Бойтеся Бога вси святіи Его* (Псал. 33,

10). *Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11). Надобно однакожъ различать страхъ начальный отъ страха совершенныхъ. Тотъ мучитъ и наводитъ ужасъ и трепетъ отъ ожиданія казни за грѣхъ. И этотъ существенно необходимъ въ первоначальномъ пробужденіи грѣшника, но, какъ переходный актъ, не можетъ быть обращенъ въ обязанность и даже, по существу дѣла, не можетъ быть навсегда удержанъ въ душѣ, хотя иногда находитъ и послѣ и считается дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для обузданія ярыхъ страстей. Истинный страхъ, свойственный совершеннымъ, умиляетъ. Онъ раждается по вкушеніи любви и пребываетъ въ неразрывномъ союзѣ съ нею, то освѣжая, то согрѣвая духъ нашъ. Онъ долженъ быть поставленъ цѣлію. Къ нему взойти и его укоренить навсегда въ духѣ есть обязанность, ибо въ немъ только и есть истина стоянія твари предъ лицемъ Творца. Способъ возбужденія и воспитанія его въ себѣ опредѣляется его составомъ. Напрягись сознать свое ничтожество и величіе Бога въ одно время въ углубленнѣйшемъ и отрѣшеннѣйшемъ состояніи духа. Дѣлай это чаще, особенно утромъ, вечеромъ, въ полночь!.. Когда сіе дѣйствіе превратится въ обычай, въ духѣ вкоренится дѣйствіе страха Божія, или непрерывный страхъ. Напротивъ, разсѣянность, самомнѣніе, Богозабвеніе суть враги страха Божія. Отъ нихъ онъ погасаетъ, какъ огонь отъ воды и свѣча отъ дуновенія вѣтра».

«Богъ всесовершенъ: восхваляй и славословь Его. Вошедшій въ тронную, продолжимъ сравненіе, послѣ страха опять обращается къ тому, что навело его, и гдѣ прежде ничего не видалъ, теперь начинаетъ различать одно за другимъ и лицо, и корону, и порфиру, и тронъ, и все украшеніе его и, находя все это совершеннымъ, не можетъ удержаться отъ чувствъ, а иногда и знаковъ одобренія. И вотъ онъ въ состояніи воздаванія разумной славы царю. То же бываетъ

и въ отношеніи къ Богу. Когда возникшій отъ страха и самоуничиженія духъ возвращается во внутренній покой свой и смиренно предается святому Богомыслію, тогда открываются его внутреннему оку и въ своей мѣрѣ постигаются совершенства Божіи, кои, различаясь во взаимномъ союзѣ и соприкосновеніи, раждаютъ и впечатлѣваютъ въ умѣ одну мысль, или одинъ ликъ всесовершенства Божія. *Это есть возвышеннѣйшее и изящнѣйшее, что только можетъ породить конечный и тварный умъ.* Потому, когда сія мысль, или созерцаніе, посѣтитъ внутреннюю храмину нашего духа и исполнитъ его свѣтомъ и величіемъ своимъ, тогда кто изъяснитъ радость его и восхищеніе? Всѣ кости его, тоесть, всѣ малѣйшія движущіяся части его существа начинаютъ, во внутреннемъ, неудержимомъ нѣкоторомъ взыграніи, восклицать: коль славенъ Господь и Богъ нашъ! Восхитительная радость духа, созерцающаго въ себѣ всесовершенство Бога, есть уже славословіе, совершающееся внутри, или состояніе славословія, въ коемъ духъ изъ себя и въ себѣ возноситъ Богу жертвы хвалы. Славословіе Богу, выражаемое словомъ, есть плодъ ея, всегда впрочемъ низшій, или несоотвѣтствующій не только Богу, но и тому, что ощущается въ духѣ. *Ни единоже слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ*, долженъ заключить и заключаетъ всякій, составляющій Богу хвалебныя пѣсни. *Богохваленіе въ духѣ есть отраднѣйшее состояніе и восхищенія, и радости, и веселія духовнаго,* но все сіе о единомъ Богѣ и о томъ, что Онъ есть таковъ, хвалимый и превозносимый. Сію хвалу возбудить можетъ и всякое совершенство Божіе, и всякое Его дѣло, даже къ намъ относящееся; но въ самомъ дѣйствіи хвалы все другое устраняется, видится единъ Богъ и совершенство Его дѣйствій. Это—жертва безкорыстнѣйшая. Можно сказать, что въ семъ—жизнь нашего духа истинная, или истинное причащеніе жизни божественной. Какъ въ стра-

хѣ Богъ проникаетъ насъ и какъ бы разжигаетъ огнемъ Божества, тамъ въ семъ Богохваленіи нашъ духъ проникаетъ или воспріемлется въ Бога и пріобщается Его всеблаженства. Восходить въ сіе состояніе, или желать и искать быть возводиму въ него, сколько естественно духу и многоплодно для него, столько же и обязательно, ибо симъ воздается должное Господу и Богу нашему. Потому въ Словѣ Божіемъ во многихъ мѣстахъ предписывается хвалить Господа и даются образцы сего хваленія. Подобно имъ, и всѣ святые, восходившіе въ сіе состояніе, изображали совершенства Божіи въ словѣ и оставили намъ свои хвалебныя пѣсни. Прочитывать сіи пѣсни съ углубленіемъ и напряженіемъ— необходимо. Это начало или часть исполненія обязанности Богохваленія.. Не иначе, какъ черезъ нихъ, восходитъ человѣкъ и къ духовному Богохваленію мысленному. Онѣ суть воспитатели его, которыхъ не должно однакожъ оставлять и послѣ уже того, какъ образуется свое внутреннее. Чтобы восходить на верхъ, надобно имѣть лѣстницу. Но и кто взошелъ однажды, не отбрасываетъ ея, потому что она и послѣ будетъ нужна. Обыкновенно начинать должно славословіе преданными намъ пѣснями всякій разъ, а тамъ умолкни, когда начнетъ славословить духъ. Самое производство славословія или останавливается на всемъ всесовершенствѣ, или на одномъ какомъ совершенствѣ, или переходитъ отъ одного къ другому. Но это не есть холодное созерцаніе свойствъ Божіихъ, а живое ощущеніе ихъ, съ радостію и восхищеніемъ того ради, что таковы они въ нашемъ Богѣ. Поставлять себя въ сіе состояніе сколько можно чаще—спасительно. Нельзя лучше отрѣшить духа отъ всякой примѣси земной и отъ всего чувственнаго, какъ такъ, ибо въ семъ дѣйствіи онъ удостоивается вкусить сладость, съ которою сравниться ничто не можетъ».

«Богъ вездѣ есть, все видитъ и все исполняетъ: *ходи*

предъ Богомъ. Когда царь осматривается вокругъ себя съ высоты престола своего, то всякій изъ присутствующихъ держитъ себя такъ осторожно, какъ бы царь на него одного смотрѣлъ,—такъ, какъ бы тутъ были одинъ только онъ и царь, забывая все прочее. Царь нравственнаго міра, Богъ, не только все видитъ, но и все исполняетъ существомъ Своимъ,—есть вездѣ весь и видитъ не внѣшнее только, но и внутреннѣйшее, и притомъ полнѣе и совершеннѣе, нежели какъ видитъ себя тотъ, кого Онъ видитъ. Всякая разумная тварь обязана, какъ помнить сіе вездѣприсутствіе и всевѣдѣніе Божіе, такъ и располагать дѣла свои и внутреннія, и внѣшнія съ чувствомъ его, стоя какъ бы предъ очами Бога, подъ Его взоромъ, до того, чтобъ все другое выходило изъ мысли и вниманія, а былъ только онъ—дѣйствующій—и Богъ, видящій его и дѣло его, или, что тоже, ходить предъ Богомъ, ибо настроеніе духа—дѣйствовать какъ предъ очами Божіими есть хожденіе предъ Богомъ. Оно обязательно для всѣхъ... Помни или не помни ты, но Богъ все видитъ, и дѣла твои всѣ открыты Ему, или совершаются предъ лицомъ Его. Такъ зачѣмъ скрывать истину и превращать ее въ ложь? Что къ сей мысли должно прилагать и Богоприличное расположеніе дѣлъ, сего требуетъ почитаніе Бога. Когда сынъ предъ лицемъ отца, или подданный предъ лицемъ царя дѣйствуютъ, забывая о достоинствѣ ихъ, то тѣмъ оскорбляютъ ихъ. Потому любящіе Бога и боящіеся Его *предзрятъ Его предъ собою выну* (Пс., 15, 8), то-есть, обращаютъ это себѣ въ характеръ и, что ни дѣлаютъ, сознаютъ, что око Божіе обращено на нихъ. Въ помощь при семъ, или для воспитанія сего чувства употребляютъ разныя средства: иные зрятъ Бога одесную себя, какъ св. Давидъ, иные око Божіе, утвержденное надъ собою, созерцаютъ; *иные мысленно простираютъ свѣтъ Божій вокругъ себя, какъ бы нѣкоторую духовную атмосферу, въ коей, какъ въ скиніи, укры-*

ваются и витаютъ духомъ неисходно, или пребываютъ какъ въ безопасномъ пристанищѣ. Все сіе впрочемъ средства. Богъ же не имѣетъ вида или образа, потому истинно любящіе всѣми мѣрами стараются возводить себя въ состояніе зрѣть Господа предъ собою безъ образа, мыслію простою, чистою. Это верхъ совершенства въ хожденіи предъ Богомъ. Плоды сего хожденія безчисленны; но, главное, отъ него естественно переходитъ въ жизнь нашу чистота и непорочность словъ, мыслей, желаній, дѣлъ. *Благоугождай предо Мною и будь непороченъ,* говоритъ Богъ Аврааму (Быт. 17, 1). Св. Давидъ зрѣлъ Господа предъ собою, да неподвижется, т.-е. чтобы не допустить какого неправаго движенія (Пс. 15, 8). Тутъ не нужно и прибавлять: «когда зришь Бога, бѣгай неправды», ибо само зрѣніе отвратитъ отъ нея... Потому, можно сказать, *заповѣдь о хожденіи предъ Богомъ есть то же, что и заповѣдь о Богоугожденіи.* Другой плодъ отъ сего есть нѣкоторая теплота духа. Зрѣніе Бога не можетъ быть холоднымъ, если оно есть истинное. По мѣрѣ усовершенія въ лицезрѣніи Божіемъ возрастаетъ и теплота. Послѣ же они сливаются, и какъ лицезрѣніе, такъ и теплота превращаются въ единое, непрерывное дѣйствіе духа. Такое настроеніе духа есть самое лучшее приготовленіе къ будущему, всеблаженному лицезрѣнію Бога. Кто утвердился въ немъ, тотъ стоитъ уже въ преддверіи рая, созрѣлъ для него. Всякій же, кто не умѣетъ зрѣть Бога, или помысливши о Немъ, отвращается отъ Него, чувствуя, что это непріятно и страшно и ко многому обязываетъ, пусть заботится о себѣ; ибо отъ сего можно заключить и о будущемъ. Обыкновенный противъ сего грѣхъ есть Богозабвеніе, или непамятованіе Бога; въ развратныхъ—намѣренное себя развлеченіе, чтобъ умъ не видалъ лица Божія, не тревожилъ ихъ сна и не разгонялъ мрака грѣховнаго».

«Изумленіе, благоговѣйный страхъ, радостное Богохвале-

ніе и хожденіе предъ Богомъ объемлютъ собою по преимуществу жизнь въ Богѣ. Это потому, что во всѣхъ ихъ и человѣкъ самъ, и всякая тварь исчезаютъ изъ мысли; а созерцается одинъ Богъ. Здѣсь представлено, что сіи расположенія раждаютъ себя взаимно, или вырождаются одно изъ другаго, какъ и вообще все въ духѣ. У иныхъ, можетъ быть, возбужденіе и развитіе ихъ совершается не тѣмъ путемъ, какъ здѣсь представлено, но обратно... Ходящій предъ Богомъ посвящается въ вѣдѣніе совершенствъ Божіихъ и всего всесовершенства и навыкаетъ Богохваленію. Восшедшій до сего еще глубже входитъ въ Божество и стяжеваетъ благовѣйный страхъ. Кто же послѣ сего возносится за всеразличаемое въ Богѣ, тотъ вкушаетъ изумленіе. Это предѣлъ, за который уже и заходить нельзя. Кто прошелъ всѣ сіи степени, тотъ находится въ блаженнѣйшемъ состояніи и прежде онаго вѣка живетъ въ немъ, переходя отъ изумленія къ благоговѣнію, а отъ сего къ Богохваленію, ходя, или духовно движась, какъ въ домѣ какомъ, въ Божественномъ лицезрѣніи, исполненномъ свѣта и чистоты пренебесной. Вотъ и жизнь въ Богѣ»!

«Вотъ куда восходятъ чрезъ Господа Іисуса Христа, чего наконецъ сподобляются и какимъ образомъ! Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа да дастъ вамъ по богатству славы Своея, силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота... да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе (Еф. 3, 16—19)»!..

Богомысліе, да вообще истинно-духовная жизнь невозможны безъ молитвы и неизбѣжно сопровождаются и, такъ сказать, проникаются ею. «Она есть вмѣстилище или поприще всей духовной жизни, или самая духовная жизнь *въ движеніи и дѣйствіи*. Ибо что есть молитва? Есть возношеніе ума

и сердца нашего къ Богу... Посему, какъ скоро приходитъ въ движеніе какое-либо благочестивое чувство, движется и молитва... Можно сказать, что молиться значитъ приводить въ движеніе благочестивыя чувства и расположенія, каждое отдѣльно или всѣ совмѣстно, или одно за другимъ, или, что тоже, возбуждать, оживлять и возгрѣвать жизнь и духъ благочестія, а у кого нѣтъ благочестія, тому какъ молиться?

«Если теперь благочестіе есть жизнь нашего духа, то понятно, почему только умѣющаго молиться должно назвать имѣющимъ духъ. Кто-то опредѣляетъ молитву дыханіемъ духа. Она и есть дыханіе духа... Какъ въ дыханіи расширяются легкія и тѣмъ привлекаютъ животворныя стихіи воздуха, такъ и въ молитвѣ разверзаются глубины нашего сердца и духъ возносится къ Богу, чтобы пріобщеніемъ къ Нему воспріять соотвѣтственный даръ. И какъ тамъ кислородъ, принятый въ дыханіи чрезъ кровь, расходится потомъ по всему тѣлу и оживляетъ его, такъ и здѣсь принятое отъ Бога входитъ во внутренняя наша и оживотворяетъ тамъ все... *Молитва* есть оживотвореніе духа, нѣкоторое какъ бы его обоженіе. Кто бываетъ въ мѵроварницѣ, напитывается мѵромъ, кто же возносится къ Богу, исполняется Божествомъ»...

Само собой разумѣется, къ молитвѣ нельзя приступать безъ особаго приготовленія.

Прежде всего «необходимо особое мѣсто, если можно, уединенное и къ тому опредѣленное, предъ святою иконою, съ возженіемъ свѣчи или лампады; необходимо особое время, утромъ и вечеромъ, или въ другіе часы, примѣнительно къ часамъ церковныхъ службъ; необходимо особое положеніе тѣла, стамое или колѣнопреклоненное, съ благочиніемъ и напряженіемъ».

«Приступающій къ сему молитвованію прежде всего долженъ возвратить умъ свой изъ разсѣянія и собраться въ себя, отрясть всѣ заботы, или, сколько можно, утишить

ихъ, и поставить себя въ живѣйшее сознаніе присутствія Бога вездѣсущаго и всевѣдущаго и всевидящаго. Это есть какъ бы созданіе внутренней молитвенной клѣти, въ которую удаляться повелѣлъ Господь (Мѳ. 6, 6), тоже, что временно поставляемая скинія».

«Устроившись такъ, совершай самое молитвованіе: тихо, благоговѣйно, разумно читай избранныя и установленныя молитвы, перемеживая ихъ поклонами съ крестнымъ знаменіемъ, поясными или земными, или колѣнопреклоненіемъ, всемѣрно напрягаясь внѣдрять въ сердце читаемое и возбуждать въ немъ соотвѣтственныя чувства. Когда согрѣется сердце или возбудится какое чувство, остановись и не продолжай читать, пока не напитаешься. Ослабѣетъ это чувство, опять начинай и опять останавливайся, когда возродится чувство. Въ этомъ и все производство молитвословія»...

«Инымъ кажется, что такой образъ молитвы имѣетъ въ себѣ много вещественнаго, стихійнаго; *тѣлесное же обученіе вмалѣ есть полезно,* учитъ Апостолъ (1 Тим. 4, 8). А иные совсѣмъ хотятъ отнять у молитвы все внѣшнее, оставаясь при одномъ внутреннемъ. Это заблужденіе древнее. Оно въ самомъ началѣ было замѣчено и отвергнуто святыми отцами. Плоду предшествуетъ цвѣтъ, листу почка и оживленіе вѣтвей. Въ вещественномъ необходима постепенность, — необходима она и въ духовномъ. Внутренняя молитва есть плодъ: надобно много трудиться, пока онъ зародится. Можно назначить три степени молитвы. На первой она бываетъ преимущественно внѣшняя: чтенія, поклоны, бдѣнія и проч... Съ сего начинаютъ, и иные довольно долго трудятся надъ собою, пока появятся начатки молитвы, или легкія движенія молитвеннаго духа... Молитва, какъ высшій даръ, ниспосылается какъ бы по каплѣ малой—малой, чтобы научить человѣка дорого цѣнить ее. На второй степени въ ней тѣлесное съ духовнымъ являются въ равной силѣ. Здѣсь

каждое слово молитвы сопровождается соотвѣтственнымъ чувствомъ, или внутреннія молитвенныя движенія, внутренно движимыя, изъясняются и изъявляются своимъ словомъ... Это повсюднѣйшая молитва, общая всѣмъ почти. Она обыкновенна въ томъ, въ комъ живъ духъ благочестія. На третьей степени въ молитвѣ преобладаетъ внутреннее или духовное, — когда и безъ словъ, и безъ поклоновъ, и даже безъ размышленія, и безъ всякаго образа, при нѣкоторомъ молчаніи, или безмолвіи, въ глубинѣ духа совершается дѣйство молитвы. Эта молитва не ограничивается ни временемъ, ни мѣстомъ, ни другимъ чѣмъ внѣшнимъ и можетъ никогда не прекращаться. Почему и называется дѣйствомъ молитвы, т.-е., чѣмъ-то пребывающимъ неизмѣнно. Вотъ собственно внутренняя молитва!.. Гдѣ во всей полнотѣ, силѣ и красотѣ является жизнь въ Богѣ? На высшихъ степеняхъ молитвы. Такъ велика сила молитвы и такъ высоко ея значеніе!.. Кто умѣетъ молиться, тотъ уже спасается»...

«Поприще Богообщенія, область, въ коей оно образуется и дѣйствуетъ, есть умная духовная молитва... Молящійся пребываетъ въ Богѣ и, слѣдовательно, очень готовъ и способенъ къ тому, чтобъ и Богъ сталъ пребывать въ немъ».

«У кого начали появляться эти невольныя влеченія внутрь и эти восхищенія къ Богу, и особенно у кого начали дѣйствовать совершенное преданіе себя Богу и непрестанная молитва, тотъ готовъ и способенъ вступить въ безмолвіе. *Только онъ и силенъ вынесть этотъ подвигъ и проходить его съ плодомъ. Удержать такого въ общежитіи и сожительствѣ съ другими невозможно*».

«Что гнало Арсенія Великаго отъ людей? Это тяготѣніе внутрь предъ Богомъ. «*Люблю васъ*», говорилъ онъ, «*но не могу быть вмѣстѣ съ Богомъ и съ людьми*». — «Истинный безмолвникъ», говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, «не желая лишиться сладости Божіей, такъ удаляется отъ всѣхъ людей,

безъ ненависти къ нимъ, какъ усердно другіе съ ними сближаются».

«Выписываемъ нужное къ понятію о безмолвіи изъ 27 слова «Лѣствицы».

Есть безмолвіе внѣшнее, когда кто, отъ всѣхъ отдѣлившись, живетъ одинъ; и есть безмолвіе внутреннее, когда кто въ духѣ одинъ съ Богомъ пребываетъ не напряженно, а свободно, какъ свободно дышетъ, и глазъ видитъ. Они совмѣстны, но первому безъ послѣдняго нельзя быть. Посему собственно безмолвникъ тотъ, кто существо безтѣлесное—душу свою усиливается удерживать въ предѣлахъ тѣлеснаго дома. Пусть келлія безмолвника заключаетъ въ себѣ тѣло его, а сіе послѣднее имѣетъ въ себѣ храмину разума»!

«Единственное и неизбѣжное условіе къ такой жизни есть отрѣшеніе отъ себя и отъ всего тварнаго, или безстрастіе. Духъ выдти долженъ изъ міра сего въ міръ премірный и съ собою не вносить туда ничего тлѣннаго. *Како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна?* скажутъ тому, кто вшелъ бы туда, еслибъ сіе было возможно, съ какимъ-нибудь пристрастіемъ, какъ бы въ изорванномъ рубищѣ. Но то несомнѣнно, что, при какомъ бы то ни было пристрастіи, не бываетъ восхожденія къ Богу. Бываетъ, правда, лесть въ духѣ, когда ему чудится, что онъ живетъ въ Богѣ. Но какъ привязанная птица и полетитъ, и опять падаетъ на землю, хотя привязана за малѣйшій членъ,—какъ запорошившій глазъ и открываетъ его, но ничего не видитъ имъ; такъ и имѣющій пристрастіе думаетъ, будто углубился въ Бога, но тѣмъ только себя обманываетъ. Въ семъ состояніи бываютъ ложныя видѣнія, обольщенія фантазіи, а вмѣстѣ и обаянія сатаны, который любитъ и умѣетъ пользоваться всякою нашею слабостью. Многіе отъ сего навсегда погибли. Однакожъ это не должно служить укоромъ истинѣ, или оста-

навливать усердіе и желаніе ищущихъ. Слѣдуетъ только не забывать мудрыхъ правилъ, оставленныхъ Богомудрыми отцами, то-есть, устремляясь къ Богу, не забывать и отрѣшенія отъ всего и строже начать съ послѣдняго, или преимущественно обратиться на него; потому что первое нѣкоторымъ образомъ естественно духу, который, по отрѣшеніи отъ держащихъ его узъ чувственности, не имѣетъ куда войти, кромѣ области Божественной. Въ степеняхъ сего отрѣшенія различаютъ сначала болѣзненное отторганіе сердца отъ вещей чувственныхъ чрезъ гнѣвъ, потомъ безвкусіе къ нимъ, а далѣе созерцаніе ихъ изъ Бога, не отводящее отъ Бога. Для отрѣшенія отъ всего, а равно и для жизни въ Богѣ, всего лучше избрать желающимъ, способнымъ, призваннымъ особый родъ жизни — монашескій, или отшельническій. При семъ удобнѣе то и другое является во всей своей чистотѣ и зрѣлости. *И въ порядкѣ обыкновенной жизни сіе не невозможно*, но сопряжено съ большими трудностями и препятствіями. Лучше бываетъ, когда кто, *утвердившись жить въ Богѣ въ удаленіи отъ міра, исходитъ и вызывается потомъ въ общую жизнь на дѣланіе*. Въ томъ жизнь по Богу имѣетъ особое дѣйствіе, тотъ есть представитель Бога для людей, разносящій Его благословеніе на все... Но опять и къ отшельничеству восходятъ по опредѣленнымъ правиламъ, отеческимъ образомъ, *съ долгимъ и опаснымъ себя испытаніемъ*».

«На безмолвіе не потянетъ того, кто не вкусилъ еще сладости Божіей; сладости же сей не вкуситъ тотъ, кто не побѣдилъ еще страстей. Недугующій душевною страстію и покушающійся на безмолвіе подобенъ тому, кто соскочилъ съ корабля въ пучину и думаетъ безбѣдно достигнуть берега на доскѣ».

«Никто изъ тѣхъ, которые подвержены раздражительности и возношенію, лицемѣрію и памятозлобію, да не дерзнетъ

когда-либо увидѣть и слѣдъ безмолвія безъ того, чтобы не впасть въ изступленіе ума».

«Вкусившій сладости Божіей стремится на безмолвіе, чтобы ненасытно насыщаться имъ, безъ всякихъ препонъ, и непрестанно порождать въ себѣ огнь огнемъ, раченіе раченіемъ и вожделѣніе вожделѣніемъ. Посему безмолвникъ есть земной образъ ангела; на хартіи вожделѣнія, рукописаніемъ тщанія, освободилъ онъ молитву свою отъ лѣности и нерадѣнія... Безмолвникъ—тотъ, кто духодвижно вопіетъ: готово сердце мое, Боже! Безмолвникъ—тотъ, кто говоритъ: азъ сплю, а сердце мое бдитъ».

«Такимъ образомъ, все занятіе безмолвника—быть съ Единымъ Господомъ, съ Коимъ и бесѣдуетъ онъ лицомъ къ лицу, какъ любимцы царя говорятъ ему на ухо»...

«Возлюбившіе блаженное безмолвіе проходятъ дѣланія умныхъ силъ и подражаютъ образу ихъ жизни. Не насытятся они во вѣки вѣковъ, восхваляя Творца: такъ и восшедшій на небо безмолвія не насытится, воспѣвая Создателя».

«Но ни молитвы безлѣностной, ни храненія сердца неокрадомаго нельзя возымѣть, если не утвердилось напередъ въ сердцѣ совершенное безпопеченіе. Нельзя съ разумомъ проходить первыхъ двухъ, кто не пріобрѣлъ послѣдняго, подобно тому, какъ, не выучивши буквъ, нельзя читать. «Малый волосъ смущаетъ око и малое попеченіе губитъ безмолвіе». Кто желаетъ представить Богу чистый умъ и смущаетъ себя попеченіями, тотъ подобенъ крѣпко сковавшему свои ноги и покушавшемуся скоро идти. Посему истинное безмолвіе и начинается по преданіи себя Богу и глубокомъ увѣрованіи сердца въ Его о насъ попеченіе».

«Только тѣ, кои сочетались съ безмолвіемъ для наслажденія любовію Божіею, для утоленія жажды этой любви, будучи влекомы сладостію ея, суть настоящіе безмолвники. Такіе, если проходятъ безмолвіе съ разумомъ, скоро начинаютъ

вкушать и плоды его, кои суть: умъ неволнуемый, мысль очищенная, восхищеніе къ Господу, молитва ненасытная, стража неокрадаемая, всегдашнія слезы и проч.».

«Такимъ образомъ влечетъ на безмолвіе влеченіе внутрь къ сладостному стоянію предъ Богомъ; путь къ нему прокладаетъ очищеніе отъ страстей всѣми подвигами, коими укрѣпляется въ насъ добро и истощается зло, непосредственное преддверіе его есть преданіе себя Богу въ безпопеченіи; существо его, — ничѣмъ невозмутимое молитвенное стояніе предъ Богомъ умомъ въ сердцѣ, отъ коего огнь къ огню прилагается».

«Горѣніе духа отъ Божія прикосновенія окончательно очищаетъ человѣка и возводитъ его въ состояніе безстрастія. Въ этомъ огнѣ переплавляется естество наше, какъ металлъ неочищенный въ горнилѣ, и является сіяющимъ небесной чистотою, дѣлающимъ его готовымъ Богу жилищемъ».

«Такъ, на пути къ живому Богообщенію, стоитъ неминуемо безмолвіе, *если не всегда какъ извѣстный образъ подвижническаго житія, то всегда какъ состояніе, въ коемъ внутрь собранный и углубленный духъ, огнемъ Духа Божественнаго, возводится къ серафимской чистотѣ и пламенѣнію къ Богу и въ Богѣ*».

«Огнь этотъ внѣдряется въ минуты обращенія и начинаетъ дѣйствовать, какъ только, по обѣтѣ, вступитъ человѣкъ въ трудъ, но это есть начальная теплота, то появляющаяся, то скрывающаяся. Она дѣйствуетъ во все продолженіе труда надъ очищеніемъ сердца; иначе не вынесть человѣку трудовъ сихъ. Но всей силы своей она въ то время явить не можетъ, по причинѣ холода страстей, еще качествующихъ въ человѣкѣ. Всю силу свою являетъ она уже тогда, когда умолкнутъ страсти. Первая теплота похожа на горѣніе дровъ сырыхъ и намоченныхъ, а вторая на горѣніе тѣхъ же дровъ, когда огонь изсушитъ ихъ и проникнетъ весь ихъ составъ.

По другому сравненію, первая теплота похожа на ту, которая бываетъ въ водѣ, содержащей льдину, еще нерастаянную: теплота есть, но вода не вскипаетъ и не вскипитъ, пока не растаетъ льдина. Когда же растаетъ льдина, теплота, проникая всю массу воды, разгорячаетъ ее все сильнѣе; отъ этого вода перекипаетъ и перечищается. Вотъ на это похожа вторая теплота. Послѣдніе два образа дѣйствій огня изображаютъ дѣйствія духовнаго горѣнія въ послѣднихъ степеняхъ совершенства христіанскаго, возводящаго къ совершенной чистотѣ и безстрастію».

«Вещество страстей, будучи изнуряемо Божественнымъ огнемъ, потребляется; а по мѣрѣ того, какъ вещество искореняется, и душа очищается, отходятъ и страсти».

«Вотъ значеніе безстрастія, по указанію «Лѣствицы» въ словѣ 29-мъ».

«Безстрастіе есть воскресеніе души прежде воскресенія тѣла».

«Воскресеніемъ души должно называть исшествіе изъ ветхости, именно когда произойдетъ новый человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ничего отъ ветхаго человѣка, по сказанному: *и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ* (Іезек. 36, 26)».

«Это полное и между тѣмъ всегда возрастающее совершенство совершившихся о Господѣ такъ освящаетъ умъ и восхищаетъ его отъ вещества, что часто отъ жизни въ тѣлѣ изступленіемъ возноситъ на небо къ видѣнію».

«Безстрастіе показалъ Апостолъ, написавъ: *умъ Господенъ имамы* (1 Кор. 2, 16). Безстрастіе показалъ и тотъ сиріанинъ подвижникъ, который взывалъ: «ослаби ми волны благодати Твоея»!

«Безстрастный ко всѣмъ предметамъ, возбуждающимъ и питающимъ страсти, сталъ нечувствителенъ такъ, что они никакого дѣйствія на него не производятъ, хотя находятся предъ очами его. Это оттого, что онъ весь соединенъ съ Богомъ. Приходитъ онъ въ блудилище—и не только не чув-

ствуетъ движеній страсти, но и блудницу приводитъ къ чистому и подвижническому житію».

«Кто сподобился быть въ семъ устроеніи, тотъ еще здѣсь, обложенный бренною плотію, бываетъ храмомъ живаго Бога, Который руководствуетъ и наставляетъ его во всѣхъ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ; и онъ, по причинѣ внутренняго просвѣщенія, познаетъ волю Господню, какъ бы слышалъ нѣкоторый гласъ, и, будучи выше всякаго человѣческаго ученія, говоритъ: когда пріиду и явлюся лицу Божію,—ибо не могу болѣе сносить дѣйствій Его вожделѣнія, но ищу той безсмертной доброты, которую Ты даровалъ мнѣ прежде, нежели я впалъ въ тлѣніе. Но что много говорить!! Безстрастный не къ тому живетъ себѣ, но живетъ въ немъ Христосъ (Галат. 2, 20), какъ сказалъ подвигомъ добрымъ подвизавшійся, теченіе скончавшій и вѣру православную соблюдшій».

«Безстрастіе есть небесная палата небеснаго Царя».

«И вотъ, наконецъ, Богообщеніе и Боговселеніе—послѣдняя цѣль исканія духа человѣческаго, когда онъ бываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Исполняется, наконецъ, благоволеніе Господа и молитва Его, чтобы какъ Онъ въ Отцѣ и Отецъ въ Немъ, такъ и всякій вѣрующій едино былъ съ Нимъ (Іоан. 17, 21). Исполняется утѣшительное увѣреніе Его: кто слово Его соблюдаетъ, того возлюбитъ Отецъ Его, и Они къ тому пріидутъ и обитель у него сотворятъ (Іоан. 14, 23). Исполняется Апостольское опредѣленіе умершихъ безстрастіемъ, что животъ ихъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ (Кол. 3, 3). Таковые суть храмъ Божій (1 Кор. 3, 16), и Духъ Божій живетъ въ нихъ (Рим. 8, 9)»,

«Достигшіе сего суть таинники Божіи, и состояніе ихъ есть тоже, что состояніе Апостоловъ, потому что и они во всемъ познаютъ волю Божію, слыша какъ бы нѣкій гласъ, и они, совершенно соединивъ чувства свои съ Богомъ, тайно

научаются отъ Него словомъ Его. Знаменуется такое состояніе пламенемъ любви, по коей они съ дерзновеніемъ удостовѣряють: *кто ны разлучитъ?* (Рим. 8, 35). Любовь есть подательница пророчества, причина чудотвореній, бездна просвѣщенія, источникъ огня Божественнаго, который чѣмъ болѣе истекаетъ, тѣмъ болѣе раскаляетъ жаждущаго».

«Поелику такое состояніе есть плодъ безмолвія, когда проходятъ его съ разумомъ, то не всѣ безмолвники оставляются Богомъ въ безмолвіи навсегда. Достигающіе чрезъ безмолвіе безстрастія и чрезъ то удостоивающіеся преискренняго Богообщенія и Боговселенія изводятся оттуда на служеніе ищущимъ спасенія и служатъ имъ, просвѣщая, руководя, чудодѣйствуя. И Антонію Великому, какъ Іоанну въ пустынѣ, гласъ былъ въ его безмолвіи, изведшій его на труды руководства другихъ на пути спасенія,—и всѣмъ извѣстны плоды трудовъ его. То же было и со многими другими».

«Выше сего состоянія Апостольскаго мы не знаемъ на землѣ».

«Воодушевляйтесь надеждою, что придетъ день, когда возсіяетъ въ сердцѣ свѣтъ обрадованія и возвратитъ ему свободу отъ всѣхъ узъ, и доставитъ легкость движенія и возношенія туда, куда повлекутъ добрыя начертанія духа. Будете парить тогда въ области духовной, какъ птичка, выпущенная на свободу изъ клѣтки».

«Часто придется видѣть, что прокрадываются и прорываются помѣхи. Вѣдайте напередъ, что все это въ порядкѣ вещей. Встрѣтится,—не ужасайтесь... Однимъ только запасайтесь—крѣпкимъ мужествомъ, ни на что не смотря стоять въ начатомъ дѣлѣ. Это одно теперь на всю жизнь должно быть положено и запечатлѣно обѣтомъ и твердою рѣшимостью»!

Мы позволили себѣ извлечь изъ твореній почившаго святителя все то, что могло бы познакомить насъ съ его сокровенною, незримою для очей міра, жизнію въ глубинѣ его

затвора. Его вдохновенныя рѣчи—не сочиненія на заданную тему,—нѣтъ, онѣ проникнуты скрытымъ огнемъ убѣжденія, онѣ—плодъ пережитаго великаго духовнаго опыта. Онъ самъ говоритъ намъ:

«Въ духовной жизни книги только руководство. *Само познаніе пріобрѣтается дѣломъ*. Даже то, что познано бываетъ изъ чтенія, будто ясно и обстоятельно, когда испытано бываетъ дѣломъ, представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Жизнь духовная—-особый міръ, въ который не проникаетъ мудрость человѣческая».

Читая проникновенныя рѣчи великаго учителя, мы чувствуемъ, что не можемъ сказать ему: врачу, исцѣлися самъ! Скорѣе—мы видимъ въ немъ архистратига, который, воодушевляя воиновъ на священную брань, самъ первый устремляется на врага и увлекаетъ за собою другихъ.

«Не попеняйте на меня, Господа ради, что оставляю васъ, говорилъ приснопамятный святитель, прощаясь предъ удаленіемъ въ затворническую жизнь съ своей владимірской паствой. Спасайтесь и спаситесь о Господѣ! Лучшаго пожелать вамъ не умѣю .. Путь спасенія вамъ вѣдомъ»... Болѣе, чѣмъ когда-либо, слова эти получаютъ все свое значеніе въ настоящее время, когда окончился великій подвигъ почившаго.

Плоды этого великаго подвига свѣдомы только Единому Богу, но по дивнымъ твореніямъ почившаго мы и здѣсь на землѣ можемъ отчасти судить о нихъ. Теперь намъ легче, хотя и не легко, будетъ съ возможною обстоятельностію начертать нравственный обликъ святителя.

ГЛАВА IV.

Общественное значенiе затворническаго подвига преосвященнаго Ѳеофана.

«Люблю васъ (братiя), но не могу быть вмѣстѣ съ Богомъ и людьми», говоритъ святитель Ѳеофанъ словами Арсенiя Великаго, и его дивный подвигъ является живымъ истолкованiемъ этихъ словъ. Но любовь къ Богу не исключаетъ, напротивъ требуетъ и научаетъ истинной любви и къ людямъ. Любовь къ Богу и любовь къ людямъ дивно сочетались въ жизни почившаго святителя. Кажется, для того онъ и удалился отъ мiра, чтобы съ высоты своего подвига яснѣе видѣть насущныя нужды и недуги нашего времени и, по возможности, полнѣе оказать необходимую помощь. И эта помощь, эта заслуга святителя предъ нашимъ обществомъ такъ необъятно-велика, что мы едва въ состоянiи оцѣнить ее...

Въ чемъ же дѣло? Что всего нужнѣе современному обществу и въ чемъ состоитъ заслуга почившаго святителя? Вопросъ настолько важенъ, что мы должны подвергнуть его всестороннему обсужденiю.

Давно извѣстная истина, что все, что ни происходитъ въ обществѣ—всѣ свѣтлыя или темныя стороны его жизни, благоустройство и неурядицы, благосостоянiя и бѣдствiя—все зависитъ отъ внутреннихъ духовныхъ началъ, которыми живетъ общество, отъ степени его умственнаго и нравственнаго развитiя. Только поверхностный наблюдатель можетъ удовольствоваться ближайшими и иногда чисто случайными обстоятельствами, породившими то или другое общественное явленiе, и не искать позади ихъ основныхъ причинъ или началъ.

Въ частности—ни про какое время нельзя съ большимъ

правомъ сказать, какъ именно про наше, что его главный, коренный недугъ есть недугъ духовный.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ!..
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... Но о ней не проситъ.

(*Тютчевъ*).

«Современный образованный человѣкъ потерялъ свое равновѣсіе, говоритъ Б. Н. Чичеринъ. Нигдѣ онъ не находитъ твердой точки опоры. Среди безконечнаго множества частностей, у него исчезъ всякій общій взглядъ. Никогда еще не было такого всеобщаго шатанія, такого умственнаго мрака, какъ именно теперь. Сильная мысль, крѣпкія убѣжденія, высокіе характеры становятся рѣдкостью. Практическіе вопросы еще способны приковывать къ себѣ людей; теоретическіе интересы отошли на задній планъ и возбуждаютъ умы лишь настолько, насколько въ нихъ выражается та или другая практическая тенденція. Явнымъ признакомъ этого низкаго умственнаго состоянія служитъ всеобщій упадокъ изящной литературы. Въ этомъ нельзя видѣть случайное только явленіе; положительное знаніе всего менѣе допускаетъ такого рода всеобщія случайности. Это — знакъ времени. Въ поэзіи выражаются идеальныя стремленія человѣчества. Тамъ, гдѣ изсякъ ея источникъ, можно навѣрное сказать, что оскудѣла идеальная жизнь общества. Человѣкъ, вслѣдствіе господства реализма, превращается въ исключительно внизъ смотрящее существо. Откуда же взяться поэтическому вдохновенію»?

«Современное русское общество превратилось въ умственную пустыню. Серіозное отношеніе къ мысли, искреннее уваженіе къ наукѣ почти исчезли; всякій живой источникъ вдохновенія изсякъ. Съ паденіемъ философіи, логика сдѣлалась излишнимъ бременемъ; умѣніе связывать свои мысли отошло въ область предразсудковъ; никогда еще русская литература не стояла такъ низко; никогда еще легкомысліе и невѣжество такъ беззастѣнчиво не выставлялись на показъ. Самые крайніе выводы самыхъ одностороннихъ западныхъ мыслителей, обыкновенно даже непонятые и непереваренные, смѣло выдаются за послѣднее слово европейскаго просвѣщенія... Западно-европейскія общества, погрузившись въ изученіе частностей, сохранили по крайней мѣрѣ одну облагороживающую черту: упадокъ мысли искупается до нѣкоторой степени значительностью умственнаго труда, обращеннаго на изслѣдованіе фактическаго матеріала. У насъ, къ сожалѣнію, и этого нѣтъ. Если западнаго европейца можно сравнить съ рудокопомъ, который неутомимо работаетъ въ рудникахъ, приготовляя себѣ богатства для будущаго, то мы, при скудости нашего образованія, довольствуемся ожиданіемъ чужихъ благъ, а пока питаемся кой-гдѣ подобранными крохами, которыя доставляютъ посредники, слишкомъ часто разсчитывающіе на неразборчивость публики. Отсюда внутренній разладъ и дикія фантазіи, рождающіяся во мракѣ. Сколько среди насъ людей, которые забыли даже, что существуетъ свѣтъ Божій и готовы закидать каменьями того, кто дерзаетъ о немъ помянуть! Выйти изъ этой удушливой атмосферы составляетъ насущную потребность всякаго, въ комъ живы еще интересы мысли, кто недовольствуется житейскою пошлостью или на вѣру принятымъ направленіемъ. А выйти изъ нея можно только однимъ способомъ: поднявши глаза къ верху, вмѣсто того чтобы упорно держать ихъ прикован-

ными къ низу, окинуть взоромъ все необъятное пространство неба и уразумѣть великую связь, соединяющую высшее съ низшимъ, небесное и земное».... (Наука и религія. Б. Чичерина. Предисловіе. VIII—XII).

Характеризуя современное духовное состояніе нашего общества, наблюдатель проронилъ знаменательное слово: «въ Россіи пониженіе общаго уровня должно было отразиться въ явленіяхъ, еще болѣе печальныхъ, нежели гдѣ-либо». Почему же? Да потому, что наше образованное общество, со времени Петра Великаго, только повторяетъ зады европейской цивилизаціи. Никто въ настоящее время не станетъ спорить противъ усвоенія нами плодовъ европейской цивилизаціи, но нельзя же не замѣчать и горькихъ послѣдствій нашего продолжительнаго подчиненія западу. Древнее русское общество можно укорять въ грубости, но нельзя въ немъ отрицать энергіи и внутренней цѣльности народныхъ творческихъ силъ. Но съ тѣхъ поръ какъ высшіе, руководящіе классы народа пошли въ науку западу, эта духовная цѣльность народнаго организма нарушилась. «По *ту* сторону (то-есть въ простомъ народѣ) продолжала пребывать «тьма невѣжества», то-есть, сохранялись, вмѣстѣ съ внѣшнимъ стариннымъ обликомъ, старинный бытъ, духъ, преданія и завѣты Руси старой... однимъ словомъ, самое зерно русской народной исторической сути и мощи... По *сю* сторону (въ образованномъ классѣ)—новый міръ, новые люди, пестрый свѣтъ зачавшейся цивилизаціи,—однимъ словомъ — «образованность» (въ переводѣ съ нѣмецкаго Bildung), по преимуществу въ наружныхъ, внѣшнихъ ея проявленіяхъ и начиная съ самыхъ низшихъ ея ступеней. По *ту* сторону—застой, крѣпостьババ старинѣ до суевѣрія; по *сю*—форсированный «прогрессъ» и также суевѣрная, но притомъ раболѣпная и подобострастная духовная крѣпость европейскому западу» (И. С. Аксаковъ. IV. 753). Къ нашей современной интеллигенціи смѣло можно приложить стихъ Шиллера:

«Не наша ихъ земля ростила,
„Не наше солнце грѣло ихъ!

Наше духовное безсиліе есть плодъ отчужденности нашего образованнаго общества отъ основныхъ духовныхъ началъ, которыми искони живъ былъ русскій народъ. «Сила общества только въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ носителемъ и выразителемъ народной мысли, совершать работу народнаго самосознанія. Безъ этой силы —безсильны сами по себѣ и народныя массы, которымъ не достаетъ сознательности, и общество, которому не достаетъ живаго питанія корней: обѣ среды останавливаются въ своемъ развитіи; цѣльность и правильность отправленій всего народнаго организма и кровообращенія въ немъ—разстраиваются» (И. Аксаковъ. Т. II. 262).

Отсюда—съ одной стороны безплодность нашего образованія, отсутствіе въ немъ творчества, его отрѣшенность отъ насущныхъ потребностей жизни. Отсюда то, что

«Мы всѣ рѣчь умную, но праздную ведемъ,
« О жизни мудрствуемъ, но жизнью не живемъ!

Съ другой стороны, сознавая свой долгъ передъ народомъ, сознавая свою обязанность содѣйствовать духовному развитію своего народа, представители нашего образованнаго общества, сами повторяя зады европейской цивилизаціи, хотѣли было навязать народу такъ-называемыя «послѣднія слова науки», послѣдніе выводы европейской культуры. Но народъ, вѣрный святымъ завѣтамъ православной вѣры, не понимаетъ и не принимаетъ ихъ, потому что эти результаты стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ его духовными стремленіями. Не въ наукѣ—зло, но зло европейской цивилизація заключается въ томъ превратномъ направленіи, которое приняла европейская наука. «Въ основаніи, въ глубинѣ современныхъ ученій запада, не только

революціонныхъ, но и философскихъ, вообще «его послѣдняго слова» лежитъ: отверженіе Бога, слѣдовательно отверженіе всего, что святитъ человѣка и съ нимъ всю природу,—отрицаніе свободнаго духа и всякаго духовнаго въ человѣкѣ начала, слѣдовательно *обездушеніе* человѣка и *порабощеніе* его плоти,—отрицаніе высшей, предержащей міръ, независимой отъ человѣка правды, высшаго, нравственнаго, обязательнаго для нравственной человѣческой природы закона, всей нравственной въ человѣкѣ стихіи и затѣмъ—поклоненіе обездушенной матеріи, обезбоженному, обездушенному, охолощенному духовно и нравственно, человѣку какъ *Богу*,—горделивое превознесеніе выше всего бѣднаго логическаго разума и «точнаго», стало быть, ограниченнаго разума... Гордая наука забыла, что не культура, не знаніе преобразили міръ... Не въ наукѣ зло, конечно, и не въ цивилизаціи, но въ гордомъ самомнѣніи науки и цивилизаціи, въ той ихъ *вѣрѣ* въ себя, которая отметаетъ вѣру въ Бога и въ Божественный законъ» (тамъ же, 717). Понятно, почему народъ рѣшительно отвергаетъ навязываемыя ему чуждыя духовныя начала. Народъ готовъ искать, алчетъ и жаждетъ просвѣщенія, но просвѣщенія, озаряющаго для него то, что составляетъ *единое на потребу*, не прочь получить и познанія, но уже никакъ не идущія въ разрѣзъ съ его духовными стремленіями. «И если народъ наконецъ подыметъ усталыя отъ долгой дремоты очи и взглянетъ на нашихъ литераторовъ и всякаго рода художниковъ,—прислушается къ ихъ оглушительнымъ крикамъ, къ треску и грому ихъ вѣщаній,—что скажетъ онъ? «Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Что сталось съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ? что совершили вы на досугѣ? Гдѣ цѣльность и единство жизни и

духа? Гдѣ науки, вами взрощенныя?.. Какого хламу нанесли на мою почву»?.. (тамъ же, 10). Благо намъ, что нашъ народъ сберегъ неприкосновенною святыню своей вѣры—въ этомъ залогъ нашего будущаго духовнаго роста. Твердо вѣримъ, никогда не изсякнетъ, не заглохнетъ,—напротивъ ярко разгорится всеозарящимъ свѣтомъ, на изумленіе и спасеніе міру, священное пламя живой сердечной вѣры, но представимъ на минуту, что... еслибъ умеръ въ немъ (то-есть въ народѣ) живущій идеалъ,

И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ—хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
Что дали бъ мы ему?

(*Майковъ*).

Необходимо, чтобы наши образованные классы, наша общественная среда сдѣлались вѣрнымъ выраженіемъ народнаго самосознанія. Но что для этого нужно? Прекрасно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ нашъ знаменитый писатель-художникъ: «народъ русскій въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идеей православія, хотя и не разумѣетъ эту идею отчетливо и научно... Въ сущности въ народѣ нашемъ все изъ нея одной и исходитъ, по крайней мѣрѣ народъ нашъ такъ хочетъ, всѣмъ сердцемъ хочетъ, чтобы все, что есть у него и что даютъ ему, изъ этой одной лишь идеи и исходило, несмотря на то, что многое у самаго же народа является смраднаго, варварскаго и грѣховнаго. Вся глубокая ошибка нашихъ интеллигентныхъ людей въ томъ, что они не признаютъ въ русскомъ народѣ церкви. Но кто не понимаетъ въ народѣ нашемъ его православія и окончательныхъ цѣлей его, тотъ никогда не пой-

метъ и самаго народа нашего. Никогда и народъ не приметъ такого русскаго европейца за своего человѣка; «*полюби сперва святыню мою, почти ты то, что я чту*, и тогда ты точно таковъ, какъ я, *мой братъ*, несмотря на то, что ты одѣтъ не такъ, что ты баринъ, что ты начальство»... вотъ что скажетъ народъ, ибо народъ нашъ широкъ и уменъ» (Достоевскій. *Дневникъ*. 1881).

Замѣтимъ при этомъ, что здѣсь дѣло идетъ не о томъ только, чтобы признать умомъ правду народной вѣры. Одинъ путь отрицанія лжи еще не ведетъ къ живительному усвоенію истины. Дѣло въ томъ, что двумъ богамъ служить нельзя. Устраняясь отъ источника истинной жизни, человѣкъ начинаетъ жить другою, ложною жизнію, которая пораждаетъ потребности и страсти, а вмѣстѣ съ ними и страданія. «Жизнь отвлеченная, призрачная, цѣликомъ занесенная изъ иноземщины, съ ея историческими скорбями и чаяніями, становилась какъ бы и въ самомъ дѣлѣ *нашею жизнью*, несмотря на поразительное, ошеломляющее противорѣчіе съ окружающимъ, не отвлеченнымъ, но дѣйствительнымъ міромъ. Такъ наше общество совершенно *юное*, еще не начинавшее жить, уже пережило, въ сферѣ сознанія, всѣ нравственные старческіе недуги ...обществъ западной Европы, не извѣдавъ ихъ жизненнаго опыта»... (И. Аксаковъ. VI. 422).

Новая жизнь должна пробудиться въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не перемѣна взглядовъ и убѣжденій, не умственный переворотъ, а духовное перерожденіе—вотъ что должно совершиться—внутренней дѣятельностью духа. Это перерожденіе должно обхватить собою, какъ воздухъ, и оживить всѣ самые сокровенные углы и изгибы нашей духовной и нравственной области. Но жизнь пораждается только жизнью. Болѣзнь въ духѣ и можетъ быть излѣчена только орудіемъ духа. Самымъ яркимъ примѣромъ и подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить попытка помочь исцѣленію современ-

наго общества отъ его недуговъ, сдѣланная знаменитымъ писателемъ, грустныя рѣчи котораго мы привели въ началѣ. Мы разумѣемъ его книгу «Наука и Религія». Какъ и слѣдовало ожидать, поклонникъ западнаго просвѣщенія видитъ выходъ изъ печальнаго положенія въ возвращеніи къ широкимъ философскимъ обобщеніямъ, къ умозрѣнію, возвышающемуся надъ данными опыта, въ довѣріи къ силамъ человѣческаго разума. Философія, по его словамъ, «это—тотъ мерцающій свѣточъ, который непривычному глазу кажется неспособнымъ разсѣять окружающій насъ мракъ, но который въ дѣйствительности *одинъ* (?) можетъ вывести человѣка въ высшую область всеозаряющей истины» (Предисловіе. XIV). «Какъ скоро возбужденъ испытующій разумъ, такъ *ему одному принадлежитъ верховное рѣшеніе* занимающихъ его задачъ. Если онъ подчиняется высшему авторитету, то онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ на основаніи собственнаго убѣжденія, точно провѣривъ всѣ свои пути» (тамъ же. XIII). Не слышится ли фальшь въ этихъ горделивыхъ словахъ? Разумъ можетъ преклоняться предъ высшимъ авторитетомъ вѣры, говорящей намъ о тайнахъ высшаго духовнаго порядка, совершенно недоступнаго научнымъ изслѣдованіямъ, и — тотъ же разумъ ставится верховнымъ судьею, главнымъ рѣшающимъ началомъ... Разумъ подчиняется авторитету вѣры, но сама вѣра ставится предъ трибуналомъ высшаго судіи... Странное недоразумѣніе! И какимъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ 500 страницъ! Несмотря на всю серьезность и научную строгость разсужденій—сколько внутреннихъ колебаній и противорѣчій! Несмотря на громадную ученость—какъ мало убѣдительности *)! Нѣтъ, не отъ научныхъ или философскихъ разсужденій загорится огонь новой жизни,—

---

*) О книгѣ Б. Н. Чичерина отзывъ профессора протоіерея А. М. Иванцова-Платонова.

И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ,
Ея оружье—Божье Слово,
А Божье Слово—Божій громъ!

(*Хомяковъ*).

Богъ и Божья сила не съ тѣми, кто является проповѣдникомъ высшей правды, вооружившись хотя бы философіей Гегеля, да и вообще всѣхъ мудрецовъ міра сего,—

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія...

(*Хомяковъ*).

Судьба указаннаго выше, хотя и добросовѣстнаго, труда еще разъ приводитъ намъ на память вѣское слово: «пора бы убѣдиться, что все сочиненное лишено внутренней, зиждующей силы, не пользуется ни авторитетомъ, ни довѣріемъ, предполагаетъ возможность новыхъ остроумнѣйшихъ сочиненій,—однимъ словомъ, осуждено на безплодіе и кратковѣчность. Какъ ни напрягайся, процессъ сочинительства не замѣнитъ органическаго творчества; какъ ни сочиняй, не сочинишь жизни» (И. Аксаковъ. 426. VI). Тѣмъ болѣе это имѣетъ значеніе относительно духовной жизни. «Жизнь духовная, говоритъ святитель Θеофанъ, есть особый міръ, въ который не проникаетъ мудрость человѣческая».

Только человѣкъ, самъ переживишій, перестрадавшій многое, самъ перегорѣвшій въ горнилѣ духовнаго опыта, самъ причастный духовной жизни, можетъ заговорить съ людьми о духовной жизни съ всепобѣдной силой, возбуждающей ду-

ховную энергію и порождающей готовность на духовные подвиги. «Подобно тому какъ огнь, проникая желѣзо, не внутри только желѣза держится, но выходитъ наружу и огненную свою силу являетъ ощутительно для всѣхъ; такъ и благодать, проникнувъ все естество наше, становится потомъ осязательно видима для всѣхъ. Всѣ, приходящіе въ соприкосновеніе съ таковымъ облагодатствованнымъ, чувствуютъ присущую ему необыкновенную силу, проявляющуюся въ немъ разнообразно. Станетъ онъ говорить о чемъ-либо духовномъ, все у него выходитъ ясно, какъ среди дня; и слово его идетъ прямо въ душу, и тамъ властно слагаетъ соотвѣтственныя себѣ чувства и расположенія. Да хотѣ и не говоритъ, такъ вѣетъ отъ него теплота, все согрѣвающая, и сила нѣкая исходитъ, возбуждающая нравственную энергію и раждающая готовность на всякаго рода духовныя дѣла и подвиги» (Еп. Ѳеофанъ).

И вотъ, когда, повидимому, среди нашего общества назрѣла настоятельная потребность именно въ такомъ руководствѣ, — является предъ нимъ поразительный примѣръ строжайшаго духовнаго подвига, соединеннаго съ дивнымъ, воистинну благодатнымъ словомъ наставленія, является новое и высокое проявленіе духа православной Церкви въ лицѣ почившаго святителя Ѳеофана, — «являются предъ нашими взорами, по словамъ авторитетнаго почитателя почившаго, прежде всего высоко-благочестивая личная жизнь святителя-подвижника, служащая живымъ, дѣйственнымъ, высоко-поучительнымъ и нравственно-назидательнымъ примѣромъ для христіанъ нынѣшняго времени, а потомъ—и его учено - литературные, религіозно-нравственнаго характера, сочиненія, способныя оказывать свое благотворное вліяніе не только на современниковъ, но и на отдаленныя поколѣнія. Эти произведенія великаго подвижника вѣры и благочестія христіанскаго, полныя духовно-благодатнаго помазанія, въ

возможной полнотѣ и близости отражаютъ въ себѣ духъ ученія Христова и Апостольскаго, мысли, характеръ и содержаніе твореній богопросвѣщенныхъ отцевъ и учителей Церкви, и всѣ направлены къ указанію высшаго блага, вѣчныхъ цѣлей бытія человѣческаго... Архипастырь-учитель раскрылъ духовную жизнь въ своихъ сочиненіяхъ всѣмъ доступнымъ образомъ, съ неподражаемою ясностью и простотою, во всей ея глубинѣ и широтѣ, во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ. въ систематическомъ порядкѣ и естественной послѣдовательности ея развитія»... Какъ произведенія высокаго подвижника, его творенія обладаютъ силой «пробуждать человѣка-христіанина отъ духовнаго усыпленія», «вызывать его изъ состоянія религіозной апатіи, равнодушія къ вѣрѣ, такъ-называемой теплопрохладности, столь распространенной среди современныхъ христіанъ» (Изъ слова преосвящен. Никандра). Читая творенія святителя-подвижника, мы изумляемся его громаднымъ познаніямъ, можно сказать, по всѣмъ отраслямъ наукъ, мы видимъ въ немъ человѣка, вооруженнаго всѣми результатами вѣковой работы ума, но— надъ этимъ роскошнымъ богатствомъ свѣтской учености возвышается и царитъ, все одухотворяя, божественная жизнь духа, жизнь высшихъ стремленій, направленныхъ въ область вѣчности... Желаемъ ли мы избавиться отъ томящей всѣхъ мучительной пустоты, отъ духовной немощи, отъ недуговъ, которыми страдаетъ современное общество, повидимому утратившее самое пониманіе духовной жизни,—желаемъ ли, наконецъ, сроднившись въ духѣ съ богатырскимъ своимъ народомъ, послужить и помочь ему своими разумными силами въ его стремленіяхъ къ высшей, Божіей правдѣ, желаемъ ли возвратить столь давно утраченное нами единство и цѣльность народной жизни и тѣмъ возвратить ей силу творчества—мы можемъ смѣло идти на встрѣчу ярко загорѣвшемуся свѣту въ твореніяхъ почившаго святителя, и этотъ

свѣтъ всеозаряющей истины разгонитъ тьму вѣковыхъ заблужденій, прояснитъ сознаніе, и зажжетъ новымъ пламенемъ потухающую искру высшей духовной жизни. Не мрачный пессимизмъ, которымъ собирается подъ конецъ наградить насъ просвѣщенный Западъ,—нѣтъ, творенія почившаго дадутъ намъ иное; они окрылятъ нашъ духъ, сообщивъ ему бодрое, жизнерадостное пробужденіе къ новой жизни: духовный подвигъ не покажется тяжкимъ бременемъ, возвративъ человѣку его истинное достоинство и надежду на вѣчное блаженство!

Заключимъ настоящій очеркъ словами преосвященнаго Никандра: «Въ Бозѣ почившій святитель своею жизнію и своими трудами представляетъ то дивное, непонятное съ точки зрѣнія міра сего и сильнѣе всякихъ другихъ доказательствъ и соображеній обличающее мірскія лжемудрованія, — явленіе, которое съ одной стороны служитъ къ прославленію Бога въ лицѣ почитающихъ Его, а съ другой— къ оправданію великаго значенія и пользы для общества и общественной жизни монашества, даже являющагося въ духѣ строгаго аскетизма затворничества. Въ лицѣ преосвященнаго Ѳеофана мы имѣемъ общаго христіанскаго учителя— при его безмолвіи; общественнаго дѣятеля — въ затворѣ; церковнаго проповѣдника, всюду слышимаго, хотя и не являвшагося въ послѣднее время на церковной каѳедрѣ; миссіонера-обличителя сектантскихъ заблужденій, хотя и не выступавшаго на поприщѣ открытой миссіонерской дѣятельности; яркаго свѣтильника ученія Христова для народа православнаго, хотя видимо для всѣхъ и не стоявшаго въ послѣднее время на свѣщницѣ церковномъ, хотя и укрывавшагося отъ взоровъ народныхъ; никакого почти достатка матеріальнаго не имѣвшаго, но всѣхъ богатившаго и богатящаго доселѣ духовнымъ достояніемъ ученія своего; не искавшаго временной, земной славы, но прославляемаго теперь и людьми, и

наукою, и цѣлыми учрежденіями, и самыми своими твореніями, въ которыхъ онъ поистинѣ воздвигъ себѣ «памятникъ нерукотворенный»... И исполняется надъ нимъ тутъ другое слово Христово въ Евангеліи, вопреки ищущимъ мірской, земной славы: онъ работалъ Отцу небесному *втайнѣ*,—и вотъ мы какъ бы слышимъ Спасителя, говорящаго ему словами Евангелія: *и Отецъ твой видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ*»!

ГЛАВА V.

Основы христіанской нравственности, по ученію святителя Ѳеофана.

„*Не думаю, чтобъ что либо изъ писаннаго затруднило васъ; прошу однакожъ не мимоходомъ пробѣжать писанное, а пообсудить хорошенько и къ себѣ приложить.*"

Преосвященный Ѳеофанъ.

Въ нашей ежедневной жизни нерѣдко приходится наблюдать явленіе такого рода. Если юный питомецъ проникнутъ любовію и полнымъ уваженіемъ къ своимъ руководителямъ, то достаточно со стороны послѣднихъ одного легкаго замѣчанія или указанія для того, чтобы юноша немедленно исправилъ замѣченное упущеніе или неправильность въ своемъ поведеніи. Но вотъ у молодаго человѣка съ годами проявляются все сильнѣе и сильнѣе дурныя наклонности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и своеволіе. Тогда со стороны старшихъ уже требуются значительныя усилія, чтобы направить его на путь истинный. Иногда дѣло доходитъ до того, что уже не помогаютъ ни просьбы, ни увѣщанія, ни угрозы... Все это принимается теперь за излишнее стѣсненіе свободы, за тяжелое,

извнѣ навязываемое бремя. Приложимъ этотъ примѣръ къ занимающему насъ вопросу.

Въ первые вѣка христіанства, при горячей любви первыхъ христіанъ къ своему Спасителю, при живомъ и искреннемъ религіозномъ одушевленіи — для пастырей церкви достаточно было указать на слова Господа и Апостоловъ или даже прославленныхъ отцевъ и учителей церкви, чтобы вполнѣ и съ желаемымъ успѣхомъ воздѣйствовать на души вѣрующихъ. При такихъ обстоятельствахъ, въ IV вѣкѣ, наприм., св. Василій Великій счелъ полезнымъ и совершенно достаточнымъ «выбрать изъ Богодухновеннаго писанія все, чѣмъ угождаетъ и чѣмъ не угождаетъ человѣкъ Богу, — и всѣ, разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ, запрещенія и повелѣнія, для легчайшаго уразумѣнія, представить совокупно въ правилахъ, чтобы тѣмъ легче отучить людей поступать по навыку своей воли и по преданію человѣчества» (Творенія св. Отцевъ. Т. IX, стр. 2. 20. 25. 37).

Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнились. Съ ослабленіемъ вѣры и любви христіанской, при всеобщемъ огрубѣніи нравовъ, требованія христіанской нравственности стали представляться уже какъ нѣчто, навязываемое извнѣ, какъ неудобоносимое бремя, какъ что-то чуждое человѣческой природѣ и ея живымъ стремленіямъ. Дѣло, подъ конецъ, дошло до того, что въ XVII и XVIII столѣтіяхъ явился рядъ философовъ, которые, рѣшительно отвергнувъ заповѣди Божіи, принялись, въ противность имъ, выводить правила жизни и законы человѣческаго общежитія изъ свойствъ человѣческой природы, забывая, что безконечное превосходство христіанства надъ всѣми религіями и человѣческими ученіями въ томъ именно и состоитъ, что оно вполнѣ отвѣчаетъ кореннымъ, истиннымъ и глубочайшимъ стремленіямъ человѣческой природы, что «душа человѣка по природѣ христіанка». Но такъ какъ наличная человѣческая природа глубоко искажена

грѣхомъ, то, отправляясь отъ нея, упомянутые мудрецы міра сего, естественно, и пришли къ выводу, что homo homini lupus (человѣкъ для другого человѣка—волкъ), что будто-бы въ основѣ человѣческой жизни, да и всей природы, лежитъ законъ борьбы за существованіе. Плоды такихъ ученій всѣмъ хорошо извѣстны. Борьба всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes), лишь умѣряемая внѣшнею силой, эгоизмъ отдѣльныхъ личностей, борьба сословій, мятежи, убійства—все, что мы видимъ мрачнаго въ исторіи европейскихъ обществъ за послѣднія столѣтія... И вотъ, въ виду ужасающихъ проявленій духа времени, раздается отчаянный вопль: «міръ остановился въ недоумѣніи. Въ организаціи этого міра поколебалось что-то такое, что до сихъ поръ считалось весьма прочнымъ..... Нужно обновить *человѣка*, ибо общественная совѣсть замираетъ»... (Ж. Симомъ). Куда же идти далѣе?...

Величавую задачу разрѣшить для современнаго общества, да и на всѣ времена, нравственный вопросъ и истолковать возвышенныя требованія христіанства въ согласіи съ коренными, глубочайшими и истинными законами и стремленіями человѣческой природы взялъ на себя великій святитель Ѳеофанъ и отдалъ этой задачѣ всю свою жизнь, провѣряя свои глубокія размышленія опытомъ своего великаго подвига.

«Дѣло спасенія есть искусство искусствъ и наука наукъ: какъ же можно обойтись безъ учителя»?

Какія же качества потребны для учителя христіанской нравственности?

«Чтобы вести, надобно видѣть всѣ распутія жизни, опытно знать ихъ и знать, какъ они отклоняются, а для этого надобно стоять на нѣкоторой высотѣ, съ коей можно бы обозрѣвать и всѣ пути и всѣхъ идущихъ и того между ними, кто ввѣрился. Словомъ своимъ, какъ рукою, онъ наставитъ его, какъ идти прямо, безъ уклоненій, скоро, среди

всѣхъ распутій безъ блужданія. Не очистившіеся отъ страстей всѣ стоятъ на одной линіи въ уровень, ученый ли кто или неученый, читалъ ли кто науку о подвижничествѣ или не читалъ. Толпу же составляющіе люди не видятъ, куда и какъ пройти, а толкаютъ только другъ друга и идутъ, какъ идется, то туда то сюда, не попадется ли имъ нужная тропинка, чтобы вывести на просторъ; между тѣмъ по голосу, который внѣ толпы, тотчасъ же выйти можно. Дѣло все въ покореніи страстей: не побѣдившій страсти не можетъ дать надлежащаго правила на ихъ покореніе, потому что самъ страстенъ и судитъ страстно. Затѣмъ-то умный, но самъ не испытавшій руководитель никогда не поведетъ далеко, при всемъ своемъ желаніи. И самъ онъ и руководимый будутъ говоритъ, разсуждать о путяхъ Божіихъ и все толочься на одномъ мѣстѣ»

«Такихъ совершенствъ долженъ быть истинный руководитель и вѣрный наставникъ»!

Личный великій подвигъ жизни святителя Ѳеофана и даетъ ему безконечное превосходство, какъ учителю христіанской нравственности, надъ всѣми современными системами христіанскаго вѣроученія, появляющимися у насъ и на западѣ,—какъ въ мірѣ римско-католическомъ, такъ и въ протестантскомъ.

Посвятивъ всю свою жизнь «наукѣ наукъ» и «искусству искусствъ», преосвященный Ѳеофанъ съ грустью говоритъ о томъ, какъ мало у него предшественниковъ. За годъ до своей кончины, отъ 30 янв. 1893 года, въ одномъ частномъ письмѣ онъ писалъ: «пишу о своихъ книгахъ, потому что не знаю, гдѣ бы еще полнѣе было изложено все, касающееся жизни христіанской. Другіе писатели и лучше бы написали, но ихъ занимали другіе предметы». А въ другомъ мѣстѣ высказываетъ слѣдующую жалобу: «самымъ пригоднымъ пособіемъ для начертанія вѣроученія христіанскаго могла бы

служить христіанская психологія. За неимѣніемъ ея приходилось довольствоваться своими о душевныхъ явленіяхъ понятіями, при указаніяхъ отцевъ подвижниковъ».

Но намъ лично нѣтъ основаній высказывать подобныя сожалѣнія. Личный трудъ цѣлой жизни святителя съ избыткомъ восполнилъ все. «Что касается духовной жизни человѣка-христіанина, которая, какъ и Слово Божіе, также почти совершенно неизвѣстна, темна и непонятна для большинства современнаго общества, не знающаго часто даже азбуки духовной жизни, а не только высшей мудрости ея, и живущаго большею частію лишь низшею, чувственно тѣлесною жизнію,—говоритъ авторитетный цѣнитель святителя,—то... архипастырь-учитель раскрылъ эту духовную жизнь въ своихъ сочиненіяхъ всѣмъ доступнымъ образомъ, съ неподражаемою ясностію и простотою, во всей ея глубинѣ и широтѣ, во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ, въ систематическомъ порядкѣ и естественной послѣдовательности ея развитія» (Изъ слова преосв. Никандра). «Вездѣ указывая и выясняя, какъ высокія требованія Евангелія глубоко соотвѣтствуютъ истиннымъ и законнымъ стремленіямъ души человѣческой, святитель достигаетъ того, что читатель можетъ видѣть и понять, какъ представляющіяся на первый взглядъ трудными и неудобоносимыми, повидимому, правила и требованія нравственнаго закона Христова, начиная отъ общеобязательныхъ для всѣхъ заповѣдей и кончая Евангельскими совѣтами, предоставленными добровольному исполненію *могущихъ вмѣстити*, — оказываются на самомъ дѣлѣ удобоисполнимыми и осуществимыми въ жизни тѣми же подобострастными намъ людьми, — и когда читатель... попробуетъ осуществить совѣты и наставленія въ своемъ собственномъ жизнеповеденіи, ставъ бодрственно на стражѣ сердца и помышленій ума своего, то онъ, при помощи благодати Божіей, вскорѣ же собственнымъ опытомъ дознаетъ и убѣ-

дится, всѣмъ своимъ существомъ восчувствуетъ, какъ по истинѣ и дѣйствительно *иго Христово—благо и бремя Его легко есть* (Матѳ. 11, 30),—онъ не только не будетъ тяготиться имъ, какъ чуждой и принудительно навязанной ему рабской ношей; нѣтъ, онъ напротивъ, вкуситъ духовную сладость несенія его, испытаетъ высшее духовное удовлетвореніе и неземное наслажденіе» (тамъ же).

Самое лучшее ознакомленіе съ ученіемъ святителя Ѳеофана объ основахъ религіозной жизни читатель можетъ почерпнуть всецѣло лишь изъ твореній его. Мы же постараемся здѣсь ознакомить лишь съ основными взглядами святителя, которые такъ или иначе отражаются во всѣхъ его твореніяхъ.

«Я имѣю намѣреніе, говорилъ святитель, приступая къ изложенію законовъ нравственнаго порядка,—все достодолжное выводить изъ устройства человѣческаго естества».

«Жить намъ надобно такъ, какъ Богъ создалъ насъ».

«Ужъ какъ же иначе человѣку и жить, какъ не такъ, какъ онъ устроенъ. Установивъ здравыя понятія о томъ, какъ устроенъ человѣкъ, получимъ вѣрнѣйшее указаніе на то, какъ ему слѣдуетъ жить. Мнѣ думается, что многіе потому и не живутъ какъ должно, что думаютъ, будто правила о сей достодолжной жизни навязываются совнѣ, а не исходятъ изъ самаго естества человѣка и не имъ требуются».

Установивъ эти положенія, святитель приступаетъ къ разсмотрѣнію устройства духовно-физической природы человѣка, ея силъ и стремленій, строго отдѣляя и очищая то, что законно, что вложено въ нашу природу Самимъ Творцемъ, отъ того, что привнесено грѣхомъ, что имъ извращено, что, такъ сказать, нажито нашей грѣховной жизнью. Начиная съ физической стороны, съ тѣлесной жизни, онъ

переходитъ постепенно къ устройству и проявленіямъ высшей духовной жизни *).

«Тѣло наше состоитъ изъ разныхъ органовъ, изъ коихъ каждый совершаетъ свое отправленіе, существенно необходимое для жизни тѣлесной. Главныхъ органовъ три: 1) *желудокъ* съ легкими, сердцемъ, артеріями и венами, лимфатическими сосудами и множествомъ другихъ сосудовъ, сосудцевъ и железъ, служащихъ для разныхъ отдѣленій изъ крови и соковъ тѣла; отправленіе всѣхъ ихъ — *питаніе* тѣла или плототвореніе; 2) *системъ мускуловъ и костей,* отправленіе коихъ есть *движеніе* внутри и вовнѣ и 3) *система нервовъ,* центръ коихъ — голова, спинной мозгъ и система ганглій—гдѣ-то подъ брюшною и грудною преградою, а развѣтвленія проникаютъ все тѣло; отправленіе ея—*чувствительность.* Когда ходъ этихъ отправленій и взаимное ихъ отношеніе въ порядкѣ, тѣло здорово и жизнь — внѣ опасности; а когда этотъ порядокъ нарушается, тѣло заболѣваетъ

---

*) Въ своихъ воззрѣніяхъ на природу человѣка святитель придерживается трихотомическаго ученія. По этому ученію мы должны признавать въ человѣкѣ не два, а три элемента: тѣло, душу и духъ. Это различіе сознавалось уже Платономъ и Аристотелемъ. Слово Божіе освятило его — въ лицѣ Ап. Павла, который также въ природѣ человѣка различаетъ тѣло, душу и духъ: „Самъ же Богъ мира да освятитъ васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ и душа и тѣло во всей цѣльности да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа“ (1 Сол. 5, 23). Древніе учители церкви также раздѣляли это воззрѣніе. Климентъ Александрійскій называетъ душу „ἄλογον μέρος,“ а духъ „ἡγεμονικόν“. Пр. Ѳеофанъ занимается этимъ вопросомъ въ своемъ „Толкованіи посланій св. Ап. Павла къ Филиппійцамъ и Солунянамъ,“ стр. 383 — 386. Противъ этого воззрѣнія существуетъ, какъ извѣстно, много возраженій. „Не есть ли такое раздѣленіе излишнее осложненіе и безъ того уже сложнаго существа? И не вдаемся ли мы здѣсь въ такія умствованія, которыя теряютъ уже всякую точку опоры и не въ состояніи дать ни малѣйшаго представленія о предметѣ... На эти вопросы слѣдуетъ отвѣчать прежде всего, что такъ какъ человѣкъ есть вѣнецъ творенія, то онъ естественно является сложнымъ существомъ.“ Б. Чичеринъ. Наука и религія. Стр. 187. Интересующихся вопросомъ отсылаемъ къ этому сочиненію, гдѣ они найдутъ полнѣйшее раскрытіе и твердое философское обоснованіе вышеуказанному воззрѣнію.

и жизнь въ опасности. Каждое отправленіе имѣетъ свою потребность, которую даетъ живо чувствовать живущему, требуя удовлетворенія. *Потребности желудочной* или питательной и плодотворной части суть—*пища, питіе, воздухъ, сонъ; потребность мускульно-костяной* части есть потребность *напрягать мускулы,* которую всякій чувствуетъ, долго засидѣвшись, и прямо *потребность движенія*, заставляющая ходить, гулять, работать—что-нибудь: *потребность нервной части—пріятное раздраженіе нервовъ* всего тѣла, какъ мѣрность тепла и холода и подоб., и особенно *пріятное раздраженіе пяти нашихъ чувствъ,* въ которыхъ нервная система вышла наружу для общенія со внѣшнимъ міромъ.

«Все это, какъ видите, тѣлесно; душѣ какое бы до всего этого дѣло. Но какъ она, по тѣснѣйшему сочетанію съ тѣломъ, приняла его въ свою личность, то своими считаетъ и всѣ потребности тѣлесныя. Отъ того говоримъ: я хочу ѣсть, пить, спать,—хочу ходить, гулять, работать, хочу видѣть разноцвѣты, слышать разноголосіе, обонять разноуханія и проч. Усвоивъ себѣ всѣ потребности тѣлесныя, душа своимъ дѣломъ считаетъ и удовлетвореніе ихъ, и хлопочетъ о пищѣ, питьѣ, снѣ, одеждѣ, кровѣ и всемъ прочемъ, всячески желая добиться того, чтобы тѣло было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованіями. Это отношеніе души къ тѣлу, которое она держитъ не учась, а сама собою, по внутреннему нѣкоему понужденію, обнаруживается въ ней, въ родѣ нѣкоего инстинкта,—животолюбіемъ, тѣлолюбіемъ, желаніемъ покоить тѣло и доставить все для того потребное.

«Совокупность всего этого и есть тѣлесная сторона человѣческой жизни. Но не все здѣсь одинаково тѣлесно, или плотяно и чувственно. Крѣпко плотяна только питательная часть; но и она облагораживается приспособленіемъ ея удовле-

творенія къ потребностямъ и цѣлямъ собственно душевнымъ. Органы же движенія и чувства служатъ болѣе нуждамъ души, чѣмъ тѣла. А одинъ органъ, стоящій будто внѣ системы прочихъ органовъ, именно органъ слова—исключительно есть органъ души, назначенный для служенія ей одной.

«Тѣлесная, плотская, чувственная,—неодобрительная въ нравственномъ отношеніи жизнь есть та, когда человѣкъ, увлекаясь крайне животолюбіемъ и тѣлолюбіемъ, поставляетъ главною для себя цѣлію и заботою покой тѣла, или всестороннее удовлетвореніе потребностей лишь тѣлесныхъ съ забвеніемъ о душѣ и тѣмъ паче о духѣ. При этомъ каждая тѣлесная потребность естественно простая распложается во множество прививныхъ потребностей чрезъ привычку и пристрастіе къ разнымъ способамъ ея удовлетворенія. Возьмите пищу, или питіе, или одежду. Что, кажется, проще всего сюда относящагося? А между тѣмъ сколько потребностей распложается у иныхъ по этой части, потребностей неотлучныхъ: хоть умри, да подай!—Отъ того видимъ, что иные минуты не имѣютъ свободной, бѣгая за нужнымъ для удовлетворенія ихъ, при всемъ томъ, что десятки другихъ лицъ заняты для нихъ тѣмъ же. У такихъ неизбѣжно должны голодать душа и духъ, если они еще не совсѣмъ заглушены, забыты и погружены въ чувственность».

Разсмотрѣвъ низшую, плотскую сторону человѣческой природы, Святитель переходитъ къ явленіямъ высшаго порядка, къ душевной жизни человѣка.

«Если мы станемъ смотрѣть въ душу сообща, то ничего не разберемъ; надо дѣйствія ея распредѣлить по родамъ и каждый потомъ—разсматривать особо. Да—ужъ давно присмотрѣлись, и распредѣлили всѣ дѣйствія души на три разряда—мыслей, желаній и чувствъ, назвавъ каждый особою стороною души—мыслительною, желательною и чувствующею. Возьмемъ это раздѣленіе и начнемъ обозрѣвать каждую сторону.

«*Сторона мыслительная*. Если внутри насъ видится смятеніе, то оно наибольшій просторъ имѣетъ въ мысляхъ; желанія же и чувства мятутся уже подъ дѣйствіемъ мыслей. Но въ разрядѣ мыслей не все есть безпорядочное движеніе; есть въ сердцѣ ихъ рядъ серьезныхъ занятій. Онѣ-то собственно и составляютъ настоящее дѣло жизни душевной со стороны мыслей. Вотъ эти занятія:

«1) Какъ только замѣтили вы что-либо вовнѣ посредствомъ своихъ чувствъ, или выслушали разсказъ другихъ о томъ, что они замѣтили своими чувствами, тотчасъ все то *воображеніе* воображаетъ и *памятъ* запоминаетъ; и въ душу ничто не можетъ войти помимо воображенія и памяти. Затѣмъ и послѣдующая дѣятельность мыслительная опирается на воображеніи и памяти. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о томъ и думать не станешь. Бываетъ, что мысли прямо рождаются изъ души; но и онѣ тотчасъ облекаются въ образъ. Такъ что мысленная сторона души вся есть *образная*.

«2) Но воображеніе и память добываютъ и хранятъ только матеріалъ для мыслей. Само движеніе мыслей исходитъ изъ души, и ведется по законамъ ея. Воображеніе и память не мыслятъ. Онѣ—чернорабочія силы, подъяремныя. Способность души, изъ которой исходятъ такіе вопросы и которою доискиваются и пораждаются мысли въ отвѣтъ на нихъ, называется *разсудкомъ*, котораго дѣло разсуждать, обдумывать и находить требуемыя рѣшенія. Понаблюдите за собою и найдете, что ничего у васъ не дѣлается безъ обдуманія, соображенія. Всякую малость приходится обсуждать.

«3) Когда вы обдумываете, то тутъ нѣтъ еще неопредѣленной мысли. Мысль опредѣленная установляется, когда найдете рѣшеніе какого-либо изъ вопросовъ. Разсудокъ вашъ все роется, ища—что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и проч. Когда же найдете сами такое рѣшеніе, или, выслушавъ его отъ другихъ, согласитесь съ

нимъ, —обыкновенно говорите: теперь понимаю, толковать больше нечего, дѣло рѣшеное. Это рѣшеніе даетъ покой вашей мыслительности относительно занимавшаго васъ предмета. Тогда разсудокъ вашъ обращается къ другимъ предметамъ, а сложившаяся мысль сдается въ архивъ душевный—память, откуда, по требованію нужды, берется какъ пособіе къ рѣшенію другихъ вопросовъ, какъ средство къ слаганію другихъ мыслей. Совокупность всѣхъ сложившихся такимъ образомъ понятій составляетъ образъ вашихъ мыслей, который вы и обнаруживаете при всякомъ случаѣ въ рѣчахъ своихъ. Это есть область вашего *знанія,* добытаго вами трудомъ мысленнымъ. Чѣмъ больше у васъ рѣшено вопросовъ, тѣмъ больше опредѣленныхъ мыслей или понятій о вещахъ, чѣмъ больше такихъ понятій, тѣмъ шире кругъ вашего знанія. Такимъ образомъ, какъ видите, выше памяти и воображенія у васъ стоитъ разсудокъ, который своимъ *мыслительнымъ трудомъ* добываетъ для васъ опредѣленныя о вещахъ *понятія или познанія*.

«Не на всякій вопросъ удается намъ добыть опредѣленный отвѣтъ. Большая часть ихъ остается нерѣшенными. Думаютъ—думаютъ, и ничего опредѣленнаго не придумаютъ. Почему говорятъ: можетъ быть такъ, а можетъ быть этакъ. Это даетъ *мнѣнія и предположенія,* которыхъ въ общей сложности у насъ не больше ли, чѣмъ сколько есть опредѣлившихся познаній.

«Когда кто, обсуждая извѣстный классъ предметовъ, добудетъ самъ и отъ другихъ позаимствуетъ такъ много опредѣленныхъ о нихъ мыслей и понятій, а не рѣшенное въ нихъ успѣетъ дополнить такими удачными мнѣніями и предположеніями, что можетъ счесть этотъ кругъ предметовъ достаточно познаннымъ и уясненнымъ, тогда приводитъ все добытое въ порядокъ, излагаетъ въ связи и послѣдовательности, и даетъ намъ *науку* о тѣхъ предметахъ. Наука—вѣнецъ мыслительной работы разсудка.

«Все это я разсказываю вамъ затѣмъ, чтобъ яснѣе вамъ было, въ чемъ должна бы состоять естественная законная дѣятельность нашей мыслительной силы. Ей слѣдовало бы трудолюбно обсуждать незнаемое еще, чтобъ познать то. Научниками быть дано очень немногимъ, не всѣмъ можно и проходить науки; но обсуждать окружающія насъ вещи, чтобъ добыть опредѣленныя о нихъ понятія, всѣмъ и можно и должно. Вотъ этимъ и слѣдовало быть у всѣхъ занятою мыслительной силѣ. Сколько она добудетъ, это—судя по своей крѣпости; но она должна быть всегда занята серьезнымъ дѣломъ обдумыванія и обсужденія дѣйствительностей. Между тѣмъ что видимъ въ нашей мысленной области?—Непрерывное движеніе образовъ и представленій безъ всякой опредѣленной цѣли и порядка. Помышленіе за помышленіемъ возстаютъ, и то идутъ въ рядъ, то поперечатъ другъ другу, то забѣгаютъ впередъ, то возвращаются назадъ, то отбѣгаютъ въ стороны, ни на чемъ не останавливаясь. Это не разсужденіе, а блужданіе и разсѣяніе мыслей; слѣд., состояніе, совсѣмъ противоположное тому, чѣмъ бы слѣдовало являться нашей мыслительной силѣ, — болѣзнь ея, столь внѣдренная въ нее и общая всѣмъ, что вы ни одного не найдете человѣка, который бы могъ постоянно вести серьезный трудъ мышленія, не подвергаясь разсѣянію и блужданію мыслей, отрывающихъ его отъ дѣла и увлекающихъ въ разныя стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояніе?—Вотъ что; мысль сходитъ въ архивъ памяти и помощію воображенія перебираетъ тамъ весь собравшійся хламъ, переходя отъ исторіи къ исторіи, по извѣстнымъ законамъ сцѣпленія представленій, приплетая къ бывалому небывалое, а нерѣдко даже невозможное, пока не придетъ въ себя и не возвратится къ дѣйствительности окружающей. Говорятъ: углубился. Углубился, но въ пустоту, а не въ серьезное обсужденіе дѣла. Это есть тоже, что сонное мечтаніе,—

празднomыcлie и пустомыслie. Понаблюдите за собою и увидите, что большая часть времени проходитъ у насъ именно въ такомъ пустомыслiи и блужданiи мыслей. Иной день, (и не больше ли такихъ)—ни одной серьезной мысли не вспадетъ на умъ. Прошу обратить на это вниманie, и заняться рѣшенiемъ вопроса: пристало ли такъ дѣйствовать разумной твари»?

«*Желательная сторона*. Дѣйствующая здѣсь сила есть *воля*, которая «волитъ», желаетъ прiобрѣсть, употребить или сдѣлать, что находитъ полезнымъ для себя, или нужнымъ, или прiятнымъ, и не волитъ,—не желаетъ противнаго тому. Воленiя воли требуютъ соотвѣтственнаго дѣла, потому воля прямѣе есть дѣятельная сила, которой существенная потребность—жить и дѣйствовать. Она держитъ въ своемъ завѣдыванiи всѣ силы души и тѣла и всѣ подручные способы, которые всѣ и пускаетъ въ ходъ, когда нужно. Въ основѣ ея лежитъ *ревность* или ретивость—жажда дѣла, а возбудителями стоятъ при ней—*прiятное*, *полезное* и *нужное*, которыхъ когда нѣтъ, ревность спитъ и дѣятельныя силы теряютъ напряженie, опускаются. Они поддерживаютъ желанie; а желанie разжигаетъ ревность».

«Ходъ раскрытiя сей стороны душевной таковъ. Въ душѣ и тѣлѣ есть потребности, къ которымъ привились и потребности житейскiя—семейныя и общественныя. Эти потребности сами по себѣ не даютъ опредѣленнаго желанiя, а только нудятъ искать имъ удовлетворенiя. Когда удовлетворенie потребности тѣмъ или другимъ способомъ дано однажды, то послѣ того, вмѣстѣ съ пробужденiемъ потребности, рождается и желанie того, чѣмъ удовлетворена уже была потребность. Желанie всегда имѣетъ опредѣленный предметъ, удовлетворяющiй потребность. Иная потребность разнообразно была удовлетворена; потому съ пробужденiемъ ея раждаются и разныя желанiя,—то того, то другаго, то третьяго предмета,

могущаго удовлетворить потребность. Въ раскрывшейся жизни человѣка потребностей за желаніями и не видно. Роятся въ душѣ только сіи послѣднія и требуютъ удовлетворенія будто сами для себя».

«Что дѣлать душѣ съ сими желаніями? Ей предлежитъ *выборъ,* какому предмету изъ возжеланныхъ дать предпочтеніе. По выборѣ происходитъ *рѣшеніе*,—сдѣлать, или достать, или употребить избранное. По рѣшеніи дѣлается подборъ *средствъ* и опредѣляется способъ и порядокъ исполненія. За этимъ слѣдуетъ наконецъ дѣло въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Всякое, даже самое маленькое дѣльце, идетъ симъ порядкомъ. Это можете вы провѣрить на какомъ-либо своемъ дѣлѣ. По навыку иногда всѣ эти дѣйствія совершаются мгновенно, и за желаніемъ тотчасъ слѣдуетъ дѣло. Выборъ, рѣшеніе и средства берутся тогда изъ прежнихъ дѣлъ и особаго производства не требуютъ.

«Въ пожившемъ человѣкѣ все почти дѣлается по навыку. Рѣдко случается какое-либо предпріятіе или начинаніе, выходящее изъ обычнаго порядка дѣлъ и занятій. Такъ ужъ бываетъ, что сложившаяся жизнь требуетъ соотвѣтственныхъ себѣ дѣлъ. Какъ они повторяются часто, то естественно обращаются въ навыкъ, нравъ, правило жизни и характеръ. Изъ совокупности всѣхъ такого рода навыковъ, правилъ и порядковъ установляется образъ жизни извѣстнаго лица, какъ изъ совокупности установившихся понятій составляется образъ его мыслей и воззрѣній. Зная чей-либо образъ жизни, можно угадывать, что думаетъ онъ въ то или другое время и какъ поступитъ онъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ.

«Заправителемъ дѣятельной жизни поставлено *благоразуміе,* которое есть тотъ же разсудокъ, только состоящій на службѣ у воли. Въ мысленной области разсудокъ рѣшаетъ— какъ что есть изъ существующаго, а въ желательной и дѣятельной опредѣляетъ—какъ что дѣлать должно, чтобы вѣрно

было достигаемо то, что законно возжелано. Когда навыкнетъ онъ опредѣлять это какъ слѣдуетъ, такъ что человѣкъ дѣла свои ведетъ всегда или большею частію съ успѣхомъ, тогда ему справедливо приписывается благоразуміе — умѣнье съ успѣхомъ вести дѣла, вѣрно соображая средства съ цѣлями и дѣла съ внѣшними обстоятельствами».

«Изъ сказаннаго вамъ нетрудно будетъ вывесть заключеніе о естественно законной дѣятельности воли, которая, какъ видите, есть госпожа всѣхъ нашихъ силъ и всей жизни. Ея дѣло опредѣлять образъ, способъ и мѣру удовлетворенія желаній, порождаемыхъ потребностями, или ихъ замѣнившихъ, чтобы жизнь текла достодолжно, доставляя покой и радость живущему. Есть у насъ, какъ поминалось, потребности и желанія — душевныя, тѣлесныя, житейскія и общественныя. Не у всѣхъ онѣ одинаково проявляются, потому что не у всѣхъ одинаково слагается жизнь, а у одного такъ, у другаго иначе. Дѣло человѣка опредѣлить, какъ въ своемъ положеніи можетъ и долженъ онъ удовлятворять свои потребности и желанія, приладить подходящіе къ тому способы и вести потому свою жизнь. Вести здравомысленно по установившейся нормѣ свою жизнь со всѣми дѣлами ея и начинаніями—се есть задача желательной или дѣятельной стороны нашей жизни. Такъ бы слѣдовало. Но вникните и разсмотрите, что бываетъ»?

«Въ мысленной сторонѣ у насъ бываетъ смятеніе, разсѣяніе и блужданіе мыслей; а въ желательной — непостоянство, безпорядочность и своенравіе желаній, а за ними и дѣлъ. Сколько времени проходитъ у насъ въ бездѣліи и пустодѣліи: шатаемся туда и сюда, сами не зная для чего, дѣлаемъ и передѣлываемъ, не умѣя дать здраваго въ томъ отчета; идутъ у насъ начинаніе за начинаніемъ и дѣло за дѣломъ, но изъ всего выходитъ только толкотня-суета. Зарождаются желанія, —и ничего съ ними не подѣлаешь: да-

вай и давай. И добро бы это однажды такъ, а то—почти—что ни часъ. Отъ чего это?—Расплылась госпожа наша—воля. Посмотрите еще, сколько у насъ есть пришлыхъ возбудителей желаній,—гнѣвъ, ненависть, зависть, скупость, тщеславіе, гордость и подобныя? Источникомъ желаній должны быть естественныя потребности сложившейся жизни семенной и общественной; а въ этихъ всѣхъ что есть естественнаго? Они только разстраиваютъ естество и всѣ порядки жизни. Откуда же это варварское нашествіе»?

«*Сторона чувства—сердце.*—Кто не знаетъ, сколь великое имѣетъ значеніе въ жизни наше сердце? Въ сердцѣ осаждается все, что входитъ въ душу совнѣ и что выработывается ея мыслительною и дѣятельною стороною; чрезъ сердце же проходитъ и то все, что обнаруживается душею вовнѣ. Потому оно и называется центромъ жизни».

«Дѣло сердца—чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствуетъ постоянно и неотступно *состояніе души и тѣла*, а при этомъ и *разнообразныя впечатлѣнія* отъ частныхъ дѣйствій душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ окружающихъ и встрѣчаемыхъ предметовъ, отъ внѣшняго положенія и вообще отъ теченія жизни, понуждая и нудя человѣка доставлять ему во всемъ этомъ пріятное и отвращать непріятное. Здоровье и нездоровье тѣла, живость его и вялость, утомленіе и крѣпость, бодрость и дремота, затѣмъ что увидѣно, услышано, осязано, обоняно, вкушено, что вспомянуто, и воображено, что обдумано и обдумывается, что сдѣлано, дѣлается и предлежитъ сдѣлать, что добыто и добывается, что можетъ и не можетъ быть добыто, что благопріятствуетъ намъ или не благопріятствуетъ—лица ли то или стеченіе обстоятельствъ,—все это отражается въ сердцѣ, и раздражаетъ его пріятно или непріятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть въ покоѣ, а быть въ непрерывномъ волненіи и тревогѣ, подобно барометру предъ бурею. Но при-

чувствовалось и многое проходитъ у него безъ слѣда, какъ можете провѣрить тѣми случаями, что когда въ первый разъ случится намъ быть гдѣ, то все насъ тамъ занимаетъ, а послѣ втораго и третьяго раза—развѣ что»!

«Всякое воздѣйствіе на сердце производитъ въ немъ особое чувство, но для различенія ихъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ словъ. Мы выражаемъ свои чувства общими терминами:—пріятно—непріятно, нравится—не нравится, весело—скучно, радость—горе, скорбь—удовольствіе, покой—безпокойство, досада—довольность, страхъ—надежда, антипатія—симпатія. Понаблюдите за собою и найдете, что на сердцѣ бываетъ то одно, то другое».

«Но значеніе сердца въ экономіи нашей жизни не то только, чтобъ страдательно состоять подъ впечатлѣніями и свидѣтельствовать объ удовлетворительномъ или неудовлетворительномъ состояніи нашемъ; но и то, чтобъ поддерживать энергію всѣхъ силъ души и тѣла. Смотрите, какъ спѣшно дѣлается дѣло, которое нравится, къ которому лежитъ сердце! А предъ тѣмъ, къ которому не лежитъ сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. Отъ того умѣющіе собою править, встрѣчая нужное дѣло, которое однакожъ не нравится сердцу, спѣшатъ найти въ немъ пріятную сторону и тѣмъ, помиривъ съ нимъ сердце, поддерживаютъ въ себѣ потребную для дѣла энергію. Ревность,—движущая сила воли,—изъ сердца исходитъ. Тоже и въ умственной работѣ: предметъ, павшій на сердце, спѣшнѣе и всестороннѣе обсуждается. Мысли при этомъ роятся сами собою, и трудъ, какъ бы онъ ни былъ долгъ, бываетъ не въ трудъ».

«Не все всѣмъ нравится, и не у всѣхъ ко всему одинаково лежитъ сердце; но у однихъ больше къ одному, а у другихъ больше къ другому. Это выражается такъ: у всякаго свой вкусъ. Зависитъ это частію отъ естественнаго предрасположенія, частію,—и не большею ли?—отъ первыхъ

впечатлѣній, отъ впечатлѣній воспитанія и случайностей жизни. Но какъ бы ни образовались вкусы, они заставляютъ человѣка такъ устроять свою жизнь, такими окружить себя предметами и отношеніями, какіе указываетъ его вкусъ и съ какими миренъ онъ бываетъ, удовлетворяясь ими. Удовлетвореніе вкусовъ сердечныхъ даетъ ему покой—сладкій, который и составляетъ свою для всякаго мѣру счастія. Ничто не тревожитъ: вотъ и счастіе».

«Еслибъ человѣкъ всегда въ мысленной части держался здравомыслія, а въ дѣятельности—благоразумія; то встрѣчалъ бы въ жизни наименьшую долю случайностей, непріятныхъ его сердцу, и слѣдовательно имѣлъ бы наибольшую долю счастія. Но, какъ указывалось, мысленная часть рѣдко держитъ себя достодолжно, предаваясь мечтамъ и разсѣянности, и дѣятельная уклоняется отъ своего нормальнаго направленія, увлекаясь непостоянными желаніями, возбуждаемыми не потребностью естества, а пришлыми страстями. Отъ того и сердце покоя не имѣетъ, и, пока тѣ стороны находятся въ такомъ состояніи, имѣть его не можетъ. Больше всего тиранятъ сердце страсти. Не будь страстей,—встрѣчались бы конечно непріятности,—но онѣ никогда не мучили бы такъ сердце, какъ мучатъ страсти. Какъ жжетъ сердце гнѣвъ? Какъ терзаетъ его ненависть? Какъ точитъ злая зависть? Сколько тревогъ и мукъ причиняетъ неудовлетворенное или посрамленное тщеславіе? Какъ давитъ скорбь, когда гоноръ страдаетъ»?

«Да если построже разсмотрѣть, то найдемъ, что и всѣ наши тревоги и боли сердца—отъ страстей. Эти злыя страсти, когда удовлетворяемы бываютъ,—даютъ радость, но кратковременную, а когда не бываютъ удовлетворяемы, а напротивъ встрѣчаютъ противное, то причиняютъ скорбь продолжительную и несносную».

«Такимъ образомъ видно, что сердце наше точно есть ко-

рень и центръ жизни. Оно, давая знать о хорошемъ или худомъ состояніи человѣка, возбуждаетъ къ дѣятельности прочія силы, и послѣдъ дѣятельности ихъ опять принимаетъ въ себя, на усиленіе или ослабленіе того чувства, коимъ опредѣляется состояніе человѣка. Казалось бы, что ему слѣдовало бы отдать полную власть и надъ управленіемъ жизнію, какъ это и бываетъ у многихъ—многихъ вполнѣ, а у всѣхъ прочихъ понемногу. Казалось бы такъ,—и, можетъ быть, по естеству оно имѣло именно такое назначеніе, но привзошли страсти и все помутили. При нихъ и состояніе наше указывается сердцемъ невѣрно, и впечатлѣнія бываютъ не таковы, какимъ слѣдовало бы быть, и вкусы извращаются и возбужденія другихъ силъ направляются не въ должную сторону. Потому теперь законъ—держать сердце въ рукахъ и строгой подвергать критикѣ его чувства, вкусы и влеченья. Когда очистится кто отъ страстей, пусть даетъ волю сердцу; но пока страсти въ силѣ, давать волю сердцу—значитъ явно обречь себя на всякіе невѣрные шаги. Хуже всего поступаютъ тѣ, которые и цѣлію жизни поставляютъ сласти сердца и наслажденія, какъ говорятъ, жизнію. Такъ какъ сласти и наслажденія, плотскія и чувственныя даютъ себя сильнѣе чувствовать, то такія лица всегда ниспадаютъ въ грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отдѣляетъ человѣка отъ прочихъ живыхъ тварей».

«Такъ вотъ вамъ душа и душевная жизнь со всѣхъ ея сторонъ! Я указывалъ нарочно, чему естественно слѣдуетъ быть на каждой сторонѣ и чему не слѣдуетъ».

«Душа вся обращена исключительно на устроеніе нашего временнаго быта—земнаго. И познанія ея всѣ строятся только на основаніи того, что даетъ опытъ,—и дѣятельность ея обращена на удовлетвореніе потребностей временной жизни, и чувства ея пораждаются и держатся только изъ ея состояній и положеній видимыхъ. Что выше сего, то не ея дѣло.

Хоть и бываетъ въ ней нѣчто выше сказаннаго, но то гости суть, заходящія къ ней изъ другой высшей области, именно **области духа**».

Что же это за **духъ?**—Это та сила, которую вдохнулъ Богъ въ лицо человѣка, завершая сотвореніе его. Всѣ роды существъ наземныхъ изводила, по повелѣнію Божію, земля. Изъ земли изошла и всякая душа живыхъ тварей. Душа человѣческая, хотя и сходна съ душею животныхъ въ низшей своей части, но въ высшей она несравненно превосходнѣе ея. Что она является такою въ человѣкѣ,—это зависитъ отъ сочетанія ея съ духомъ. Духъ, вдохнутый Богомъ, сочетавшись съ нею, столько возвысилъ ее надъ всякою не человѣческою душею. Вотъ почему внутри себя мы замѣчаемъ, кромѣ того, что видится у животныхъ,—и то, что свойственно душѣ человѣка одухотворенной, а выше еще—то, что свойственно собственно духу».

«Духъ, какъ сила, отъ Бога исшедшая, вѣдаетъ Бога, ищетъ Бога и въ Немъ одномъ находитъ покой. Нѣкіимъ духовнымъ сокровеннымъ чутьемъ удостовѣряясь въ своемъ исхожденіи отъ Бога, онъ чувствуетъ свою полную отъ Него зависимость и сознаетъ себя обязаннымъ всячески угождать Ему и жить только для Него и Имъ».

«Болѣе осязательныя проявленія сихъ движеній жизни духа суть: 1) *Страхъ Божій*. Всѣ люди, на какихъ бы они степеняхъ развитія ни стояли, знаютъ, что есть Верховное Существо, Богъ, Который все сотворилъ, все содержитъ и всѣмъ управляетъ, что и они во всемъ отъ Него зависятъ, и Ему угождать должны, что Онъ есть Судія и Мздовоздаятель всякому по дѣламъ его. Таковъ естественный символъ вѣры, въ духѣ написанный. Исповѣдуя его, духъ благоговѣинствуетъ предъ Богомъ и исполненъ страха Божія. 2) *Совѣсть*. Сознавая себя обязаннымъ угождать Богу, духъ не зналъ бы, какъ удовлетворить сей обязанности, если бы не

руководила его въ семъ совѣсть. Сообщивъ духу частичку Своего всевѣдѣнія въ указанномъ естественномъ символѣ вѣры, Богъ начерталъ въ немъ и требованія Своей святости, правды и благости, поручивъ ему же самому наблюдать за исполненіемъ ихъ и судить себя въ исправности или неисправности. Сія сторона духа и есть совѣсть, которая указываетъ что право и что неправо, что угодно Богу и что неугодно, что должно и что не должно дѣлать, — указавъ, властно понуждаетъ исполнить то, а потомъ за исполненіе награждаетъ утѣшеніемъ, а за неисполненіе наказываетъ угрызеніемъ. Совѣсть есть законодатель, блюститель закона, судія и воздаятель. Она есть—естественныя скрижали завѣта Божія, простирающагося на всѣхъ людей. И видимъ у всѣхъ людей вмѣстѣ съ страхомъ Божіимъ и дѣйствія совѣсти. 3) *Жажда Бога.* Она выражается во всеобщемъ стремленіи ко всесовершенному благу, и яснѣе видна тоже во всеобщемъ недовольствѣ ничѣмъ тварнымъ. Что означаетъ это недовольство?—То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не можетъ. Отъ Бога исшедши, Бога онъ ищетъ, Его вкусить желаетъ и въ живомъ съ Нимъ пребывая союзѣ и сочетаніи, въ Немъ упокоивается. Когда достигаетъ сего, покоенъ бываетъ, а пока не достигнетъ, покоя имѣть не можетъ. Сколько бы ни имѣлъ кто тварныхъ вещей и благъ, все ему мало. И всѣ, какъ и вы уже замѣчали, ищутъ и ищутъ. Ищутъ и находятъ; но нашедши бросаютъ, и снова начинаютъ искать, чтобы и то, нашедши, такъ же бросить. Такъ безъ конца. Это значитъ, что не того и не тамъ ищутъ, что и гдѣ искать слѣдуетъ. Не осязательно ли это показываетъ, что въ насъ есть сила, отъ земли и земнаго влекущая насъ горѣ—къ небесному»!

«Не разъясняю вамъ подробно всѣхъ этихъ проявленій духа, навожу только мысль вашу на его присутствіе въ насъ и прошу васъ побольше подумать объ этомъ и довесть себя

до полнаго убѣжденія, что точно есть въ насъ духъ. Ибо въ немъ отличительная черта человѣка. Душа человѣческая дѣлаетъ насъ малымъ нѣчимъ выше животныхъ, а духъ являетъ насъ малымъ нѣчимъ умаленными отъ Ангеловъ. Вы, конечно, знаете смыслъ ходящихъ у насъ фразъ,—духъ писателя, духъ народа. Это совокупность отличительныхъ чертъ,—дѣйствительныхъ, но нѣкоторымъ образомъ идеальныхъ, умомъ дознаваемыхъ, неуловимыхъ и неосязаемыхъ. То же самое есть и духъ человѣка: только духъ писателя, напримѣръ, видится идеально, а духъ человѣка присущъ въ немъ, какъ живая сила, живыми и ощущаемыми движеніями свидѣтельствующая о своемъ присутствіи».

«Изъ сказаннаго, мнѣ желательно было бы, чтобы вы вывели такое заключеніе: въ комъ нѣтъ движеній и дѣйствій духа, тотъ не стоитъ въ уровнѣ съ человѣческимъ достоинствомъ».

«Что привзошло въ душу вслѣдствіе соединенія ея съ духомъ, иже отъ Бога? Отъ этого вся душа преобразилась и изъ животной, какова она въ природѣ, стала человѣческою, съ тѣми силами и дѣйствіями, какія указаны выше. Но не объ этомъ теперь рѣчь. Пребывая такою, какъ описано, она обнаруживаетъ сверхъ того высшія стремленія и восходитъ на одну степень выше, являясь душею одуховленною».

«Такія одуховленія души видны во всѣхъ сторонахъ ея жизни—мысленной, дѣятельной и чувствующей».

«Въ мысленной части отъ дѣйствія духа является въ душѣ *стремленіе къ идеальности*. Собственно душевная мыслительность вся опирается на опытѣ и наблюденіи. Изъ того, что узнается симъ путемъ раздробленно и безъ связи, она строитъ сообщенія, дѣлаетъ наведенія, и добываетъ такимъ образомъ основныя положенія объ извѣстномъ кругѣ вещей. На этомъ бы и стоять ей. Между тѣмъ, она никогда не бываетъ этимъ довольна, но стремится выше, ища опредѣлить *значеніе каждаго круга вещей* въ общей совокупности

твореній. Напримѣръ, что есть человѣкъ, это познается посредствомъ наблюденій надъ нимъ, обобщеній и наведеній. Но не довольствуясь этимъ, мы задаемся вопросомъ: «что значитъ человѣкъ въ общей совокупности твореній»? Доискиваясь этого, иной рѣшитъ: онъ есть возглавленіе и вѣнецъ тварей;—иной: онъ есть жрецъ—въ той мысли, что голоса всѣхъ тварей, хвалящихъ Бога безсознательно, онъ собираетъ и возноситъ хвалу всевышнему Творцу разумною пѣснію. Такого рода мысли и о всякомъ другомъ родѣ тварей и о всей ихъ совокупности пораждать имѣетъ позывъ душа. И пораждаетъ. Отвѣчаютъ ли онѣ дѣлу или нѣтъ, это другой вопросъ, но несомнѣнно, что она имѣетъ позывъ искать ихъ, ищетъ и пораждаетъ. Это и есть стремленіе къ идеальности: ибо значеніе вещи есть ея идея».

«Это стремленіе обще всѣмъ. И тѣ, которые не даютъ цѣны никакимъ познаніямъ кромѣ опытныхъ,—и они не могутъ удержаться отъ того, чтобъ не поидеальничать, противъ воли, сами не замѣчая того. Языкомъ отвергаютъ идеи, на дѣлѣ ихъ строятъ. Догадки, какія они принимаютъ, и безъ которыхъ ни одинъ кругъ познаній не обходится, суть низшій классъ идей».

«Образъ воззрѣнія идеальный есть метафизика и настоящая философія, которая какъ были всегда, такъ всегда и будутъ въ области познаній человѣческихъ. Духъ, всегда намъ присущій, какъ существенная сила, самъ Бога созерцая, яко Творца и Промыслителя, и душу манитъ въ ту невидимую и безпредѣльную область. Можетъ быть, духу, по его Богоподобію, предназначено было и всѣ вещи созерцать въ Богѣ; и онъ созерцалъ-бы, еслибъ не паденіе. Но всячески и теперь кто хочетъ созерцать все сущее идеально, ему слѣдуетъ исходить отъ Бога, или отъ того символа, который Богомъ написанъ въ духѣ. Мыслители, которые не такъ дѣлаютъ, уже по тому самому не суть философы.

Не вѣря идеямъ, построиваемымъ душею на основаніи внушеній духа, они несправедливо поступаютъ, когда не вѣрятъ тому, что составляетъ содержаніе духа, ибо то есть человѣческое произведеніе, а это—Божеское».

«Въ дѣятельной части отъ дѣйствія духа является желаніе и производство безкорыстныхъ дѣлъ или добродѣтелей, или даже и выше—стремленіе стать добродѣтельною. Собственное дѣло души въ этой ея части—волѣ—есть устроеніе временнаго быта человѣка, да благо будетъ ему. Исполняя это назначеніе, она все дѣлаетъ по тому убѣжденію, что дѣлаемое или пріятно, или полезно, или нужно для устрояемаго ею быта. Между тѣмъ, она этимъ не довольствуется, но выходитъ изъ этого круга и совершаетъ дѣла и начинанія совсѣмъ не потому, что они нужны, полезны и пріятны, но потому, что они хороши, добры и справедливы, стремясь къ нимъ со всею ревностію, не смотря на то, что они ничего не даютъ для временнаго быта и даже неблагопріятны ему и ведены бываютъ на счетъ его. У иного такія стремленія проявляются съ такою силою, что онъ жертвуетъ для нихъ всѣмъ своимъ бытомъ, чтобъ жить отрѣшенно отъ всего. Проявленія такого рода стремленій повсюдны, даже и внѣ христіанства. Откуда онѣ? Изъ духа. Въ совѣсти начертана норма святой, доброй и праведной жизни. Получивъ вѣдѣніе о ней чрезъ сочетаніе съ духомъ, душа увлекается ея незримою красотою и величіемъ и рѣшается ввесть ее въ кругъ своихъ дѣлъ и своей жизни, преобразуя и ее по ея требованіямъ. И всѣ сочувствуютъ такого рода стремленіямъ, хотя не всѣ всецѣло предаются имъ; но ни одного нѣтъ человѣка, который бы по временамъ не посвящалъ своихъ трудовъ и своего достоянія на дѣло въ такомъ духѣ».

«Въ чувствующей части отъ дѣйствія духа является въ душѣ стремленіе и любовь къ красотѣ, или, какъ обычно говорятъ, къ изящному. Собственное дѣло сей части въ ду-

шѣ воспринимать чувствомъ благопріятныя или неблагопріятныя свои состоянія и воздѣйствія совнѣ, по мѣркѣ удовлетворенія или неудовлетворенія душевно-тѣлесныхъ потребностей. Но видимъ въ кругу чувствъ вмѣстѣ съ этими корыстными,—назовемъ такъ,—чувствами, рядъ чувствъ безкорыстныхъ, возникающихъ совсѣмъ помимо удовлетворенія, или неудовлетворенія потребностей,— чувствъ отъ услажденія красотою. Глазъ не хочется оторвать отъ цвѣтка и слуха отвратить отъ пѣнія, потому только, что то и другое прекрасно. Всякой упорядочиваетъ и украшаетъ свое жилище такъ или такъ, потому что такъ красивѣе. Идемъ въ прогулку и избираемъ мѣсто для того потому одному, что оно прекрасно. Выше всего этого—наслажденіе, доставляемое картинами живописи, произведеніями ваянія, музыкою и пѣніемъ, а и этого всего выше—наслажденіе твореніями поэтическими. Изящныя произведенія искусства услаждаютъ не одною красотою внѣшней формы, но особенно красотою внутренняго содержанія, красотою умно-созерцаемою, идеальною. Откуда такія явленія въ душѣ? Это гостьи изъ другой области, изъ области духа. Духъ, Бога вѣдущій, естественно постигаетъ красоту Божію, и ею единою ищетъ наслаждаться. Хотя не можетъ онъ опредѣленно указать, что она есть, но предначертаніе ея нося сокровенно въ себѣ, опредѣленно указываетъ, что она не есть, выражая сіе показаніе тѣмъ, что не довольствуется ничѣмъ тварнымъ. Красоту Божію созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь и жизнь райская. Получивъ вѣдѣніе о ней чрезъ сочетаніе съ духомъ, и душа увлекается въ слѣдъ ея и постигая ее своимъ душевнымъ образомъ, то въ радости бросается на то, что въ ея кругѣ представляется ей отраженіямъ ея (дилеттанты), то сама придумываетъ и производитъ вещи, въ которыхъ чаетъ отразить ее, какъ она ей представилась (художники и артисты). Вотъ откуда эти гостьи,—

сладостныя, отрѣшенныя отъ всего чувственнаго чувства, возвышающія душу до духа и одуховляющія ее! Замѣчу, что изъ искуственныхъ произведеній я отношу къ сему классу только тѣ, которыхъ содержаніемъ служитъ божественная красота незримыхъ божественныхъ вещей, а не тѣ, которыя хоть и красивы, но представляютъ тотъ же обычный душевно-тѣлесный бытъ, или тѣ же наземныя вещи, которыя составляютъ всегдашнюю обстановку того быта. Не красивости только ищетъ душа, духомъ водимая, но выраженія въ прекрасныхъ формахъ невидимаго прекраснаго міра, куда манитъ ее своимъ воздѣйствіемъ духъ».

«Такъ вотъ что далъ душѣ духъ, сочстанъ будучи съ нею, и вотъ какъ душа является одухоленною!—Не думаю, чтобъ что либо изъ этого затруднило васъ; прошу, однакожъ, не мимоходомъ пробѣжать писанное, а пообсудить хорошенько, и къ себѣ приложить. *Одуховлена ли ваша душа!?*...

Установивъ ясныя понятія о природѣ человѣка и взаимномъ отношеніи между собою различныхъ силъ и сторонъ нашего существа, святитель дѣлаетъ выводъ, что «по естественному назначенію человѣкъ долженъ жить въ духѣ, духу подчинять и духомъ проникать все душевное, а тѣмъ паче тѣлесное,— а за ними и все свое внѣшнее, т.-е. жизнь семейную и общественную. «*Се норма*»!

«Какъ быть, чтобы жить въ духѣ и имъ одухотворять душу и тѣло и все свое внѣшнее»?

«Духовныя потребности выше всѣхъ, и когда онѣ удовлетворяются, то другія хоть и не будутъ удовлетворяемы, покой бываетъ; а когда онѣ не удовлетворяются, то будь всѣ другія удовлетворяемы богато, покоя не бываетъ. Почему удовлетвореніе ихъ и называется *единымъ на потребу*».

«Когда удовлетворяются духовныя потребности, то онѣ научаютъ человѣка поставлять въ согласіе съ ними удовлетвореніе и прочихъ потребностей, такъ что ни то, чѣмъ

удовлетворяется душа, ни то, чѣмъ удовлетворяется тѣло, не противорѣчитъ духовной жизни, а ей воспособствуетъ,—и въ человѣкѣ водворяется полная гармонія всѣхъ движеній и обнаруженій его жизни,—гармонія мыслей, чувствъ, желаній, предпріятій, отношеній, наслажденій. *И се — рай*! Напротивъ, когда духъ не удовлетворяется и сіе единое на потребу забыто, тогда всѣ другія потребности разбѣгаются въ разныя стороны и каждая требуетъ своего, и какъ ихъ куча, то голоса ихъ, какъ шумъ на базарѣ, оглушаютъ бѣднаго человѣка, и онъ мечется то туда, то сюда, какъ угорѣлый, за удовлетвореніемъ ихъ. Но покоя никогда не имѣетъ, потому что когда одна удовлетворяется, другія не довольствуются тѣмъ, и, не считая себя чѣмъ-либо ниже той, которая почтена удовлетвореніемъ, настойчиво требуютъ своего, какъ у матери, когда она накормитъ одного ребенка, другія пять кричатъ. Оттого внутри у такого шумъ, гамъ, разволока во всѣ стороны и во всемъ безпорядочность. Такой ничѣмъ не доволенъ, всегда въ тугѣ, то утомившись стоитъ выпуча глаза и недоумѣвая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушеніе духа»!

«Вотъ откуда и рождается вопросъ: такъ какъ же быть-то? Какъ сдѣлать, чтобы духовная сторона была въ насъ преобладающею и, заправляя всѣмъ, вносила строй въ жизнь нашу»?

«Скажу вамъ напередъ, что этому вопросу не было бы мѣста, еслибъ жизнь, свойственная намъ, развивалась, какъ слѣдуетъ. Ибо и тѣлесныя съ душевными потребностями такъ же естественны намъ, какъ и духовныя, и удовлетвореніе имъ само по себѣ не можетъ вносить безпорядка и смятенія въ жизнь, какъ и удовлетвореніе духовнымъ. Развивайся они всѣ въ строѣ и естественномъ взаимоподчиненіи,—и жизнь человѣческая текла бы прелесть какъ хорошо. Посадите сѣмячко, поливайте, держите въ должной теплотѣ,

оно дастъ ростокъ, стволъ, листъ и наконецъ цвѣтъ—прелестный. Такъ было бы и съ человѣкомъ. Раскрывайся онъ въ естественномъ чинѣ,—будетъ всегда выходить прекрасный человѣкъ. Отчего же это мы ни себя, ни другихъ не видимъ прекрасными? Отчего жизнь наша покривляется»?

«Богъ создалъ человѣка для блаженства и именно въ Немъ, чрезъ живое съ Нимъ общеніе. Для сего вдунулъ въ лице его дыханіе Своей жизни, что есть духъ... Существенное свойство духа—сознаніе и свобода, а существенныя движенія его суть исповѣданіе Бога, Творца, Промыслителя и Воздаятеля, съ чувствомъ полной отъ Него зависимости,—что все выражается въ любительномъ къ Богу воззрѣваніи, непрестанномъ къ Нему вниманіи и благоговѣйномъ предъ Нимъ страхѣ съ желаніемъ творить всегда угодное предъ Нимъ по указанію законоположницы—совѣсти, и съ отрѣшеніемъ отъ всего, чтобъ Единаго Бога вкушать и Имъ Единымъ жить и услаждаться. Человѣку даны въ духѣ сознаніе и свобода, но не затѣмъ, чтобъ онъ зазнавался и своевольничалъ, а затѣмъ, чтобъ сознавъ, что все имѣетъ отъ Бога и для того, чтобъ жить въ Богѣ, все свободно и сознательно направлялъ къ сей единой цѣли. Когда онъ такъ бываетъ настроенъ, то въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. Богъ, пребывающій въ человѣкѣ, даетъ духу его силу властвовать надъ душею и тѣломъ, а далѣе и надъ всѣмъ, что внѣ его. Таково и было первоначальное состояніе человѣка. Богъ являлся прародителямъ и подтвердилъ все сіе Своимъ Божественнымъ словомъ, наказавъ имъ Его Единаго знать, Ему Единому служить, въ волѣ Его Единаго ходить. Чтобъ они не запутались въ соображеніяхъ, какъ все это выполнять, Онъ далъ имъ небольшую заповѣдь—не вкушать плодовъ отъ одного древа, названнаго Имъ древомъ познанія добра и зла. Такъ и начали жить наши прародители и блаженствовали въ раю».

«Позавидовалъ имъ падшій прежде того по гордости духъ и сбилъ ихъ съ пути, наустивъ ихъ преступить данную имъ небольшую заповѣдь тѣмъ, что обольстительно представилъ, будто со вкушеніемъ отъ запрещеннаго плода они вкусятъ такого блага, котораго безъ того и вообразить не могутъ,— станутъ какъ боги. Они повѣрили и—вкусили. Дѣло вкушенія, можетъ быть, и не велико, но худо, что повѣрили, не зная кому. Можетъ быть, и это не такъ бы было важно, еслибъ не тѣ страшно-преступныя мысли и чувства къ Богу, какія, какъ ядъ, влилъ въ нихъ злой духъ. Онъ наговорилъ имъ, что Богъ запретилъ имъ вкушать отъ древа затѣмъ, чтобъ и они не сдѣлались богами. Этому повѣрили. Но повѣривъ такъ, они не могли не принять хульныхъ о Богѣ помышленій, будто Онъ завидуетъ имъ и неблагожелательно къ Нимъ относится, а принявъ такія помышленія, не могли миновать и нѣкоторыхъ недобрыхъ къ Нему чувствъ и своевольныхъ рѣшеній: такъ мы же сами возьмемъ то, до чего Ты не хочешь допустить насъ. Такъ вотъ Онъ какой,—засѣло у нихъ въ сердцѣ о Богѣ, а мы думали, что Онъ такой благой. Ну,—такъ мы сами себя устроимъ наперекоръ Ему.—Вотъ эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означаютъ явное отступленіе отъ Бога и враждебное возстаніе противъ Него. У нихъ внутри то же произошло, что приписывается злому духу: выше облакъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему,—и это не какъ летучая мысль, а какъ враждебное рѣшеніе».

Такъ сознаніе зазналось и свобода возсвоевольничала, принявъ на себя устроеніе своей участи. Отпаденіе отъ Бога совершилось полное съ отвращеніемъ нѣкіимъ и враждебнымъ возстаніемъ противъ. За это и Богъ отступилъ отъ такихъ преступниковъ,—и живой союзъ прерванъ. Богъ вездѣ есть и все содержитъ, но внутрь свободныхъ тварей входитъ, когда они Ему себя предаютъ. Когда же въ себѣ самихъ

заключаются, тогда Онъ не нарушаетъ ихъ самовластія, но храня ихъ и содержа, внутрь не входитъ. Такъ и прародители наши оставлены одни. Еслибъ покаялись поскорѣе, можетъ-быть, Богъ возвратился бы къ нимъ, но они упорничали и при явныхъ обличеніяхъ ни Адамъ, ни Ева не сознались, что виноваты. Послѣдовалъ судъ и наказаніе изгнаніемъ изъ рая. Тутъ опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказаніе, а за ними и всему роду нашему. Благодареніе всемилостивому Богу, что Онъ хоть отступилъ отъ насъ, но не бросилъ, устроивъ предивный способъ къ возсоединенію насъ съ Собою».

«Духъ былъ властенъ надъ душою и тѣломъ, потому что состоялъ въ живомъ общеніи съ Богомъ и отъ Него получалъ Божескую силу. Когда пресѣклось живое общеніе съ Богомъ, то пресѣкся притокъ и божеской силы. Духъ, себѣ оставленный, не могъ уже быть властителемъ души и тѣла, но былъ увлеченъ и самъ завладѣнъ ими. Надъ человѣкомъ возобладала душевность, а черезъ душевность—тѣлесность, и сталъ онъ душевенъ и плотянъ. Духъ хоть тутъ же, но безъ власти. Онъ заявляетъ свое существованіе то страхомъ Божіимъ, то тревогами совѣсти, то недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ; но его предъявленій не берутъ во вниманіе, а принимаютъ только къ свѣдѣнію, всю заботу обращая на устроеніе своего быта здѣшняго, къ чему назначена душа,—и быта, болѣе вещественнаго, потому что здѣшняя жизнь посредствуется тѣломъ и что все тѣлесное осязательнѣе и кажется нужнѣе».

«Когда произошло такое низвращеніе порядка въ соотношеніяхъ частей естества нашего, человѣкъ не могъ уже видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, не могъ держать въ должномъ порядкѣ свои потребности, желанія и чувства. Они пришли въ смятеніе, и безпорядочность стала характеристическою ихъ чертою. Но это недоброе, конечно, состояніе было бы еще сносно, еслибъ не страсти, а то страсти привзошли

и тиранятъ человѣка. Смотрите, какъ разсерчавшаго бьетъ гнѣвъ, какъ лихорадка? Какъ завистливаго источила зависть? что посинѣлъ бѣдный? Какъ опечаленнаго изсушила скорбь, что онъ—кости и кожа.—Таковы и всѣ страсти. Вошли же онѣ вмѣстѣ съ самостію. Какъ только произнеслось внутри праотца: *такъ—Я самъ*... такъ самость внѣдрилась въ него—сей ядъ и сіе сѣмя сатанинское. Изъ ней потомъ развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныніе, любоиманіе и чувственность,—со всѣми ихъ многочисленными и многообразными порожденіями. Расплодившись внутри, они еще болѣе возмущаютъ и безъ нихъ уже смятенное тамъ состояніе».

«Такъ вотъ въ чемъ болѣзнь. Духъ зазнался и засвоевольничалъ. За это потерялъ власть и подпалъ подъ владычество души и тѣла и всего внѣшняго. Отсюда смятеніе душевно-тѣлесныхъ потребностей и желаній,—и особенно ихъ безмѣрность. Эту безмѣрность сообщаетъ имъ отъ себя духъ, ими порабощенный. Сами по себѣ эти потребности мѣрны и небурливы. То, что онѣ мѣры не имѣютъ и бурлятъ, это отъ того, что духъ бушуетъ въ нихъ: ибо у него по природѣ энергія безгранична. Отсюда обжорство, пьянство, копленіе денегъ... и прочее многое, чему мѣры не думаетъ давать человѣкъ»...

Происходя отъ общихъ прародителей, мы всѣ рождаемся съ зачатками зла, которые, раскрываясь вмѣстѣ съ раскрытіемъ нашихъ силъ и потребностей, вносятъ въ нихъ смятеніе и полное разстройство.

Но осталась надежда на возстановленіе. Разстройство прирождено намъ, но не природно. Придя въ разстройство, наша природа въ существѣ своемъ не измѣнилась послѣ грѣхопаденія: она только болѣетъ и страдаетъ отъ разрушенной грѣхомъ гармоніи силъ и способностей человѣка.

«Запомните и убѣжденіе въ томъ держите крѣпко. Убѣжде-

ніе это будетъ поддерживать у васъ ревность къ уврачеванію сей болѣзни. Если она не природна, то, значитъ, есть возможность уврачевать ее. Имѣя же сію надежду, кто не воодушевится и самымъ дѣломъ уврачевать себя? Естество наше въ чистомъ видѣ достолюбезно. Сами Ангелы взираютъ на него съ любовію и удивленіемъ, когда оно является таковымъ. Намъ ли не желать увидѣть его таковымъ и притомъ не внѣ—въ другихъ, а въ себѣ самихъ? Да вѣдь и все счастіе наше и благобытіе въ томъ состоитъ, чтобъ избавиться отъ сей болѣзни. Ибо, когда ея не будетъ, что помѣшаетъ намъ быть въ блаженномъ состояніи и чувствовать себя таковыми? Напротивъ, если эта болѣзнь природна, то ее ужъ не уврачуешь. Такъ и останется она навсегда, сколько ни трудись надъ изгнаніемъ ея. Прими эту мысль,— и руки опустишь, говоря въ себѣ: такъ вѣрно ужъ быть. А это и есть то пагубное нечаяніе, въ которое вложившись, предаютъ себя студодѣянію въ дѣланіе всякой нечистоты (Еф. 4, 19)».

«И еще говорю: держите убѣжденіе, что неприродна намъ безпорядочность наша, и не слушайте тѣхъ, которые говорятъ: что тутъ толковать, такъ ужъ мы сотворены, ничего съ собою не подѣлаешь. Не такъ мы сотворены, и если возьмемся за себя какъ слѣдуетъ, то что-нибудь и сдѣлаемъ съ собою».

«Такъ что же нужно для того, чтобъ все въ насъ поставить въ прежній—первоначальный чинъ»?

«*Какъ скатились мы подъ гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Какъ зашла болѣзнь, противоположно тому дѣйствуя, можно изгнать ее. Отпали отъ Бога, надобно возсоединиться съ Нимъ.* Отпали, усомнившись въ словѣ Бога, надо возставить полную вѣру сему слову. Потерявъ вѣру Богу и въ Бога, приняли мы пагубное рѣшеніе: *такъ я самъ,*—надо уничтожить это—*я*

самъ. Когда образовалось это пагубное—*я самъ*, духъ нашъ потерялъ свойственную ему силу властвовать надъ душею и тѣломъ, и напротивъ самъ подпалъ подъ иго рабства имъ; надо возстановить сію власть духа. Когда власть духа пресѣклась, потребности души и тѣла разбрелись въ разныя стороны и въ желаніяхъ нашихъ произошло смятеніе; надо всѣ эти потребности опять привесть къ единству и установить въ ихъ чинѣ взаимоподчиненіе. Вмѣстѣ съ пагубнымъ: *я самъ*, втѣснилась въ кругъ жизни нашей стая страстей, подобно дикимъ звѣрямъ, терзающихъ насъ; надо изгнать сіи страсти».

«Видите, сколько надо. Уже по одному множеству и важности сего надобнаго можете заключить, что самимъ намъ не сладить съ этимъ, единственно однакожъ надобнымъ для насъ, дѣломъ. Особенно же нельзя надѣяться самимъ уладить это главнѣйшее наше дѣло потому, что первый пунктъ въ немъ, не установивъ котораго за другіе и браться нечего, именно—возсоединеніе съ Богомъ никакъ не можетъ состоять въ нашей власти. Мы можемъ желать его и искать; но устроить его—дѣло не нашихъ рукъ. Кто можетъ втѣсниться въ область Божію, или самъ проложить дорогу къ Нему? Кто силенъ взять у Бога, что желаетъ, тѣмъ паче понудить Бога быть въ насъ, чтобъ и мы были въ Немъ, и особенно послѣ того, какъ все это было уже дано намъ, но презрѣно и лице Божіе умалено недовѣріемъ и власть Его попрана самоволіемъ? Говоришь: покаюсь, и каюсь. Но не твое дѣло поставлять условія. Можетъ и покаяніе идти въ дѣло; но когда Самъ Богъ его постановитъ и согласится принимать. А само по себѣ что оно?! Ушибся и больно: что тутъ».

«Такъ возсоединеніе съ Богомъ не въ нашей власти; и условія его и образъ совершенія его и все, сюда относящееся, не въ нашихъ рукахъ. Между тѣмъ вотъ какъ оно

важно,—что совершись возсоединеніе, все прочее пойдетъ уже само собою. Тотчасъ возьметъ силу духъ, подчинитъ себѣ душу и тѣло, упорядочитъ потребности и желанія и выгонитъ страсти. Но ему-то самому какъ состояться? Рѣчь эту я веду къ тому, чтобъ дать вамъ разумѣть, что нечего намъ ломать своей головы надъ тѣмъ, какъ возсоединиться съ Богомъ. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорѣе, если Богу угодно было установить законъ и порядокъ сего возсоединенія, поспѣши пріять его полною вѣрою и воспользоваться имъ съ теплою благодарностію. И благодареніе человѣколюбивому Богу! Все уже для того совершено, установлено и растолковано. Принимай и пользуйся».

«Не буду излагать вамъ какъ все сіе совершено; скажу главное. Для возстановленія духа нашего и возсоединенія его съ Богомъ необходимо, чтобы Духъ Божій нисходилъ въ него и оживлялъ его. Чтобы открыть путь нисхожденію Духа Божія, Сынъ Божій воплотился, пострадалъ плотію, умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небеса и послалъ отъ Отца Духа Святаго, Который, пріемлемъ бывая вѣрующими въ Сына, исполняетъ въ нихъ то, о чемъ молился сей Сынъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21)».

«Какъ же Онъ совершаетъ сіе? Сочетавается съ духомъ тѣхъ, кои вѣруютъ въ Сына Божія и, оживляя его, возсоединяетъ его съ Богомъ. Сіе именуется новымъ рожденіемъ отъ Бога, которое вѣрующихъ дѣлаетъ чадами Божіими по благодати, какъ говоритъ св. Іоаннъ Евангелистъ: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крови,... но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 12. 13). И стало закономъ духовной жизни о Христѣ Іисусѣ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе;* ибо только *рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. 3, 5. 6)».

«Не извольте пытать, почему нужно все сіе для возстановленія въ насъ истинной жизни, а примите и содержите то съ простотою и искренностію дѣтской вѣры. Станете пытать, подойдетъ врагъ, и, какъ нѣкогда Евѣ, нашепчетъ вамъ соблазны и поколеблетъ вѣру, а чрезъ то лишитъ и плодовъ вѣры... Такъ не пытайте Божія устроенія, и я вамъ ничего объ этомъ не скажу, хоть обычно говорится кое что въ объясненіе сего. Скажу только нѣсколько словъ о томъ, что производитъ въ насъ Духъ Святый, возстановляя духъ нашъ».

«Производство Богообщенія совершается благодатію Святаго Духа. Онъ изготовляетъ въ насъ обитель, и вмѣстѣ съ Богомъ-Отцемъ и Богомъ-Сыномъ вселяется въ насъ. Какъ же изготовляется сія обитель»?

«Духъ Божій сокровенно дѣйствуетъ на духъ нашъ и приводитъ его въ движеніе. Пришедшій въ движеніе духъ нашъ возставляетъ въ себѣ естественное свое Боговѣдѣніе, что Богъ есть, все содержитъ и мздовоздатель есть. Сознаніе сего возставляетъ чувство всесторонней зависимости отъ Бога и оживляетъ страхъ Божій. То и другое растревоживаетъ совѣсть—свидѣтельницу и судію дѣлъ нашихъ и чувствъ, между коими рѣдко что встрѣчается такое, на что бы благоволительно воззрѣлъ Богъ. Встревоженная совѣсть, вмѣстѣ съ страхомъ Божіимъ и чувствомъ всесторонней зависимости отъ Бога, поставляютъ человѣка въ чувство безвыходности своего положенія: камо пойду? камо бѣгу? Но бѣжать некуда: пойманъ и въ рукахъ Бога—Судіи и Воздаятеля. Чувствуется *гнѣвъ Божій съ небесе на всякую неправду* (Рим. 1, 18)».

«Но тутъ приходитъ благовѣстіе Евангелія и выводитъ изъ бѣды. Безъ Евангелія такое пробужденіе духа нашего было бы пагубно, ибо неизбѣжно ввергало бы въ отчаяніе. Но благость Божія такъ устрояетъ, что истинное пробужде-

ніе духа и совершается и сопутствуется Евангеліемъ. Тому, у кого внутри образовалось, вслѣдствіе пробужденія духа: камо пойду? камо бѣгу? Евангеліе возвѣщаетъ куда и зачѣмъ бѣжать? Иди подъ сѣнь креста и спасешься. Сынъ Божій, воплотившись, умеръ на крестѣ во очищеніе грѣховъ нашихъ. Вѣруй въ сіе и получишь отпущеніе грѣховъ, и милость Божію срѣтишь. Апостолы всегда такъ и дѣлали, проповѣдуя Евангеліе. Растревожатъ, а потомъ говорятъ: вѣруй въ распятаго Господа и спасенъ будешь».

«Не все совершаетъ одинъ Духъ Божій. Требуется нѣчто и отъ насъ, и это нѣчто—немаловажно. Духъ Божій возбуждаетъ, благовѣстіе указываетъ, за что взяться. Сіе отъ Бога. Но сдѣлавъ сіе, Богъ останавливается,—и ждетъ нашего произволенія. Первыми дѣйствіями своими Богъ какъ бы спрашиваетъ: хочешь выйти изъ бѣды? Вотъ что сдѣлай. Моментъ сей самый важный. Склонится кто на указаніе,— открываетъ входъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ благодати, которая и вводитъ его потомъ въ область спасенныхъ. Не склонится,—пресѣкаетъ дальнѣйшія дѣйствія благодати, и остается въ средѣ погибающихъ. Апостолъ Павелъ проповѣдуетъ въ Ареопагѣ. Послѣ проповѣди св. Діонисій и еще кто то идутъ въ слѣдъ его и крестятся; а изъ прочихъ кто говоритъ: «чему это учитъ суесловивый сей»? а кто: «приходи въ другой разъ, послушаемъ тебя». Богъ никого не неволитъ спастися, а предлагаетъ на выборъ, и только того, кто изберетъ спасеніе, спасаетъ. Еслибъ не требовалось наше произволеніе, Богъ всѣхъ въ одно мгновеніе сдѣлалъ бы спасенными: ибо всѣмъ хощетъ спастися. Но тогда и совсѣмъ не было бы погибающихъ. А произволеніе наше не всегда разумно бываетъ, упорничаетъ и Самому Богу не внимаетъ. Вотъ и гибнетъ».

«Такъ извольте замѣтить сей моментъ. Онъ всегда во всякомъ духѣ долженъ быть присущъ, когда кто стоитъ на

сторонѣ спасаемыхъ. Слагается онъ изъ слѣдующихъ дѣйствій: послѣ того, какъ благодать возбудитъ чувство крайности положенія, а благовѣстіе укажетъ исходъ изъ него, къ чувству бѣды приложить надо сознаніе, что самъ во всемъ виноватъ и раскаяться въ томъ; увѣровать въ дѣйственность предлагаемаго образа спасенія, возжелать симъ именно образомъ спастися и благонадежіе въ томъ возымѣть; изъявить полную готовность всеусердно дѣлать все, что указано будетъ, какъ условіе спасенія. Когда все сіе произойдетъ въ духѣ нашемъ, останется только къ таинствамъ приступить и Богообщеніе совершится. Сведемъ итогъ: раскаялся, возжелалъ спасенія въ Господѣ и благонадежіе въ томъ возымѣлъ;—эти дѣйствія суть дѣйствія покоющіяся, внутри происходящія и тамошнимъ проявленіемъ довольствующіяся. А послѣднее дѣйствіе—готовность дѣлать все, что потребуется, есть настоящая дѣятельная сила во спасеніе, поколику оно отъ насъ зависитъ,—источникъ спасительной дѣятельности и жизни спасенной. Эта готовность, пока нами одними изъявляется, слаба бываетъ; а когда благодать Божія внутрь вселится, тогда становится всесильною, не знающею препонъ, все преодолѣвающею. Она есть ненасытимая ревность о Богоугожденіи и всеусердномъ исполненіи воли Божіей, при всей вѣрѣ въ Господа и благонадежіи спасенія въ Немъ Единомъ. Она исполняетъ предвѣчное опредѣленіе Божіе—*быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви* (Еф. 1, 4), для чего и дѣлаетъ насъ Господь *ревнителями добрыхъ дѣлъ* (Тит. 2, 14)».

«Разскажу вамъ одно преданіе, и вамъ будетъ яснѣе, въ чемъ тутъ дѣло. Нѣкто жилъ гдѣ-то далеко въ пустыни. Заболѣли у него внутренности: легкія-ли, или сердце, или печень, или все вмѣстѣ. Боль, хоть умирай. Людской помощи неоткуда ожидать: прибѣгаетъ къ Богу со всеусильною молитвою. Услышалъ Господь. Въ одну ночь, заснувши, видитъ

онъ такое видѣніе. Пришли два Ангела съ ножами, разрѣзали его, вынули больныя части, вычистили ихъ, вымыли и чѣмъ то смазали. Затѣмъ все положили на свое мѣсто, спрыснули чѣмъ-то, и—все срослось, какъ будто и разрѣзовъ не было. Проснувшись, старецъ всталъ совсѣмъ здоровымъ, какъ будто никогда не болѣлъ, новенькимъ, будто юноша во цвѣтѣ силъ.—Видите, чего вамъ желаю? Чтобъ въ вашей душѣ все было перечищено, больное и старое повыброшено, все оздравленное и обновленное постановлено на свое мѣсто и вспрыснуто живою водою».

«Разсказывалъ я эту исторійку одному изъ трудящихся надъ собою. Выслушавъ ее, онъ нехладно воззвалъ: о, когда бы пришли Ангелы и сдѣлали съ душою моею тоже, что сдѣлали съ тѣломъ того старца! Въ этомъ воззваніи слышались и молитва и желаніе свалить на другихъ то, что должно быть сдѣлано своими трудами. Ибо и такое лукавство не чуждо нашему сердцу, что хорошими быть мы не прочь, но потрудиться ради того, руки опускаются. Душу перечищать и исцѣлять не придутъ Ангелы. Бываютъ при этомъ и ихъ указанія и вразумленія; но дѣлать все надо самимъ. Бери самъ и рѣжь себя, гдѣ нужно, безъ всякаго жалѣнія себя. Другой никто этого не можетъ сдѣлать. Самъ Богъ не входитъ во святилище души могуществомъ Своимъ, а благоволительно проситъ входа».

«У тѣхъ, которые, получивъ благодать, не дали ей дѣйствовать въ себѣ, а заморили, на судѣ Божіемъ сначала отнимутъ даръ благодати, а потомъ ввергнутъ ихъ во тьму кромѣшнюю. Это Спаситель открылъ въ притчѣ о мнасахъ (Лук. 19, 11 и д.). Всѣмъ рабамъ дано по мнасу: благодать всѣмъ равно дается. Но одинъ на этотъ мнасъ пріобрѣлъ другихъ десять, другой—пять, третій—ничего: завернулъ, говоритъ, въ платокъ и положилъ. Это значитъ, что первый больше всѣхъ потрудился надъ тѣмъ, чтобы проник-

нуться благодатію, второй—въ половину противъ него, а третій пренебрегъ даромъ, нисколько не позаботился возгрѣть въ себѣ благодать. Награда потомъ воздана соотвѣтственно трудамъ по облагодатствованію или внутреннему просвѣтлѣнію себя подъ дѣйствіемъ благодати. Послѣдній ничего не сдѣлалъ по сей части: у него взяли и то, что такъ щедродательно вручено было въ началѣ».

«Видите, какъ дѣло-то идетъ, и чѣмъ кончается?! Мы — крещеные—всѣ получили мнасъ,—благодать Св. Духа. Сія благодать, какъ я уже поминалъ, сначала одна дѣйствуетъ въ насъ, пока мы еще не пришли въ возрастъ. Когда же приходимъ въ возрастъ, то она, хотя также во всякое время готова дѣйствовать въ насъ, но не дѣйствуетъ, а ожидаетъ, пока мы свободно и самоохотно склонимся къ ней, сами восхощемъ ея вседѣйствія въ насъ и взыщемъ его. Какъ только взыщемъ, она тотчасъ начинаетъ опять свое въ насъ дѣло, возбуждая, направляя и укрѣпляя насъ. Проникновеніе насъ благодатію спѣется по мѣрѣ взысканія нашего и труда по сему взысканію. А если не взыщемъ и не станемъ трудиться именно для сей цѣли и въ семъ смыслѣ; то она не станетъ одна дѣйствовать въ насъ противъ воли нашей, какъ бы насильственно. Богъ далъ человѣку свободу, и не хочетъ нарушать ее, не хочетъ противъ воли входить въ него и дѣйствовать въ немъ. Захочетъ человѣкъ самъ себя предать дѣйствію Божію—самоохотно, тогда и Богъ благодатію Своею начинаетъ дѣйствовать въ немъ. Еслибы все зависѣло отъ Бога, то въ одно мгновеніе всѣ стали бы святы. Одно мановеніе Божіе и всѣ бы измѣнились. Но таковъ уже законъ, что человѣку надо самому восхотѣть и взыскать,— и тогда благодать ужъ не броситъ его, лишь бы только онъ пребылъ вѣренъ ей».

«Припомните притчу Спасителя о сокровищѣ, сокрытомъ на полѣ, и о человѣкѣ, ищущемъ драгоцѣнныхъ бисеровъ

(Мат. 13, 44—46). Одинъ увидѣлъ въ полѣ десятину, на коей зарыто сокровище; пошелъ, все свое продалъ и купилъ десятину ту. Конечно, онъ вырылъ потомъ сокровище и разбогатѣлъ, хоть объ этомъ не помянуто. Это поле или десятина,—есть душа наша; сокровище, сокрытое въ ней, есть благодать, чрезъ святое крещеніе въ нее вложенная. Что увидѣлъ сокровище человѣкъ притчи, этимъ означается моментъ, когда сознаетъ христіанинъ, что въ немъ сокрыта такая драгоцѣнность, ни съ чѣмъ несравнимая—благодать Св. Духа. Продалъ все,—это значитъ, всѣмъ пожертвовалъ, что имѣлъ, что дорого было для него, чтобы только достать то сокровище—возбудить и привести въ явь сокрытую въ немъ благодать».

«Другой купецъ былъ, торговавшій драгоцѣнными камнями. Узналъ онъ, что гдѣ-то есть алмазъ, которому равнаго ничего нѣтъ, но которому цѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, не знали (это я отъ себя дополняю). Желая его пріобрѣсть, и этотъ тоже все свое продалъ и купилъ его. И, конечно, разбогатѣлъ.—И этотъ драгоцѣнный бисеръ есть образъ благодати Божіей, въ насъ сокрытой и невѣдомой намъ, пока не сознаемъ того. Кто сознаетъ, тотъ вмѣстѣ убѣждается, что ничего нѣтъ драгоцѣннѣе ея. Потому съ полнымъ самоотверженіемъ все бросаетъ и устремляется на возгрѣніе и воспламененіе въ себѣ благодати».

«Изъ этихъ притчей вы видите, что именно ожидается отъ насъ. Ожидается, чтобы мы 1) *сознали присутствіе* въ себѣ дара благодати; 2) *уразумѣли драгоцѣнность ея* для насъ столь великую, что она дороже жизни, такъ что безъ нея и жизнь не жизнь; 3) возжелали всѣмъ желаніемъ *усвоить себѣ* сію благодать, а себя—ей, или что тоже—проникнуться ею во всемъ своемъ естествѣ, просвѣтиться и освятиться; 4) *рѣшились* самымъ дѣломъ достигнуть сего; и затѣмъ 5) *привели сію рѣшимость въ исполненіе*, оставя все, или

отрѣшивъ сердце свое отъ всего и все его предавъ вседѣйствію Божіей благодати. Когда совершатся въ насъ сіи пять актовъ, тогда полагается начало внутреннему перерожденію нашему, послѣ котораго, если неослабно будемъ продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ, внутреннее перерожденіе и озареніе будетъ возрастать, — быстро или медленно, судя по нашему труду, а главное, по самозабвенію и самоотверженію».

Таковы основныя воззрѣнія преосвящен. Ѳеофана, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ его твореній. Усвоивъ ихъ, можно приступить къ болѣе обширному знакомству со всѣмъ, что осталось для насъ отъ вдохновеннаго наставника. Эти воззрѣнія въ то же время—истинно христіанскія и православныя.

Святитель не даромъ совѣтуетъ настойчиво покрѣпче запомнить и поглубже понять его размышленія. Въ нихъ—ключъ къ разрѣшенію всѣхъ загадокъ и противорѣчій нашей жизни, они даютъ стройное и всеобъемлющее міросозерцаніе. Они должны лечь въ основу всѣхъ убѣжденій и взглядовъ православнаго христіанина — дѣло неизмѣримой важности...

Приложеніе къ жизни, практическая, такъ-сказать, польза скажется сама собою. Въ наше время любятъ, особенно въ молодости, задаваться обширными планами — служить человѣчеству, обществу, народу... Превосходныя наставленія внушаетъ святитель, одновременно съ раскрытіемъ своихъ основныхъ взглядовъ.

«Спрашиваете:

— Надо же что-нибудь дѣлать?

— Конечно, надобно.

«И дѣлайте, что попадется подъ руки, въ вашемъ кругу и въ вашей обстановкѣ,—и вѣрьте, что это есть и будетъ ваше настоящее дѣло, больше котораго отъ васъ и не тре-

буется. Большое заблужденіе въ томъ, когда думаютъ, будто для Неба,—или попрогрессистки для того, чтобы сдѣлать и свой вкладъ въ нѣдра человѣчества — надо предпринимать большія и громкія дѣла. Совсѣмъ нѣтъ. Надобно только дѣлать все по заповѣдямъ Господнимъ. Что же именно? Ничего особеннаго, какъ только то, что всякому представляется по обстоятельствамъ его жизни, чего требуютъ частные случаи, съ каждымъ изъ насъ встрѣчающіеся. Это вотъ какъ. Участь каждаго Богъ устрояетъ, и все теченіе жизни каждаго – тоже дѣло Его всеблагаго промышленія, слѣдовательно, и каждый моментъ и каждая встрѣча. Возьмемъ примѣръ: къ вамъ приходитъ бѣдный; это Богъ его привелъ. Что вамъ сдѣлать надо? Помочь. Богъ, приведшій къ вамъ бѣднаго, конечно, съ желаніемъ, чтобы вы поступили въ отношеніи къ сему бѣдному, какъ Ему угодно, смотритъ на васъ, какъ вы въ самомъ дѣлѣ поступите. Ему угодно, чтобы вы помогли. Поможете? Угодное Богу сдѣлаете,—и сдѣлаете шагъ къ послѣдней цѣли - наслѣдію Неба. Обобщите этотъ случай, — выйдетъ: во всякомъ случаѣ и при всякой встрѣчѣ надобно дѣлать то, что хочетъ Богъ, чтобы мы сдѣлали. А чего Онъ хочетъ, это мы вѣрно знаемъ изъ предписанныхъ намъ заповѣдей.

Помощи кто ищетъ?—Помоги!

Обидѣлъ кто?—Прости!

Сами обидѣли кого? — Спѣшите испросить прещеніе и примириться!

Похвалилъ кто?—Не гордитесь!

Побранилъ? - Не сердитесь!

Пришло время молитвы?—Молитесь!

Работать?—Работайте! И проч. и проч. и проч.

Если, все это обсудивши, положите вы во всѣхъ случаяхъ такъ дѣйствовать, чтобы дѣла ваши угодны были Богу, бывъ совершаемы неуклонно по заповѣдямъ, то всѣ задачи отно-

сительно вашей жизни рѣшатся этимъ полно и удовлетворительно. *Цѣль—блаженная жизнь за гробомъ; средства—дѣла по заповѣдямъ, исполненія которыхъ требуютъ всѣ случаи жизни.* Мнѣ кажется, тутъ все ясно и просто;—и нечего вамъ томить себя мудреными задачами».

«Надо выбросить изъ головы всѣ планы о *многополезной, многообъятной, общечеловѣческой* дѣятельности, и жизнь ваша будетъ созерцаться вложенною въ покойныя рамки, и безъ шума ведущею къ главной цѣли. Помните, что Господь и стакана холодной воды, поданнаго томимому жаждою, не забываетъ. Благодареніе Господу, что Ему угодно было цѣнность дѣлъ нашихъ опредѣлять не ихъ широтою и великостію, а внутреннимъ нашимъ расположеніемъ при дѣланіи ихъ, окруживъ между тѣмъ насъ премножествомъ случаевъ къ дѣланію дѣлъ по волѣ Его, такъ что, если внимаемъ себѣ, можемъ поминутно дѣлать дѣла Богоугодныя. Для этого нѣтъ нужды ходить за море, а смотри около всякій день и часъ, на чемъ видишь печать заповѣди, исполняй то неотложно, въ томъ убѣжденіи, что такого, а не другаго дѣла требуетъ отъ тебя въ этотъ часъ Самъ Богъ».

«Потрудитесь и еще крѣпче установиться въ такой мысли. Какъ только установитесь, начнетъ покой приливать къ вашему сердцу, отъ увѣренности, что всякую минуту вы работаете Господу. Это начало все обнимаетъ. Даже когда вамъ велятъ заштопать чулокъ меньшому брату, и вы сдѣлаете это ради заповѣди Господней — слушаться и помогать, это будетъ причтено къ суммѣ дѣлъ, Богу угодныхъ. Такъ всякій шагъ, всякое слово, даже движеніе и взглядъ, — все можно обратить въ средство ходить въ волѣ Божіей, и слѣдовательно поминутно двигаться къ послѣдней цѣли».

«Прогрессистки *(и прогрессисты)* имѣютъ въ виду все человѣчество, и по меньшей мѣрѣ весь свой народъ огуломъ. Но вѣдь человѣчество или народъ не существуетъ,

какъ одно лицо, чтобы можно было что-нибудь для него сдѣлать сейчасъ. Оно состоитъ изъ частныхъ лицъ: дѣлая для одного, дѣлаемъ въ общую массу человѣчества. Еслибъ каждый, не пуча глазъ на общность человѣчества, дѣлалъ возможное для того, кто у него предъ глазами, то всѣ люди въ совокупности въ каждый моментъ дѣлали бы то, въ чемъ нуждаются всѣ нуждающіеся и, удовлетворяя ихъ нуждамъ, устрояли бы благо всего человѣчества, сложеннаго изъ достаточныхъ и недостаточныхъ, изъ немощныхъ и сильныхъ. А то,—въ мысляхъ держатъ благо всего человѣчества, а что предъ глазами, то пропускаютъ безъ вниманія, и выходитъ, что они, — того общаго не имѣя возможности дѣлать, а это частное пропуская, ничего не дѣлаютъ для главной цѣли жизни».

«Въ С.-Петербургѣ мнѣ разсказывали такой случай. Одинъ джентльменъ въ какомъ-то собраніи юныхъ болѣтелей о всеобщемъ благѣ, — это было въ самый разгаръ прогрессистскаго бреда,—держалъ сильную рѣчь о любви къ человѣчеству и народу. Всѣ восхищались. Но ворочается онъ домой; человѣкъ, служившій у него, какъ-то не скоро отворилъ дверь,—это ему уже не показалось;—потомъ свѣчу не скоро подалъ, потомъ съ трубкой что-то сдѣлалось, да холодновато было въ комнатѣ... Не выдержалъ наконецъ нашъ филантропъ и разбранилъ своего слугу... Тотъ-какое-то возраженіе, — а этотъ его въ грудь. И вотъ нашъ парень,— тамъ распарился отъ любви къ человѣчеству, а тутъ и съ однимъ человѣкомъ не могъ поступить, какъ слѣдуетъ. И въ тотъ у насъ первый разгаръ прогрессистскаго бреда красавицы, бросаясь въ переплетныя заведенія, нерѣдко матерей своихъ оставляли безъ куска хлѣба: а все же мечтали, что они какимъ-то образомъ идутъ впередъ и благо человѣчества устрояютъ».

«Вся бѣда отъ слишкомъ широкихъ кругозоровъ. А луч-

ше глядѣть подъ ноги и разбирать, какой гдѣ сдѣлать слѣдуетъ шагъ. Это самый вѣрный путь».

«*Се норма! И сей рай*»!

ГЛАВА VI.

Учено-литературные труды преосвященнаго Ѳеофана.

Святитель Ѳеофанъ по справедливости можетъ быть названъ величайшимъ учителемъ христіанской нравственности за послѣднія столѣтія. Его сочиненія должны быть въ рукахъ всякаго христіанина, который бы пожелалъ прожить свою земную жизнь согласно своему назначенію. Передать ихъ содержаніе почти невозможно, да и мало полезно: не пересказать чужими словами того, что носитъ печать глубоко пережитаго духовнаго опыта, не выразить всей искренности, сердечности и жизненности никакими описаніями... По необходимости мы должны ограничиться лишь перечисленіемъ его твореній и краткой ихъ характеристикой *).

Всѣ труды преосвященнаго Ѳеофана можно раздѣлить на три рода: 1) нравоучительные; 2) истолковательные и 3) переводные.

1. Между трудами перваго рода можно различать въ строгомъ смыслѣ *нравственно-назидательные*, затѣмъ — излагающіе *глубокіе опыты и наблюденія надъ явленіями духовной жизни*, и наконецъ *представляющіе* по возможности *всю совокупность христіанскаго нравоученія въ стройной системѣ* и въ неразрывной связи съ основоположными христіанскими догматами.

*) При указаніи сочиненій преосв. Ѳеофана мы руководились главнымъ образомъ желаніемъ дать указанія тѣмъ изъ читателей, которые пожелали бы лично ознакомиться съ трудами святителя. Подробное перечисленіе трудовъ его въ хронологическомъ порядкѣ можно найти въ прекрасномъ трудѣ И. Н. Корсунскаго: „Преосвящ. епископъ Ѳеофанъ, бывшій Владимірскій и Суздальскій"—въ Чт. Общ. Л. Д. Просвѣщенія за 1894 годъ.

Къ нравственно-назидательнымъ слѣдуетъ отнести: 1) Слова на Господскіе, Богородичные и торжественные дни. Цѣна 90 к. *). 2) О покаяніи, причащеніи св. Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни. Слова въ св. Четыредесятницу и приготовительныя къ ней недѣли (80 к.). 3) Мысли на каждый день года, по церковнымъ чтеніямъ изъ Слова Божія (1 р.). 4) Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасенія (25 к.). 5) Краткія мысли на каждый день года, расположенныя по числамъ мѣсяцевъ (15 к.). 6) Пять поученій о пути къ спасенію (7 коп.). 7) Востани спяй. Собраніе святоотеческихъ писаній, направленныхъ къ пробужденію человѣка отъ сна грѣховнаго для бодрствованія о Христѣ (40 к.). 8) Небесный надъ нами покровъ святыхъ и уроки отъ лица ихъ во дни праздственнаго чествованія ихъ (30 к.). 9) На разные случаи (15 к.). 10) О православіи, съ предостереженіемъ отъ погрѣшеній противъ него (50 к.). 11) Внутренняя жизнь (30 к.). 12) Богоугодная жизнь вообще (25 к.). 13) Девять словъ по случаю пожаровъ въ Тамбовѣ и губерніи Тамбовской (14 к.). 14) Святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи, или вниманіи въ сердцѣ къ Богу и истолкованіе молитвы Господней словами св. отцевъ. (2 р.). 15) О совершенномъ обращеніи къ Богу отъ прелестей міра и грѣха (12 к.). 16) Три слова о несеніи креста (7 к.). 17) Четыре бесѣды по руководству книги «Пастырь» св. Ермы (7 к.). 18) Четыре слова о молитвѣ (7 к.). 19) Напоминаніе всечестнымъ инокинямъ о томъ, чего требуетъ отъ нихъ иночество (35 к.). 20) Сборникъ аскетическихъ писаній, извлеченныхъ изъ патериковъ обители св. Саввы освященнаго, что близъ Іерусалима (50 к.). Митериконъ, собраніе наставленій Аввы Исаіи всечестной инокинѣ Ѳеодорѣ (60 коп.).

---

*) Цѣна означена съ пересылкой. Изд. Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря.

Глубокая назидательность и особенная сила благодатію помазаннаго слова, искренность, теплота и задушевность, иногда въ соединеніи съ изумительной простотой и въ то же время художественностью изложенія — вотъ общія черты нравоучительныхъ трудовъ святителя. Главная задача, раскрывающаяся во всѣхъ ихъ, это—указаніе на небо, на высшій смыслъ и цѣль человѣческой жизни, возбужденіе къ искреннему покаянію и живому обращенію къ Богу, къ поддержанію въ себѣ или возгрѣванію благодатной жизни. «Эти произведенія великаго подвижника вѣры и благочестія христіанскаго, говоритъ преосвященный Никандръ, полныя духовно-благодатнаго помазанія, въ возможной полнотѣ и близости отражаютъ въ себѣ духъ ученія Христова и Апостольскаго—и всѣ направлены къ указанію высшаго блага, вѣчныхъ цѣлей бытія человѣческаго... Они не только способны пробуждать человѣка-христіанина отъ духовнаго усыпленія, не только вызывать его изъ состоянія религіозной апатіи, равнодушія къ вѣрѣ, такъ-называемой *тепло-прохладности,* столь распространенной нынѣ среди современныхъ христіанъ, не только побуждаютъ христіанина грѣшника къ покаянію, исправленію и благодатному обновленію жизни во Христѣ, но и указываютъ ему самыя надежныя средства къ достиженію всего этого»...

Сочиненія, въ которыхъ излагаются истины христіанскаго нравоученія на основѣ глубокаго духовнаго опыта и внимательнаго наблюденія надъ явленіями духовной жизни:

1) Письма о духовной жизни (80 к.). 2) Письма о христіанской жизни, въ 4 частяхъ (3 р. 50 к.). 3) Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни (1 р. 80 к.). 4) Что есть духовная жизнь, и какъ на нее настроиться (1 р.). 5) Душа и ангелъ не тѣло, а духъ.

(Противъ брошюръ—слово о смерти и прибавленіе къ сему слову) (40 к.).

Въ первыхъ двухъ частяхъ «Писемъ о христіанской жизни» и во второй части «прибавленій» къ нимъ, въ письмахъ «о духовной жизни», въ замѣчательномъ трудѣ: «Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться» и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ «Писемъ къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни», равно какъ отчасти и въ мысляхъ на каждый день года, мы находимъ громадное собраніе и глубоко осмысленное изложеніе явленій и фактовъ духовной жизни, начиная съ первыхъ благодатныхъ движеній христіанскаго сердца къ Богообщенію. Борьба со грѣхомъ, паденія и возстанія, благодатная помощь Св. Духа, все, что переживаетъ христіанинъ, дѣятельно вступившій на путь благочестія,—все это находитъ живое выраженіе въ указанныхъ сочиненіяхъ, все изображено съ неподражаемымъ совершенствомъ, въ связи съ знаменательными совѣтами и указаніями.

Три послѣднія части писемъ о христіанской жизни, со включеніемъ первой и третьей части «Прибавленій» къ нимъ, «Начертаніе христіанскаго нравоученія» (то же, что письма о христіанской жизни, съ небольшими передѣлками и нѣсколькими прибавленіями, какихъ потребовала система нравоученія. Цѣна 1 руб. 20 к.). «Путь ко спасенію» (краткій очеркъ аскетики), заключительное прибавленіе къ письмамъ о христіанской жизни, ц. 1 р.;—равно какъ отчасти и «Письма къ одному лицу въ С.-Петербургѣ по поводу появленія тамъ новаго учителя вѣры», изъ «Писемъ къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ вѣры и жизни»—представляютъ уже опыты систематическаго изложенія христіанскаго нравоученія и имѣютъ поэтому наибольшую важность. Въ трехъ послѣднихъ частяхъ «Писемъ о христіанской жизни» съ «Прибавленіями къ нимъ», равно какъ и въ «Начертаніи христіан-

скаго нравоученія» въ строгой связи и послѣдовательномъ развитіи излагаются мысли объ исправленіи грѣховнаго сердца, о христіанскомъ самосознаніи въ отличіе отъ нравственнаго самосознанія вообще, — ученіе объ обязанностяхъ христіанина, о совѣтахъ христіанину, о безразличныхъ дѣйствіяхъ, о грѣхѣ и добродѣтели, о семейныхъ, церковныхъ, служебныхъ и гражданскихъ обязанностяхъ и т. д. *Основная мысль всего нравоученія—идея богообщенія, составляющая начало, средину и конецъ христіанской нравственной жизни. Жизнь христіанина должна быть всецѣло посвящена Богу. Все твори во славу Божію, по вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа, въ надеждѣ безконечной жизни*—такова главная цѣль жизни христіанина! «Что касается до другихъ цѣлей, то онѣ, хотя и могутъ быть допускаемы, но никогда не должны быть поставлены главными: отъ нихъ всегда должно восходить къ Богу. Здѣсь особенно важны цѣли самихъ дѣлъ. Каждое дѣло способно имѣть свою цѣль: напримѣръ, цѣль милостыни помочь бѣдному, цѣль чтенія просвѣтить умъ. Но на нихъ не должно останавливаться: ибо иначе дѣло будетъ внѣ главнаго значенія христіанина. Вообще, если позволить останавливаться на такихъ цѣляхъ, то въ жизнь христіанина войдетъ безконечное разнообразіе, между тѣмъ какъ она вся должна имѣть одинъ тонъ. Тонъ сей сообщается ей единствомъ цѣли, по коей она вся есть жертва Богу всецѣлая... Инымъ кажется очень строгимъ—все творить во славу Божію, они потому и полагаютъ, что при дѣлахъ можно имѣть и другія цѣли, внѣ Бога, только бы сіи цѣли не исключали Бога, и вообще, говорятъ, можно ограничиваться тѣмъ, чтобы только чаще относить къ Богу дѣла. Всѣ же дѣла посвящать Богу—есть удѣлъ совершеннѣйшихъ, что можно совѣтовать, но къ чему всѣхъ обязывать не должно. Какъ унижена тутъ свѣтлая христіанская жизнь! Какъ видимо тутъ нехотѣніе и лѣность

сдѣлать напряженіе, чтобы возноситься къ Богу! Но, во-первыхъ, все посвящать Богу не есть совѣтъ, а цѣль необходимая, обязательная: *Прославите Бога въ душахъ вашихъ и тѣлесахъ вашихъ; вся во славу Божію творите*... Что яснѣе и опредѣленнѣе сего? И зачѣмъ относить сію цѣль къ совершеннѣйшимъ только, когда такое направленіе дѣйствія не требуетъ особаго напряженія: кто творитъ уже добро, скажи ему только, чтобы онъ мысленно и сердечно посвятилъ его Богу. Какой здѣсь трудъ? Другое дѣло пробудить грѣшника отъ сна грѣховнаго или оживить ослабѣвающаго. Здѣсь надобно устрашать его, потрясать — представлять пагубныя слѣдствія грѣха и благіе плоды добродѣтели и проч.; но это не цѣли, а возбудители воли... Во-вторыхъ, говорить: позволительны и другія цѣли, лишь бы онѣ не исключали Бога, значитъ, что мы дѣлами своими какъ будто милость какую оказываемъ Богу; а говорить: довольно сколько-нибудь дѣлъ посвятить Богу, значитъ, будто Богъ есть нѣчто стороннее въ нравственной жизни. Такими мыслями порядокъ иззвращается. Христіанинъ отъ Бога рожденъ есть и къ Богу долженъ относить дѣла свои всѣ до одного и всю свою жизнь освятить одною сею цѣлію. Если мы станемъ разсматривать языческую нравственность, то есть, какъ тамъ дѣйствовали добрые люди, то найдемъ точное приложеніе сихъ правилъ; равно и у христіанъ, оставленныхъ безъ назиданія. Но тѣ и другіе не знаютъ существа дѣла. Теперь изъ жалѣнія ихъ дѣлъ не слѣдуетъ извращать истиннаго смысла и порядка жизни чистой и святой, а скорѣе слѣдуетъ вразумлять всѣхъ и всюду, въ чемъ истина. Христіанинъ не есть лицо, преданное влеченію случайностей, а еще самоправительное. Скажи ему, какъ собою править, и онъ будетъ править. Нѣтъ, доброе дѣло, не для Бога и не по вѣрѣ въ Господа совершенное, не есть христіанское, а есть простое добро естественное; слѣдуетъ теперь заклю-

чить, что всѣ другія цѣли, кромѣ показанной, не суть цѣли истинныя, и дѣла, по нимъ совершаемыя, въ той мѣрѣ теряютъ свою цѣну, въ какой удаляются отъ нея. О худыхъ же цѣляхъ, вытекающихъ изъ эгоизма, и не говорится. Да слышитъ сіе всякъ, и да направляетъ такъ сердце свое всякій разъ, какъ дѣлаетъ какое дѣло»!

Что касается *до источниковъ* христіанскаго вѣроученія, то, по словамъ преосвященнаго, «они одни и тѣ же съ источниками вѣроученія. Довольно помянуть. что здѣсь, кромѣ Слова Божія и согласнаго ученія св. отцевъ Церкви, должно руководствоваться особенно аскетическими писаніями отцевъ подвижниковъ, житіями святыхъ и церковными пѣснопѣніями».

Замѣчательной *особенностью* нравоученій преосвященнаго служитъ углубленіе въ душевную жизнь человѣка. «Сознаніе, самосознаніе, свободная самодѣятельность, совѣсть, разумъ съ идеями его, разсудокъ съ его понятіями, сужденіями и умозаключеніями, наблюденіе, память, воспоминаніе, воображеніе, фантазія, воля съ ея желаніями, склонностями и моментами процесса поступанія, сердце съ его чувствованіями духовными, разсудочными, волевыми, эстетическими, аффекты—всѣ эти разнообразныя силы и явленія человѣческаго духа нарочито разсматриваются преосвященнымъ авторомъ со стороны нравственно-доброй и нравственно-злой. Это разсмотрѣніе отличается большою остротою самонаблюденія. Авторъ какъ бы спускается въ темные переплетающіеся лабиринты духа и, несмотря на слабый свѣтъ лампады, вездѣ успѣваетъ отмѣчать въ нихъ очень тонкія проявленія нравственнаго начала». (Отзывъ коммиссіи профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи о твореніяхъ святителя). Отсюда—жизненность, теплота и многоплодность нравоученія, отсутствіе отвлеченности,—напротивъ все насквозь проникнуто глубокой человѣчностью, внутренней правдой, съ которой невольно соглашаешься въ душѣ...

Въ 3 и 4-мъ выпускахъ «Писемъ о христіанской жизни», равно какъ и въ «Начертаніи христіанскаго нравоученія» указаны и раскрыты съ возможной полнотой и во внутренней связи нормы и правила христіанской жизни. Требовалось далѣе указать жизненный путь къ ихъ примѣненію, возможность и удобоисполнимость ихъ. Этому требованію вполнѣ удовлетворяетъ твореніе архипастыря: «Путь ко спасенію». Это твореніе, какъ и слѣдовало ожидать, имѣло наибольшій успѣхъ, въ короткое время выдержавъ нѣсколько изданій. Вотъ какъ самъ авторъ раскрываетъ задачу своего труда:

«Въ письмахъ о христіанской жизни изображены обязательныя для насъ чувства и расположенія; но этимъ сказано далеко не все, потребное къ устроенію своего спасенія. Главное дѣло у насъ дѣйствительная жизнь въ духѣ Христовомъ. А этого только коснись, сколько откроется недоумѣній и сколько, поэтому, потребно указаній, и притомъ, почти на каждомъ шагу»!

«Правда, тамъ послѣдняя цѣль человѣка—въ общеніи съ Богомъ—и путь къ ней изображенъ: это—вѣра съ хожденіемъ въ заповѣдяхъ, при помощи благодати Божіей. Приложить бы только слово: вотъ путь!—Иди».

«Легко сказать: вотъ путь, иди!—Но какъ сдѣлать это? Большею частью недостаетъ желанія идти. Упорно отрѣваетъ душа, увлеченная какою либо страстію, всякое понужденіе и всякій позывъ; очи отъ Бога отвращаетъ и смотрѣть на Него не хочетъ. Законъ Христовъ не по сердцу; ей и слушать о немъ нѣтъ расположенія: душа, какъ говорятъ, не лежитъ. Спрашивается, какъ же дойти до того, чтобы родилось желаніе идти къ Богу путемъ Христовымъ; какъ сдѣлать, чтобы законъ напечатлѣлся въ сердцѣ, и человѣкъ, дѣйствуя по этому закону, дѣйствовалъ какъ бы отъ себя, непринужденно, чтобы законъ сей не лежалъ на немъ, а какъ бы исходилъ отъ него»..

«Но пусть обратился кто къ Богу, пусть возлюбилъ законъ Его: самое шествіе къ Богу, самое хожденіе путемъ закона Христова необходимо ли уже и будетъ успѣшно, потому только, что мы возжелали сего? Нѣтъ. Кромѣ желанія необходимо еще имѣть силы и умѣнье дѣйствовать: нужна мудрость дѣятельная. Кто вступитъ на истинный путь Богоугожденія, или начнетъ при благодатной помощи стремиться къ Богу, путемъ предначертаннаго закона Христова, тому неминуемо будутъ угрожать опасности сбиться на распутіи, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемымъ. Сіи распутія неизбѣжны по остающемуся, даже и въ обращенномъ, грѣховному позыву и разстройству силъ, которыя и въ семъ состояніи способны представлять вещи въ превратномъ видѣ — прельщать и губить человѣка. Къ сему присоединяется лесть отъ сатаны, который неохотно разстается съ своими жертвами, и когда кто въ области его пойдетъ къ свѣту Христову, гонится вслѣдъ его и всякія разставляетъ сѣти, чтобы снова уловить; и нерѣдко дѣйствительно уловляетъ Слѣдовательно, и тому, кто имѣетъ уже желаніе идти указаннымъ путемъ къ Господу, необходимо еще указать всѣ уклоненія, возможныя на семъ пути, чтобы шествующій напередъ былъ предваренъ о семъ, видѣлъ имѣющія встрѣтиться опасности и зналъ, какъ избѣжать ихъ».

Эти общія всѣмъ неизбѣжности на пути спасенія дѣлаютъ необходимыми особыя руководительныя въ христіанской жизни правила, коими должно быть опредѣлено: какъ дойти до спасительнаго желанія Богообщенія и ревности пребывать въ немъ, какъ безбѣдно пройти къ Богу, среди всѣхъ распутій, возможныхъ на семъ пути по всѣмъ степенямъ,—иначе, какъ начать жить по-христіански и какъ, начавши, усовершиться въ этомъ. Сіе руководство должно взять человѣка внѣ Бога, обратить къ Нему и потомъ привесть предъ лице Его; должно прослѣдить жизнь христіанскую въ ея явле-

ніяхъ, на дѣлѣ, отъ начала до конца, то-есть какъ она засѣменяется, развивается, зрѣетъ и приходитъ въ полноту, или — что тоже — написать исторію дѣйствительной жизни каждаго христіанина, съ показаніемъ того, какъ въ какомъ случаѣ долженъ онъ дѣйствовать, чтобы устоять въ своемъ чинѣ».

«Засѣмененіе и развитіе жизни христіанской существенно различно отъ засѣмененія и развитія жизни естественной. Это зависитъ отъ особеннаго характера христіанской жизни и отношенія его къ нашей природѣ. Человѣкъ не рождается христіаниномъ, а становится таковымъ послѣ рожденія. Сѣмя Христово падаетъ на землю сердца уже біющагося. Но какъ естественно рожденный человѣкъ поврежденъ и противоположенъ требованіямъ христіанства, то,— тогда какъ, напримѣръ, въ растеніи начало жизни есть возбужденіе ростка въ сѣмени, пробужденіе какъ бы спящихъ силъ,—начало истинно христіанской жизни въ человѣкѣ есть нѣкоторое возсотвореніе, дарованіе новыхъ силъ, новой жизни. Далѣе, пусть воспринято христіанство, какъ законъ, то-есть положена рѣшимость жить по-христіански: это сѣмя жизни (рѣшимость) не бываетъ окружено въ человѣкѣ благопріятствующими ему стихіями; и при этомъ весь человѣкъ, его тѣло и душа остаются неприспособленными къ новой жизни, непокорными игу Христову; потому съ сей минуты начинается у человѣка потовой трудъ—образовать всего себя, всѣ свои силы по-христіански. Вотъ почему, тогда какъ возрастаніе, напримѣръ, у растеній, есть постепенное развитіе силъ, легкое, непринужденное, у христіанина оно есть многотрудная борьба съ самимъ собою—напряженная и скорбная, и ему надо настроивать свои силы на то, къ чему у нихъ нѣтъ расположенія: онъ, какъ воинъ, каждый шагъ земли, хотя своей же, долженъ отнимать у враговъ войною—обоюду острымъ мечемъ самопринужденія

и самопротивленія. Наконецъ, уже послѣ долгихъ трудовъ и усилій, начала христіанскія являются побѣдоносными, господствующими безъ сопротивленія, проникаютъ весь составъ естества человѣческаго, вытѣснивъ изъ него враждебныя себѣ требованія и стремленія, и поставляютъ его въ состояніе безстрастія и чистоты, сподобляя блаженства чистымъ сердцемъ—зрѣть Бога въ себѣ въ пріискреннемъ съ Нимъ общеніи».

«Таково положеніе въ насъ жизни христіанской. Она имѣетъ три степени, которыя, по свойству ихъ, можно назвать такъ: 1-ю—обращеніемъ къ Богу, 2-ю очищеніемъ или самоисправленіемъ, 3-ю—освященіемъ. На первой—человѣкъ обращается отъ тьмы къ свѣту, отъ области сатанины къ Богу; на второй—очищаетъ храмину сердца своего отъ всѣхъ нечистотъ, чтобы принять грядущаго къ нему Христа Господа; на третьей—Господь приходитъ, вселяется въ сердце и вечеряетъ съ нимъ. Это состояніе блаженнаго Богообщенія—цѣль всѣхъ трудовъ и подвиговъ»!

«Изобразить все сіе и опредѣлить правилами и будетъ значитъ—указать *путь ко спасенію*. Полное въ семъ дѣлѣ руководство беретъ человѣка на распутіяхъ грѣха, проводитъ огненнымъ путемъ очищенія и возводитъ до возможной для него степени совершенства, въ мѣру возраста исполненія Христова. Иначе, оно должно показать:

1) какъ начинается въ насъ христіанская жизнь;

2) какъ совершенствуется—зрѣетъ и крѣпнетъ, и

3) какою является въ полномъ своемъ совершенствѣ».

Хотя между сочиненіями преосвященнаго автора мы почти не встрѣчаемъ трудовъ спеціально-догматическаго характера, тѣмъ не менѣе, такъ какъ нравственное ученіе христіанства стоитъ въ неразрывной связи съ христіанскими догматами, то и въ трудахъ преосвященнаго Өеофана въ разныхъ мѣстахъ мы находимъ раскрытіе и догматическаго ученія, при-

томъ, по свидѣтельству коммиссіи профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи,—«нѣкоторые пункты догматическаго ученія нашли не только полное и основательное раскрытіе, но и такія точныя формулы, какихъ православная отечественная догматика доселѣ не имѣла». Важность догматическаго элемента въ твореніяхъ святителя особенно возвышается потому, что его разъясненія касаются высочайшихъ и труднѣйшихъ пунктовъ христіанской догматики. «Въ особенности это нужно сказать относительно истинъ: участія всѣхъ Лицъ Св. Троицы въ различныхъ моментахъ нашего спасенія съ преимущественнымъ преобладаніемъ участія одного изъ Лицъ Св. Троицы въ томъ или другомъ моментѣ нашего спасенія, именно—Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія въ первомъ моментѣ, въ «устроеніи всего потребнаго для спасенія», и Св. Духа Утѣшителя—во второмъ моментѣ, въ «содѣваніи спасенія каждаго Лица». Послѣдній пунктъ раскрытъ съ такою основательностью, полнотою и ясностью, что едвали остается желать чего лучшаго. Большую цѣну для догматиста представляетъ и предложенный въ «письмахъ» опытъ послѣдовательнаго изображенія совмѣстнаго дѣйствія благодати Божіей и человѣческой воли во всемъ процессѣ «содѣванія спасенія каждаго отдѣльнаго лица». Къ этому нужно прибавить, что здѣсь же дано глубокое разъясненіе связи церковной обрядности и внѣшности съ внутреннимъ духомъ христіанской жизни». (Отзывъ коммиссіи проф. СПБ. Д. Ак.).

Величайшую *оригинальность* нашего автора, рѣзко отличающую его не только отъ иностранныхъ, но и отечественныхъ ученыхъ богослововъ, составляетъ то, что онъ отводитъ формальному, разсудочному (дискурсивному) знанію весьма незначительное мѣсто. Для него религія, христіанство прежде всего живая, дѣйственная сила,—сама жизнь;—высшее духовное бытіе—предметъ непосредственнаго сознанія.

«Человѣкъ, вкусившій сладкаго, не пожелаетъ вкушать горечи», говорили наши предки, познакомившись съ красотой христіанскаго Богослуженія въ Царь-Градѣ. Такъ и преосвященный какъ-бы такъ говоритъ каждому, желающему убѣдиться въ истинахъ вѣры: «попробуй—начни жить во-истину по-христіански, вкуси истинной жизни—и тогда тебѣ не нужно будетъ ни доказательствъ, ни разсужденій».—«Какъ увѣриться и какимъ путемъ испытать? спрашиваетъ онъ. Къ сему два способа: одинъ внѣшній, научный, а другой внутренній, путь вѣры. Первый предлагается обыкновенно въ систематическомъ изложеніи Богословія. Онъ дѣйствителенъ и для ученыхъ существенно необходимъ; но, очевидно, не всеобщъ, ибо въ основаніи своемъ содержитъ знанія, не для всѣхъ доступныя. При всемъ томъ надлежало бы сіи научные доводы со всею широтою, и ясностію, и убѣдительностію изложить и отдать во всеобщее употребленіе, съ ручательствомъ за силу ихъ непреложнаго авторитета, чтобы всякій, способный разумѣть, уразумѣвалъ симъ путемъ истину. Нельзя впрочемъ не видѣть, что сей путь очень, очень дологъ и труденъ, и, что особенно замѣчательно, помѣщаясь въ головѣ, оставляетъ сердце самому себѣ, своему своенравію и свободѣ. Путь *вѣры* искреннѣе, внутреннѣе, живѣе, многоплоднѣе и общедоступнѣе Это молитва къ единому истинному Богу о вразумленіи. Есть Богъ истинный. Онъ сказалъ Свою волю намъ въ наше спасеніе, съ желаніемъ, чтобъ она была понята и выполнена. Теперь мудрованіями людскими она скрыта или запутана до того, что тотъ или другой не имѣетъ достаточно силъ найти исходъ изъ сего лабиринта. Когда, въ чувствѣ сей кровной нужды, съ воплемъ, стенаніемъ, болѣзнію сердечною, обратится кто къ Богу, истинному Отцу всѣхъ человѣковъ, Богу, желающему, чтобы вѣра Его была дѣйственною,—можетъ ли быть, чтобъ Онъ не далъ такого рѣшительнаго

указанія къ убѣжденію въ истинѣ ея? Онъврановъ кричащихъ питаетъ, по молитвѣ посылаетъ дождь въ жажду плоти нашей... а человѣку, и еще духу его, Своему образу, томящемуся, ищущему узнать, какъ прославлять Бога, будто Онъ не укажетъ источника для утоленія сей жажды духовной? Такая молитва нисколько не есть искушеніе Бога, хотя можетъ быть превращена въ него, когда кто неискренно, изъ одного любопытства, желалъ бы такихъ законовъ. Примѣры убѣжденія въ вѣрѣ симъ путемъ почти повсюдны. Корнилій сотникъ испросилъ себѣ вѣру... Множество было такихъ, кои приходили къ пустынникамъ вопрошать о вѣрѣ, а они, вмѣсто всѣхъ доводовъ, заставляли ихъ молиться... Блаженнѣе изъ всѣхъ тотъ, кто, вмѣстѣ съ Іеронимомъ Греческимъ, можетъ сказать: «истинна вѣра, исповѣдуемая мною, ибо ею я сподобился пріять Божественную нѣкоторую силу, дѣйствующую во мнѣ ощутительно. И язычники имѣютъ писанія, храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти Боговѣдѣніе, и нѣкоторыя добрыя дѣла, и праздники, и премѣненіе одеждъ, и молитвы, и всенощныя бдѣнія, и священниковъ, и много другаго; но сей сокровенной въ сердцѣ христіанина благодати и дѣйствія Святаго Духа никто въ цѣломъ свѣтѣ не получаетъ, а получаютъ вѣрою одни правильно крестившіеся въ Отца, Сына и Св. Духа» (Хр. Чт. 1821; 11, 129). Такъ вотъ прямѣйшій путь къ открытію истинной вѣры, именно: вѣра же, молитва, непрерывность чудодѣйственности въ Церкви, и особенно, внутренняя сила, доставляемая въ вѣрѣ. Посмотри всякъ вокругъ себя и увидишь, что всѣ искренно вѣрующіе вѣруютъ по симъ основаніямъ, а не по научнымъ... Почитай, если хочешь, и научныя основанія вѣры въ какомъ-либо Православномъ Богословіи. Но сердечныя сильнѣе «и сподручнѣе».

II. Труды преосвящен. Өеофана экзегетическаго (истолковательнаго) характера.

Толкованія посланій св. Апостола Павла къ Римлянамъ въ 2-хъ книгахъ, 3 р. 60 к., къ Коринөянамъ 1-е посланіе 2 р. 10 к., къ Коринөянамъ 2-е посланіе, 1 р. 65., къ Галатамъ, 1 р. 80 к., къ Ефесеямъ, 1 р. 80 к., къ Колоссянамъ и къ Филимону, 1 р. 25 к., къ Солунянамъ 1-е и 2-е посланія и Филиппійцамъ, 1 р. 80 к., къ Титу и Тимоөею (пастырскія посланія), 2 р. 40 к., Псаломъ сто осмнадцатый, истолкованный Епископомъ Өеофаномъ, съ портретомъ автора, 2 р. Тридцать третій псаломъ, истолкованный имъ же. 45 к. Разрѣшеніе недоумѣній при чтеніи притчи о неправедномъ приставникѣ, и обѣтованіе тѣмъ, кои все оставляютъ ради царствія Христова (толкованіе Евангельской притчи), 15 к. Евангельская исторія о Богѣ Сынѣ,—воплотившемся нашего ради спасенія, въ послѣдовательномъ порядкѣ изложенная словами св. Евангелистовъ, съ предисловіемъ 1 р., безъ предисловія 75 к.

Особенность истолковательныхъ трудовъ преосвященнаго Өеофана состоитъ въ томъ, что они, служа опорою и подтвержденіемъ его нравственно-богословскихъ взглядовъ, въ то же время сами представляютъ собою живую проповѣдь. Не то, чтобы авторъ не заботился о научной сторонѣ дѣла при выясненіи смысла священнаго текста—нѣтъ, всюду онъ стоитъ на высотѣ современной науки, но чисто ученая работа не заслоняетъ другой, важнѣйшей стороны дѣла: авторъ при выясненіи священнаго текста ни на минуту не упускаетъ изъ вида того, чтобы живое и дѣйственное слово Божіе проникло до сердца читателя и возбуждало въ немъ искру Божественной ревности служить Богу. Высокій прообразъ истолковательныхъ трудовъ такого рода мы находимъ развѣ только у древнихъ отцевъ Церкви, особенно во вдохновенныхъ толкованіяхъ св. Іоанна Златоуста. Для характе-

ристики экзегетическихъ трудовъ преосвященнаго мы воспользуемся тѣмъ же отзывомъ коммиссіи профессоровъ СПБ. Д. Академіи, о которомъ мы уже не разъ упоминали.

«Всѣ эти труды имѣютъ высокое достоинство и значеніе въ нашей литературѣ по изъясненію Священнаго Писанія. Отличаясь самостоятельностью въ смыслѣ независимости отъ западныхъ ученыхъ пособій и отечественныхъ опытовъ, затѣмъ — глубиною, основательностью, полнотою, замѣчательной ясностью и точностью изложенія, они вполнѣ удовлетворяютъ насущнѣйшимъ нуждамъ и цѣлямъ богословской и именно православной экзегетики. Характерная ихъ черта состоитъ въ томъ, что главнѣйшими руководителями преосв. автора въ его истолковательныхъ трудахъ были св. отцы и учители церкви.

«Вотъ почему при объясненіи 118 псалма преосв. авторъ, несомнѣнно знакомый съ еврейскимъ текстомъ, держится однако исключительно греко-славянскаго текста. По греческому тексту читали и толковали этотъ замѣчательный псаломъ древніе толкователи: св. Амвросій, блаж. Августинъ, блаж. Өеодоритъ, св. Иларій и др. По ихъ слѣдамъ идетъ неуклонно и преосв. Өеофанъ и частію при помощи своихъ руководителей, частію чрезъ собственныя глубокія и всестороннія размышленія и наблюденія, даетъ такое превосходное толкованіе названнаго псалма, что, смѣемъ думать, и самый взыскательный образованный православный читатель ни мало не посѣтуетъ на автора за отсутствіе въ его толкованіи разнаго рода филологическихъ замѣчаній, по сравненію греческаго переводнаго текста псалма, а вмѣстѣ и славянскаго, съ подлиннымъ еврейскимъ. Что касается, впрочемъ, греческаго текста, то какъ здѣсь—въ толкованіи псалма, такъ и въ толкованіи посланій Ап. Павла преосв. авторъ, хотя и не выписываетъ его цѣликомъ, постоянно однако держитъ его, такъ-сказать, въ своей памяти, при объясненіи каждаго

славянскаго слова или выраженія дѣлая неопустительно, во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ, необходимыя филологическія сравненія и разъясненія двухъ текстовъ, такъ что и для филологически образованнаго читателя толкованія его представляютъ несомнѣнное значеніе и интересъ.

«Нельзя не отмѣтить другой, важной въ богословскомъ отношеніи, черты въ толкованіяхъ преосвященнаго Ѳеофана. Внимательный читателъ находитъ въ нихъ не только все нужное для полнаго и яснаго пониманія священнаго текста, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко продуманное и прочувствованное разъясненіе множества разнаго рода догматическихъ, въ особенности же нравственныхъ христіанскихъ истинъ, понятій, вопросовъ,—каковы, напримѣръ, понятія и вопросы о грѣхѣ и злѣ, о нашемъ искупленіи и оправданіи во Христѣ Іисусѣ, объ отношеніи благодати Божіей и нашей человѣческой свободы, о предопредѣленіи и т. п. И въ толкованіи посланій Апостола Павла авторъ видимо былъ озабоченъ тѣмъ же,—на что онъ самъ ясно указываетъ, какъ на главную свою заботу при толкованіи 118-го псалма (стр. 458),—именно тѣмъ, чтобы дать читателю сколько необходимое для него объясненіе истиннаго смысла словъ Апостольскихъ, столько же и разъясненіе того, какъ, въ какой связи стоитъ та или другая высказанная Апостоломъ догматическая или нравственная истина, то или другое указываемое имъ дѣло, явленіе домостроительства нашего спасенія въ ряду или цѣпи другихъ истинъ, другихъ подобныхъ же дѣлъ и явленій. И все это излагается у преосвященнаго автора, какъ и самыя толкованія, въ самой простой общедоступной формѣ, языкомъ, напоминающимъ болѣе живую, разговорную, чѣмъ книжную рѣчь.

«На всякомъ серьезномъ, понимающимъ высокую важность своего дѣла, толкователѣ Свящ. Писанія лежитъ между прочимъ обязанность умѣть не только передать смыслъ откры-

ваемаго въ Словѣ Божіемъ, но и дать по возможности понять и почувствовать читателю сокрытую для него въ этомъ словѣ Божественную духовную силу и жизнь. И въ этомъ отношеніи толкованія преосвященнаго Θеофана справедливо можно назвать образцовыми. Толкованія его читаются съ глубокимъ назиданіемъ. Подобно своимъ неизмѣннымъ руководителямъ св. отцамъ и учителямъ церкви и по большей части ихъ же словами, авторъ постоянно преподаетъ читателю то одни, то другіе нравственные уроки, вводитъ его въ созерцаніе и оцѣнку, на основаніи сказаній Слова Божія, различныхъ положеній и состояній сокровенной внутренней духовной жизни человѣка — христіанина. Толкованіе 118-го псалма ведется сплошь въ такомъ именно нравоучительномъ духѣ, какъ это вполнѣ отвѣчаетъ и самому содержанію этого высокопоучительнаго псалма; такимъ же характеромъ запечатлѣны и всѣ толкованія его на посланія Апостола Павла.

«Не останавливаемся особо на оцѣнкѣ предпосланныхъ у преосвященнаго Θеофана толкованію каждаго изъ посланій Апостола Павла такъ-называемыхъ «введеній», въ которыхъ излагаются обычныя историческія свѣдѣнія: о ихъ происхожденіи, поводѣ къ написанію, времени и мѣстѣ написанія и т. п. Подобныя «введенія» во всѣхъ комментаріяхъ предпосылаются обыкновенно въ краткомъ видѣ, съ точнымъ изложеніемъ свѣдѣній, существенно необходимыхъ читателю главнымъ образомъ для правильнаго историческаго пониманія изъясняемаго Писанія. И этой практической цѣли вполнѣ удовлетворяютъ толкованія преосвященнаго автора; онъ умѣетъ въ немногомъ,—какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ,— сказать многое, съ полнымъ научнымъ авторитетомъ и основательностью. Такимъ же глубокимъ знатокомъ Свящ. Писанія и вмѣстѣ высокопреосвященнымъ богословомъ является преосвященный Θеофанъ и въ послѣднемъ изданномъ имъ трудѣ,—въ книгѣ подъ заглавіемъ. «Евангельская исторія о

Богѣ Сынѣ, воплотившемся нашего ради спасенія, въ послѣдовательномъ порядкѣ изложенная словами св. Евангелистовъ, съ указаніемъ оснований, почему именно такой, а не другой избранъ порядокъ послѣдованія Евангельскихъ событій однихъ за другими». Здѣсь авторъ представилъ не единственный, правда, въ нашей отечественной литературѣ, но во всякомъ случаѣ единственно законченный и болѣе совершенный опытъ рѣшенія одной изъ труднѣйшихъ задачъ экзегетики по отношенію къ Четвероевангелію, именно опытъ сведенія во едино, соглашенія сказаній всѣхъ четырехъ Евангелистовъ и изложенія событій Евангельской исторіи въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ. Для рѣшенія этой нелегкой задачи издавна предлагались, какъ показываетъ исторія такъ-называемой гармонистики Евангелій, самыя разноообразныя правила и способы. Ихъ отлично знаетъ, очевидно, преосвященный авторъ, хоть по обыкновенію и не входитъ въ ученую критику ихъ, устанавливая взамѣнъ того свой способъ для достиженія означенной цѣли. И нельзя не согласиться, что указываемый имъ путь послѣдовательнаго построенія Евангельской исторіи есть наиболѣе надежный путь изъ доселѣ указываемыхъ; наиболѣе надежный уже потому, что онъ вставляетъ въ опредѣленныя рамки разнаго рода ученыя соображенія и предположенія, основанныя «на какихъ-либо указаніяхъ въ свойствѣ событій или въ соотношеніяхъ или въ сказаніяхъ о нихъ». «безъ соображеній, справедливо замѣчаетъ преосвященный авторъ, конечно, нельзя обойтись; но ихъ надо вставить въ опредѣленную рамку, иначе они, какъ вольныя птички, будутъ разлетаться въ разныя стороны» (стр. 7). Такою рамкою и служатъ четыре правила, изъ которыхъ главное и основное слѣдующее: «должно держаться того порядка» Евангельскихъ событій, котораго держатся два Евангелиста; ибо коль скоро два согласны, то на другой сторонѣ остается только одинъ, который долженъ уступить двоимъ» (стр. 3).

Все это излагается въ обширномъ предисловіи къ читателямъ. Въ этомъ предисловіи, имѣющемъ безспорно не малое научное значеніе, преосвященный авторъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предварительный пересмотръ всѣхъ Евангельскихъ сказаній съ цѣлію установленія, по изложеннымъ имъ правиламъ, теченія Евангельскихъ событій (стр. 7 и дал.); предлагаетъ за симъ соотвѣственный тому конспектъ Евангельской исторіи, съ обозначеніемъ главныхъ ея частей и всѣхъ подраздѣленій; далѣе—подробное Оглавленіе содержанія Евангелій и наконецъ послѣ такого введенія—самую исторію Евангельскихъ событій, послѣдовательно изложенную словами св. Евангелистовъ. Въ самомъ изложеніи св. исторіи авторъ дѣлаетъ все возможное для представленія въ ясномъ видѣ послѣдовательнаго теченія Евангельскихъ событій. О большой практической пользѣ этого труда преосвященнаго Ѳеофана, какъ пособія при чтеніи и изученіи Евангельской исторіи, едва ли нужно говорить что-либо. Научнаго же значенія нельзя не признать даже строгому критику. Хотя преосвященный авторъ и говоритъ въ предисловіи (стр. 7), что установливаемое имъ, на основаніи извѣстныхъ правилъ соглашенія Евангелій, теченіе Евангельскихъ событій «опредѣляютъ главнымъ образомъ глаза» и слѣдовательно «сочетаніе ихъ во едино есть трудъ преимущественно механическій», но на самомъ дѣлѣ, какъ нетрудно понять, въ основѣ его лежитъ глубокое и основательное изученіе текста св. Евангелій, безъ чего немыслимо даже и приступить къ подобному труду, не говоря уже объ его выполненіи и такомъ предисловіи, какое предпослалъ своему труду авторъ.

«Такимъ образомъ въ обоихъ вышеуказанныхъ родахъ богословскихъ произведеній преосвященный Ѳеофанъ является выдающимся, оригинальнымъ, русскимъ православнымъ богословомъ, своими трудами сильно возбуждающимъ нашу отечественную богословскую мысль, внесшимъ не мало въ наше

научное богословское сознаніе, обогатившимъ нашу богословскую литературу многочисленными, самостоятельными и высокоцѣнными трудами, а потому вполнѣ справедливо пользующимся почетною извѣстностью.

«Въ виду всего вышеизложеннаго, коммиссія мнѣніемъ своимъ полагаетъ, что совѣтъ академіи, присудивъ преосвященному Ѳеофану степень доктора богословія, исполнитъ только долгъ, давно лежащій на высшей духовной школѣ».

III. Переводные труды.

Переходя къ переводамъ свято-отеческихъ твореній преосвященнаго Ѳеофана, мы ограничимся лишь указаніемъ на громадность его трудовъ и въ этой области. Это—благодатное море, достаточное для утоленія душъ, жаждущихъ духовнаго просвѣщенія и руководства. Нельзя не выразить пожеланія, чтобы изданъ былъ по возможности въ скорѣйшемъ времени указатель къ этому сокровищу духовнаго назиданія...

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ первый* (667 стран.). (3 р. 70 к.). (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Антонія Великаго, Макарія Великаго, аввы Исаіи отшельника, Марка подвижника и аввы Евагрія).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ второй* (810 стран.). (4 р.). (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Іоанна Кассіана Римлянина, Исихія пресвитера Іерусалимскаго, Нила Синайскаго, Ефрема Сиріанина, Іоанна Лѣствичника, Варсануфія и Іоанна, аввы Дороѳея и Исаака Сиріанина).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ третій* (488 стр.). (2 р. 75 к.). (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Діадоха, Іоанна Карпаѳскаго, аввы Зосимы, Максима исповѣдника, Ѳалассія, Ѳеодора, Ѳеогноста, Филоѳея Синайскаго, Иліи пресвитера, сказаніе объ аввѣ Филимонѣ).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ четвертый* (около 690 стран.). (3 р. 75 к.). (Томъ сей составляетъ извлеченія изъ всѣхъ извѣстныхъ теперь, и въ печати и въ рукописяхъ, поученій преподобнаго и богоноснаго отца нашего Өеодора Студита. Книга эта, по словамъ преосвященнаго переводчика, для монастырскихъ братій неоцѣненная, но и для міряйъ найдется въ ней не мало полезнаго. См. предисловіе къ сему тому).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ пятый* (528 стр.). (3 руб.). (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: св. Симеона новаго Богослова, старца Симеона благоговѣйнаго, Никиты Стиөата, Григорія Синаита, Никифора уединенника, Григорія Паламы, Каллиста Патріарха и сподвижника его Игнатія Ксанөопуловъ, Каллиста Тиликуды,Симеона Архіепископа Солунскаго и друг.).

Древніе иноческіе уставы: пр. Пахомія Великаго, св. Василія Великаго, пр. Іоанна Кассіана и пр. Венедикта, собранные Епископомъ Өеофаномъ (около 660 стран., большого формата). (4 р.).

«Древность передала намъ четыре иноческихъ устава, говоритъ святитель, появившихся не въ одно время и не въ однихъ мѣстахъ, но въ совершенно одинаковомъ духѣ, и даже въ одинаковыхъ выраженіяхъ и очертаніи. Предлагая ихъ вниманію иноковъ и всѣхъ благочестивыхъ христіанъ, надѣемся доставить имъ чрезъ то не малое духовное утѣшеніе, давая имъ возможность удостовѣриться, что иночество также древне, какъ само христіанство, и требуется самымъ духомъ христіанства, и что нашъ образъ иночествованія согласенъ съ первоначальнымъ и съ тѣмъ, въ какомъ оно было держимо въ Церкви во все время—отъ начала до насъ»... (Предислов. къ уставамъ).

Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима святогорца (1 р.).

Въ *предисловіи* къ сей книгѣ старецъ Никодимъ говоритъ: настоящая душеполезная книжица справедливо носитъ данное ей наименованіе: «Невидимая брань». Ибо она поучаетъ о брани мысленной и невидимой, какую каждый христіанинъ воспріемлетъ съ того часа, какъ окрестится и даетъ предъ Богомъ обѣтъ воевать за Него даже до смерти, и о врагахъ безтѣлесныхъ и не явныхъ, кои суть различныя страсти и похотѣнія плоти, и демоны злые и человѣконенавистные, день и ночь не перестающіе воевать противъ насъ... Здѣсь — здѣсь, въ этой Невидимой брани (то-есть въ книгѣ), или лучше сказать въ этой *Брани Господней*, воины Христовы поучаются познанію различныхъ прелестей, многообразныхъ козней, недомыслимыхъ лукавствъ и хитростей воинскихъ, которыя употребляютъ противъ нихъ мысленные супостаты... Научаясь же распознавать все сіе, они и сами при этомъ умудряются, какъ разрушать такія козни враговъ и противоборствовать имъ... И коротко скажу, этою книгою всякій человѣкъ, желающій спасенія, научается, какъ побѣждать невидимыхъ враговъ своихъ, чтобы стяжать сокровища истинныхъ и божественныхъ добродѣтелей, и за то получить нетлѣнный вѣнецъ и залогъ вѣчный, который есть единеніе съ Богомъ, и въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. Переводъ епископа Θеофана съ новогреческаго языка *вып. перв.* (1 р. 80 к.).

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. *Выпускъ второй* (2 р. 20 к.).

Главный предметъ наставленій св. Симеона — дѣланіе во Христѣ сокровенное. Онъ объясняетъ пути внутренней брани; обучаетъ мѣрамъ совершенствованія наипаче духовнымъ; заставляетъ подвизаться преимущественно противъ духовныхъ страстей, противъ помысловъ и движеній грѣховныхъ. Не отвергая внѣшнихъ подвиговъ, ни чина ихъ, но уча блюсти ихъ, онъ требовалъ борьбы съ грѣхолюбивою душею и про-

ходя самъ, при содѣйствіи благодати, путь скорбей внутреннихъ, требовалъ того же и отъ другихъ... Сочиненіе его — богатѣйшая сокровищница мыслей о жизни духовной, съ силою дѣйствующихъ на душу, жаждущую благочестія. Св. Симеонъ названъ Новымъ Богословомъ потому, что онъ преподавалъ такія глубокія тайны внутренняго подвижничества, о какихъ давно не слыхали. Онъ образовалъ новыхъ учениковъ,—ревнителей созерцательной жизни; впослѣдствіи еще болѣе, чѣмъ при жизни, наставленія его получили силу въ общемъ мнѣніи. Скончался въ 1032 году. (Историч. ученіе объ отцахъ церкви Филарета А. Черниговскаго. Томъ 3-й, стр 305).

Обозрѣвая это неизмѣримое духовное наслѣдіе, оставленное преосвященнымъ Ѳеофаномъ, соображая его многоцѣнность, невольно приходишь къ заключенію, что труды святителя составятъ эпоху не только въ развитіи православной богословской науки, но и въ нашемъ общественномъ развитіи, невольно согласишься съ тѣмъ, что «имя его, можно быть увѣреннымъ, не угаснетъ съ его кончиной, а напротивъ съ поднятіемъ духовнаго самосознанія въ обществѣ будетъ пріобрѣтать все больше извѣстности и славы, какъ имя великаго духовнаго просвѣтителя, умѣвшаго давать отвѣты на самые насущные вопросы духовной жизни» (*Церк. Вѣстникъ* 1894 г. № 4).

Многіе изъ вышепоименованныхъ трудовъ святителя печатались на страницахъ духовнаго журнала *Душеполезное Чтеніе* и издавались при посредствѣ редакціи этого журнала, къ которой святитель относился *всегда*, до конца дней съ неизмѣннымъ и трогательнымъ довѣріемъ, какъ можно видѣть это изъ «Писемъ къ близкому родственнику». Затѣмъ — его труды печатались и издавались стараніями и издержками его племянника А. Г. Говорова и русскаго Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря. Самъ святитель ничего не получалъ

за свои труды, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ, предназначавшихся для безплатной раздачи. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы изданіе его многополезныхъ трудовъ являлось необременительнымъ для покупателей и хотя отчасти вознаграждало труды и хлопоты издателей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его обильная переписка съ своимъ родственникомъ и со старцами Аѳонскаго монастыря, печатающаяся на страницахъ *Душеполезнаго Чтенія*. Эта переписка, можно сказать, была единственнымъ «дѣловымъ» отношеніемъ къ внѣшнему міру за все время его затворнической жизни... Здѣсь мы не говоримъ конечно о трогательно-нѣжной заботливости, съ какою онъ относился къ судьбѣ своего родственника-питомца, равно какъ и объ его многообильной переписке со всѣми, кто жаждалъ его духовныхъ совѣтовъ. Можно лишь изумляться громадности труда, который уходилъ на эту переписку, судя по тому, что уже напечатано и печатается въ разныхъ духовныхъ изданіяхъ. Здѣсь мы ограничимся пожеланіемъ, чтобы вся переписка святителя была собрана въ отдѣльные сборники для руководства всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы ни одна строка почившаго архипастыря не пропала для будущаго біографа и историка. *)

ГЛАВА VII.

Изъ затвора.

«Нѣтъ ничего на свѣтѣ краше Вышенской пустыни»! часто говаривалъ до своего затвора приснопамятный святитель Ѳеофанъ.

Отъ Шацка, уѣзднаго города Тамбовской губерніи, Вышенская пустынь находится на разстояніи 25 верстъ. На

---

*) *Собраніе писемъ святителя Ѳеофана* издается Аѳон. Пантелеимоновымъ монастыремъ. Доселѣ (1905 г.) издано *восемь* выпусковъ; Цѣна каждаго выпуска 75 к., съ перес. по 1 руб.—Изданъ также и „Указатель къ письмамъ святителя Ѳеофана, заключающихся въ 8-ми выпускахъ.“ Цѣна 20 к., съ перес. 30 коп.

полдорогѣ вы встрѣтите большое село Конобѣево, на рѣкѣ Цнѣ. Отъ Конобѣева дорога идетъ широко разстилающимися полями, потомъ начинается сосновый боръ. Верстъ пять легко пройти по лѣсу, вдыхая ароматическій лѣсной воздухъ. Но вотъ вы на опушкѣ лѣса, и предъ вами открываются уже главы церквей и колоколенъ уединенной отъ шума и суеты обители. Но нужно пройти еще полемъ версты 3—4.

Прекрасна Вышенская обитель, когда она предстанетъ впервые вашему взору. Сосновый боръ окружаетъ ее зеленовато-синей каймой, зеленые куполы вполнѣ отвѣчаютъ общему характеру ландшафта, и лишь позолоченые кресты, какъ звѣзды, сіяя въ вышинѣ, царятъ надъ этой мирной обителью. Все такъ тихо, спокойно кругомъ. Ничего выдающагося, бросающагося въ глаза, какъ и въ большинствѣ нашихъ обителей, но эта ровная, спокойная внѣшность, эта благодатная тишина, прерываемая по временамъ иногда удивительно-музыкальнымъ звономъ, успокоительно дѣйствуютъ на душу...

У подножія Вышенской обители протекаетъ, омывая ее правымъ берегомъ, рѣчка Выша, впадающая въ Цну. На отлогомъ берегу рѣки расположены гостинницы. Помѣщенія въ гостинницахъ, съ лошадьми и экипажами, безплатныя. Богомолецъ—простолюдинъ въ теченіе трехъ дней пользуется и даровою трапезой, а если пожелаетъ поговѣть, то и въ теченіи цѣлой недѣли.

Путешествіе на Вышу всего лучше предпринять въ началѣ іюля, къ 6 — и 8 числамъ. Мы сейчасъ объяснимъ, почему такъ.

8 іюля—праздникъ Казанской Божіей Матери. На Вышѣ находится знаменитая чудотворная икона Царицы Небесной. Прекрасный пятиглавый соборъ въ честь Казанской иконы Божіей Матери вмѣщаетъ въ себѣ великую святыню.

Въ 1812 году Москва была занята непріятельскими пол-

чицами. До вступленія въ городъ непріятеля одна изъ московскихъ монахинь, Миронія, въ числѣ многихъ другихъ, выѣхала изъ Москвы и взяла вмѣстѣ съ собою принадлежавшую ей, весьма древнюю и глубоко чтимую ею, икону Казанской Божіей Матери. На дорогѣ въ Тамбовъ, монахиня съ ужасомъ замѣтила, что извощикъ, везшій ее, начинаетъ сворачивать съ дороги въ лѣсъ... Замыселъ ограбить беззащитную пассажирку былъ очевиденъ. Въ эти минуты Миронія, быстро взявши въ руку святую икону, съ горячей вѣрой и со слезами начала молиться. Ей ясно послышался голосъ, исходившій отъ иконы: «не бойся! Я — твоя заступница»! У возницы вдругъ потемнѣло въ глазахъ. Въ ужасѣ онъ принесъ покаяніе въ зломъ умыслѣ и получилъ исцѣленіе. Миронія принесла святую икону въ даръ Вышенской пустыни.

«Множество записано чудесныхъ сказаній о святой Вышенской иконѣ Казанской Божіей Матери, пишетъ лицо, съ дѣтства посѣщавшее Вышенскую пустынь, — но много осталось и не записанныхъ, а передавалось устно. Одно событіе въ моей памяти позволяю себѣ передать; это было лѣтомъ 1848 г.; время было знойное, въ Тамбовской губерніи стояла засуха, опасались голода, свирѣпствовала холера въ г. Шацкѣ, истреблявшая ежедневно множество жертвъ. Ежели въ небольшомъ городѣ по нѣскольку покойниковъ несли на кладбище, то можно представить, что же было въ большихъ городахъ Тамбовской губерніи, да и не одной Тамбовской, а чуть ли не въ четверти Россіи умирали сотнями. Шацкимъ купцамъ пришла благая мысль поднять святую икону Вышенской пустыни... Назначенъ день встрѣчи. Обильныя слезы умиленія лились изъ глазъ всѣхъ вышедшихъ на околицу Конобѣевской дороги. Давно уже во всѣхъ десяти церквахъ гудѣлъ праздничный благовѣстъ, давно стояло все городское и слободское духовенство въ праздничныхъ ризахъ,

дожидаясь появленія св. иконы Божіей Матери. Хоругви всѣхъ церквей развѣвались въ воздухѣ, кадильный дымъ ѳиміама облаками возносился къ небу. И вотъ вдали появился ликъ Богоматери, дали знакъ къ ближайшей пригородной Покровской церкви; тамъ зазвонили и въ ту же минуту благовѣстъ смѣнился торжественнымъ звономъ во всѣхъ городскихъ и пригородныхъ церквахъ. Икона внесена была въ соборъ, совершена всенощная, а на другой день литургія, послѣ которой положено было обойти подрядъ всѣ до одного дома для молебнаго пѣнія. Когда по очереди подошли къ дому одной благочестивой старицы, по имени Натальи Денисьевой, она упала на колѣна и въ невыразимой радости и со слезами умиленія встрѣтила дорогую *ношу* усердствующихъ. Мнѣ было тогда 8 лѣтъ, я стоялъ на ближайшей Рождественской колокольнѣ и смотрѣлъ въ пролетъ. Переходъ иконы отъ дома къ дому сопровождался звономъ. Какъ сейчасъ помню эту умилительную толпу народа, сопровождавшую св. икону, въ предшествіи монаховъ. Во время молебна въ домѣ благочестивой старушки, на юго-западной сторонѣ безоблачнаго нѣба показалась черная точка. Точка быстро возрастала и подвигалась къ городу. Черезъ нѣсколько минутъ это была уже цѣлая черная туча и у самой церкви разразился страшный ударъ. Послѣ этого удара полился сильный дождь, напоившій всю изсохшую землю, и ожили поля, сады и огороды Съ этого дня царство смерти уступило царству жизни. Холера съ каждымъ днемъ быстро уменьшалась, голодъ миновалъ, и жители города положили ежегодно принимать Царицу Небесную»...

Такъ пишетъ очевидецъ, близко знакомый съ Вышенской обителью и съ ея судьбами послѣднихъ десятилѣтій. И вполнѣ понятно, что 8-е іюля особенно торжественно празднуется на Вышѣ.

Чтители и любители строгой иноческой жизни давно уже

знали о Вышенской обители. Долго не забудетъ она своего приснопамятнаго игумена Тихона, 44 года подвизавшагося на благо и духовное процвѣтаніе Вышенской пустыни и скончавшагося 1844 года 7 іюня. Но съ 6 января 1894 года скромная пустынь сдѣлалась извѣстною и всей православной Руси... Безъ сомнѣнія всѣ, кто знали святителя Ѳеофана при жизни и получали отъ него неоцѣненное сокровище духовной помощи и вразумленія, кто зналъ почившаго по его дивнымъ твореніямъ или кто только слышалъ объ его изумительномъ духовномъ подвигѣ, навѣрное вспомнятъ этотъ день, а многіе, безъ сомнѣнія, и поспѣшатъ на Вышу. Такъ недавно вѣдь еще окончилось его пребываніе на землѣ, такъ недавно еще раскрылись двери его келліи, недоступныя для посѣтителей въ теченіе долгаго ряда годовъ. Такъ недавно еще обитала въ смиренной келліи душа, всецѣло устремленная къ небу и, если обращавшаяся къ землѣ, то лишь для того только, чтобы оказать духовную помощь всѣмъ, ищущимъ ее, принять слезную мольбу о молитвѣ предъ Богомъ, или для того, чтобы оставить по себѣ богатое духовное сокровище для всѣхъ, кто пожелалъ бы слѣдовать узкою стезею на пути къ вѣчному блаженству.

Если хотите, читатель, освѣжить душу духовными впечатлѣніями, посѣтите Вышенскую пустынь...

«Въ пятидесятыхъ годахъ, пишетъ тотъ же близкій наблюдатель, нерѣдко приходилось мнѣ ночевать на Вышѣ, у родственника своего, іеромонаха Даніила... Я хорошо зналъ обстановку келлій и у другихъ монаховъ. Небольшая комната, въ переднемъ углу иконы, тутъ же простой столъ, одна скамейка или табуретъ, одна кроватъ: вотъ и все богатство монаха того времени; ни шкафовъ, ни комодовъ, ни сундуковъ и ничего другого. Платье и обувь тоже все на виду: подряска и мантія на гвоздѣ, а чоботы на ногахъ,

даже сапоги имѣлись только у тѣхъ монаховъ, которые ѣздили по исполненію послушанія въ городъ или другія мѣста, а для всѣхъ и на повседневное употребленіе одни только чоботы и толстые рядовые чулки, двѣ три перемѣны бѣлья, клобукъ, чотки, вотъ и все богатство монаха. Къ этому добавить развѣ, что каждый монахъ съ крестомъ тѣльникомъ обязательно носитъ на спинѣ «параманъ» — четырехъ-угольную ткань величиной 2 — 3 вершка, привѣшиваемую на тесьмахъ, въ срединѣ парамана крестъ, по сторонамъ копье, трость и проч., а на четырехъ сторонахъ по краямъ надпись: «азъ язвы Господа моего на тѣлѣ моемъ ношу»...

«Въ три часа ночи, по первому удару колокола, Тихонъ самъ шелъ къ Божественной службѣ; за нимъ шли всѣ монахи, имѣющіе клобуки и мантіи, обязательно въ этихъ иноческихъ одѣяніяхъ; утреня идетъ по уставу обители студійскія: каѳизмы всѣ прочитываются, псалмы поются, поученіе говорится, стихиры, тропари, кондаки и др. пѣснопѣнія, положенныя на извѣстный день, вполнѣ, безъ опущенія, чинно, благолѣпно, съ великимъ усердіемъ исполняются. Божественная литургія еще болѣе умиляетъ душу каждаго вѣрующаго и вызываетъ слезы и радость и благоговѣніе»...

«Послѣ небольшаго обѣденнаго отдыха, въ 4 часа колоколъ призываетъ монаховъ къ вечерней молитвѣ. Кромѣ общеположенныхъ пѣснопѣній и молитвъ по уставу Церкви, совершаются особыя молитвословія устава и правила монашескаго, состоящія изъ канововъ Спасителю, Божіей Матери и Ангелу Хранителю, съ земными поклонами. На этихъ богослуженіяхъ должны быть всѣ монахи... Послѣ каждаго прочитаннаго посреди церкви стиха тотъ или другой клиросъ поютъ по ходу канона:

«Іисусе сладчайшій, спаси насъ грѣшныхъ»...

«Пресвятая Богородица, спаси насъ грѣшныхъ».

«Святые Ангелы, хранители наши, молите Бога о насъ грѣшныхъ».

Эти глубоко прочувствованные молебные вопли, исполняемые звучнымъ вразумительнымъ чтеніемъ и стариннымъ, какъ бы изъ катакомбъ первыхъ христіанъ выходящимъ, пѣніемъ способны каждаго, кто хотя разъ простоялъ вечерню на Вышѣ, навсегда расположить къ себѣ».

Такъ было въ пятидесятыхъ годахъ. Такъ ли теперь? За это ручается намъ имя о. архимандрита Аркадія, настоящаго игумена обители, человѣка близкаго къ покойному святителю Ѳеофану. Твердой рукою держитъ онъ пастырскій жезлъ и свято хранитъ уставъ обители...

Здѣсь-то, среди впечатлѣній монастырской жизни, со всей живостью встанетъ предъ очами души величавый образъ подвижника. Яснѣе откроется намъ тайная сила, воспитавшая учителя-безмолвника. Яснѣе раскроется предъ вами смыслъ его дивныхъ твореній, а вмѣстѣ съ тѣмъ вы почувствуете, именно почувствуете тѣ родники духовной жизни, которыя доселѣ питаютъ вѣрующія души... Вы душею сроднитесь ближе съ почившимъ святителемъ, помолитесь о упокоеніи души его у его свѣжей могилы и о томъ, чтобы и онъ не забылъ васъ у престола Всевышняго...

Въ общихъ и существенныхъ чертахъ мы уже познакомились съ затворнической жизнью великаго святителя—подвижника. Непрестанное Богомысліе, подвиги Богоугожденія и молитвы—это главное. Изумительно—обильные литературные труды—второе. Огромная переписка—третье. Занятіе разнаго рода рукодѣліями, главнымъ же образомъ иконописаніемъ въ видѣ отдыха—четвертое... Но какъ бы хотѣлось, такъ сказать, поближе подойти къ личности святителя, познакомиться хотя съ нѣкоторыми частными случаями изъ его долгой затворнической жизни... Въ этомъ отношеніи переписка преосвященнаго съ его любимымъ племянникомъ А. Г. Говоровымъ представляетъ для насъ драгоцѣннѣйшій источникъ.

Она обнимаетъ весь періодъ его полнаго затвора—съ 1872 года почти по самый день его блаженной кончины.

Разставшись съ своимъ племянникомъ и воспитанникомъ, святитель не переставалъ съ нѣжной и трогательной заботливостью интересоваться его судьбой, не только въ одномъ смыслѣ матеріальнаго благоустройства...

При извѣстіи о полученіи А. Г. Говоровымъ мѣста судебнаго слѣдователя въ Москвѣ преосвященный писалъ отъ 29 ноября 1873 года.

«Должность твоя требуетъ пунктуальнаго исполненія постановленій суда. Но есть иногда мѣсто и произволу. Всякій разъ, какъ только можно оказать снисхожденіе и утѣшеніе доставить, не упускай этого случая. Одна коротенькая молитва за тебя по сему случаю будетъ сильнѣе ста твоихъ длинныхъ молитвъ».

При извѣстіи о вступленіи въ бракъ отъ 18 Апр. 1876 г.:

«Гору съ плечъ ты свалилъ, написавши то, что написалъ.

Очень радъ твоему счастію. Богъ послалъ. Благословляю щедрую руку Его. Самъ же озаботься только тѣмъ, чтобъ не потерять даннаго.

Теперь вѣрно бракъ твой уже совершился, и ты живешь съ своею супругою. Благослови васъ, Господи, и надѣли всякими радостями. Принимаю въ родственное расположеніе твою супругу.

Вотъ ты теперь хозяинъ съ хозяйкою. Запиши, что отселѣ вы становитесь родоначальниками новаго поколѣнія. Надо такъ вести дѣло, чтобъ дѣтямъ не только оставить наслѣдство, но и напередъ дать имъ тѣло здоровое и душу бравую»...

Благословивъ бракъ и привѣтствовавъ молодыхъ искренними пожеланіями невозмутимаго семейнаго счастія, преосвященный часто высказывалъ совѣты относительно мудрой и истинно-христіанской жизни. Отъ 9 іюля 1876 года онъ писалъ:

Очень радъ, что совершился наконецъ бракъ твой. Благослови тебя Господи! Молюсь всегда, чтобы Господь во всемъ благопоспѣшилъ тебѣ...

Хорошо ты дѣлаешь, что все дома. Худо, когда кто въ семьѣ своей не находитъ себѣ счастія. Если находишь, благодари Господа. Но постарайся, чтобъ и всегда такъ было. Искусство одно: всякій день начинать такъ, какъ бы онъ былъ первый послѣ свадьбы.

Учись однако жить. Мудрость большая... Но страхъ Божій всему научитъ...

Если удосужусь, сдѣлаю тебѣ копію съ нашей чудотворной иконы и пришлю».

Отъ 2 сентября 1876 года:

«Хорошо, что ты каешься въ лѣности писать. Нужды большой для меня въ этомъ нѣтъ. Но для меня очень желательно знать, какъ тебѣ живется. Мнѣ утѣшительно знать, что ты счастливъ. Берегите съ женою взаимно свою любовь. Въ этомъ источникъ счастливой семейной жизни. Но надо блюсти его, чтобы не засорился»...

На родственныя привѣтствія и подарки преосвященный немедленно отвѣчалъ съ своей стороны. Отъ 5 сент. 1878 года:

«Насилу успѣлъ я кое-что сработать—и посылаю. Тебѣ подчасникъ и большая книгоразрѣзка; прочее все твоей супругѣ: подчасникъ, маленькая книгоразрѣзка, этажерка на рабочій ей столъ для разныхъ вещицъ при работѣ, подсвѣщникъ со свѣчею горящею—есть игольникъ: свѣчу повернуть—она снимется. А подсвѣчничекъ съ чернымъ пьедесталомъ—обоимъ вамъ въ моленный уголъ. Потяни за шпильку,—и выйдетъ. На шпильку втыкать маленькія свѣчки. Всѣ вещицы со склейками Клей разсохнется;—и вещь разорится. Тогда распусти клей—и опять вставь, и вещь исправится. Чашечки подчасниковъ вертятся на винтѣ. Если разслабнуть, отодрать бархотку, и винтъ подвинтить. Если

винтикъ развертитъ дырку, надо купить винтикъ немного потолще, и ввинтить. Крылья, что въ большой книгоразрѣзкѣ—вялы и могутъ сломаться. Поосторожнѣй. Но если сломается,—распустить клею и приклеить, нисколько не подстригая разлома, а какъ есть.

Икону пришлю черезъ недѣлю или двѣ. Пусть высохнетъ хорошенько».

От 27 сентября 1878 года:

«Пошла икона къ вамъ. Ты ее не обдѣлывай. Пусть такъ и остается; развѣ только бордюрочку кругомъ положить—настолько, чтобъ закрыть только красную полосу... Снимокъ сдѣланъ, черта въ черту,—и величина такая. Если запыленною явится икона, маленькою губкой надо смыть или такъ смахнуть»...

Каждое событіе въ семьѣ возбуждало самое теплое участіе, особенно—рожденіе дѣтей. Отъ 13 ноября 1878 года:

«Вареньку благослови Богъ благополучно разрѣшиться.... Имена у насъ стали выбирать не по Божьему. По Божьему вотъ какъ надо. Выбирайте имя по святцамъ, или въ какой день родится дитя, или въ какой крестится, или въ промежуткѣ дня въ три по крещеніи. Тутъ дѣло будетъ безъ всякихъ человѣческихъ соображеній, а какъ Богъ дастъ: ибо дни рожденія въ рукахъ Божіихъ. И пирушки на радостяхъ о рожденіи тоже криво пошли. Если сдюжаешь, переверни на другой ладъ и это. Бѣднымъ и нуждающимся раздай, что бы слѣдовало потратить на пирушку. И это безъ всякихъ соображеній. Какихъ бѣдныхъ Богъ пошлетъ, тѣмъ и раздай. Богъ все видитъ. Говорю: если сдюжаешь. Потому что можетъ быть, очень трудно тебѣ переломить это.

Еще благословляю Вареньку. Благослови васъ Господи обоихъ,—и будущее дитя ваше».

У А. Г-ча родился сынъ, и ему дано было имя—*Тихонъ*.

Отъ 7 августа 1884 года, при полученіи извѣстія о рожденіи дочери:

«Благослови Господи вашу новорожденную Вареньку.... Показалось мнѣ, что ты не радъ. Избави Богъ тебя отъ этого. Это—грѣхъ, въ числѣ ропотливыхъ грѣховъ стоящій. Дѣтки—Божіе благословеніе, а не наказаніе. Собирайся воспитать ихъ такъ, чтобы они послѣ сами себѣ могли добывать хлѣбъ. Пусть ужъ остаются у тебя и тѣ оставшіяся за тобою деньги, на долю новорожденной. Тутъ и нянька и кормилица, если нужно».

Подобнаго рода нѣжную заботливость преосвященный проявлялъ вплоть до самой кончины. Отъ 14 октября 1893 года онъ писалъ:

«Я здоровъ, и у меня все въ порядкѣ. А вы тамъ всѣ разболѣлись. Да поможетъ вамъ Богъ всѣмъ поправиться поскорѣе!... Очень радъ, что Тихонушка (старшій сынъ А. Г. Г-ва) работаетъ. Благослови его Господи! Не всѣмъ книжниками быть. Надо быть и рабочимъ людямъ, безъ которыхъ книжники и ногой ступить не могутъ... Красавицамъ (дочери А. Г. Г-ва) рукодѣлья полезнѣе наукъ. Рукодѣлья кормятъ, а науки хлѣба просятъ, сами же только задравши носъ къ верху смотрятъ».

Въ высшей степени итересны заботы святителя объ изданіи его твореній. Какъ и во всемъ,—въ своихъ совѣтахъ занимавшемуся изданіемъ его трудовъ племяннику онъ обнаруживаетъ глубокаго знатока книжнаго и издательскаго дѣла. Его заботливость простиралась рѣшительно на все: шрифтъ, бумага, заголовки, форматъ, бордюрки и т. д.—обо всемъ этомъ онъ писалъ подробныя разъясненія... Отъ 20 ноября 1880 года преосвященный писалъ:

«Посланія къ Галатамъ нельзя рекомендовать, какъ изданіе исправленное, потому что въ немъ ничего не исправлено, исключая нѣкоторыхъ пропусковъ. Къ тому же то были оттиски,—и объ нихъ нигдѣ объявленій не было. Однакожъ оно расходится. Я даже не знаю, по какой цѣнѣ. Ну, если

кто, прочитавъ въ твоемъ объявленіи—*исправленное*... вздумаетъ купить его, не смотря на то, что имѣетъ уже изъ прежняго выхода сію книгу,—ради только того, что эта исправленная, а потомъ увидитъ, что никакого исправленія въ ней нѣтъ?!! Чай, намъ съ тобой стыдно будетъ»....

Особенную заботливость проявилъ святитель при изданіи капитальнаго труда: «Евангельская исторія, словами св. Евангелистовъ изложенная, въ послѣдоват. порядкѣ». Отъ 6 мая 1884 года онъ писалъ:

«Скоро будетъ готова,—«Евангельская исторія, словами св. Евангелистовъ изложенная, въ послѣдовательномъ порядкѣ. Мнѣ надо просмотрѣть шрифты, равно—бордюрки.... по краямъ. Надо изданіе слѣлать изящнѣйшее—какъ прилично Слову Божію»....

Отъ 17 іюня того же года:

Переписываю самъ, потому что при этомъ удобнѣе замѣчается, что подлежитъ исправленію, отмѣнѣ или прибавленію. Это продолжится добрый мѣсяцъ».

Отъ 17 сентября того же года:

«Какъ это книга священная, то надобно, чтобъ не было допущено ни одной опечатки. Такъ и толкуй съ корректоромъ. Для этого корректура дѣлается 3—4—5 разъ, пока не останется ошибокъ. Такъ вѣдь и всегда требовать должно. Но въ обычныхъ книгахъ съ рукъ сходятъ и погрѣшности. А тутъ не слѣдуетъ сего допускать»...

Отъ 10 февр. 1885 года:

«Что ты молчишь? Получилъ ли рукопись (Еванг. Исторія), и какъ наладилъ печатать?—Сейчасъ пиши... Главное—какъ корректура. Условься построже—если будутъ ошибки, то вычетъ по 50 к. за каждую ошибку. А съ своей стороны прибавь, что если не будетъ ни одной ошибки, то по 50 к. за листъ прибавимъ. Мнѣ только и нужно. Объ этомъ только и пишу.

Можетъ быть, ты поотписалъ ко мнѣ о всемъ и завтра получу. А можетъ быть придется готовить для тебя».....

Заботы объ изданіи иногда сильно утомляли преосвященнаго. Отъ 10 сент. 1880 года онъ писалъ: «теперь все сіе съ плечъ долой. Отдохнуть надо. Много хлопотъ было книжныхъ». А нѣсколько раньше, отъ 17 августа того же года: «Голова что-то работаетъ не такъ шибко, какъ прежде». Преосвященный самъ ничего не получалъ отъ своихъ изданій, какъ было сказано раньше. Но и хлопоты его племянника не всегда вознаграждались... «Денегъ у тебя нѣтъ, шутливо писалъ Владыка отъ 14 мая 1880 года, а я думалъ, что у тебя полы гнутся отъ тяжести сундуковъ.—И у меня нѣтъ денегъ. Такъ пусть подождутъ». «Книги наши туго идутъ, писалъ святитель въ другой разъ отъ 23 февр. 1884 года. Потому что вообще мало читать ихъ желаютъ. Что дѣлать?—Авось разохотятся когда нибудь»...

Въ заботахъ о своихъ изданіяхъ Владыка часто совѣтовалъ своему племяннику обращаться къ помощи и содѣйствію б. Редактора Душеполезнаго Чтенія Протоіерею В. П. Нечаеву (теперь епископу Костромскому), которому не разъ высказывалъ свою искреннюю благодарность.

Какъ уже сказано раньше, святитель всю свою пенсію тратилъ на дѣла благотворенія. Самъ онъ не принималъ никакихъ пожертвованій со стороны. Получивъ однажды 25000 рублей, въ видѣ жертвы на дѣла благотворенія, Владыка настоялъ на томъ, чтобы деньги немедленно были отправлены обратно въ тотъ же день... Но изъ своихъ скудныхъ средствъ онъ охотно дѣлился со всѣми нуждающимися и дѣлалъ самъ посильныя пожертвованія... Отъ 28 марта 1880 года онъ писалъ:

«Посылаю тебѣ Евангеліе напрестольное. Отдай его—перемѣнить бархатъ и выправить и вычистить серебряныя обложки... Переплетать вновь не нужно; оно и такъ мною обрѣ-

зано... Еще вели бумагу цвѣтную, что внутри—прямо отъ крышки идетъ—положить иную... похожую на матерію морэ... Прилагаю маленькій клочекъ. Пусть бѣлую положатъ, и поплотнѣе, а эта вяла... Это назначается въ Чернавскъ, въ церковь... Въ туже церковь, въ придѣлъ святителя Тихона нуженъ потиръ съ приборомъ. На это посылаю 100 рублей. Это можно готовый купить, мѣрку прилагаю... Потомъ къ нему уже обычно и все прочее подложено бываетъ. Дискосъ, звѣзда и лжица, копье, двѣ тарелочки, одна поменьше, другая побольше. Ко всему прибери два кадила—одно апплике, а другое серебряное... Если денегъ не достанетъ, послѣ пришлю... Все сіе устроить поспѣши,—и Евангеліе и это... Я пошлю въ Чернавскъ, чтобы къ пасхѣ поспѣло».

Отъ 3 мая 1881 года преосвященный писалъ:

«Архимандритъ Задонскій Димитрій и мнѣ прислалъ частичку св. мощей свят. Тихона. Пришло мнѣ на мысль нарисовать икону Святителя, сдѣлать на нее ризу и въ ризу вставить частичку мощей». Затѣмъ преосвященный проситъ поискать мастера—недорогаго.

Отъ 1 іюля 1881 года:

«Теперь о цѣнѣ. Цѣна крѣпко велика... Я полагаю, что заказная риза, хорошо сдѣланная, не должна стоить болѣе 75 р. И это красная цѣна. Такъ и скажи мастеру... Ты милліонеръ и махаешь такъ деньгами.... Переговори съ мастеромъ и спроси, согласенъ ли онъ.... Икона назначается въ сельскій храмъ; именно въ Чернавскъ, въ мой родной храмъ, гдѣ почиваютъ родители и братья и сестры»...

Въ слѣдующемъ письмѣ безъ обозначенія времени: «ну, добрѣ, пусть будетъ, какъ пишешь. Мнѣ не денегъ жаль. Для Святителя Тихона какъ жалѣть? А понапрасну платить не хочется.... Обѣщаніе свое надо исполнить, и исполните. Икону пишу и скоро конецъ».

От 27 сентября того же года:

«Насилу кончилъ я икону,—и готовлю къ отсылкѣ (лице и ручки еще перетушую). Пишу же заранѣе—днями двумя... Тутъ же и Варвара Великомученица для Вареньки. Рисунокъ взятъ изъ святцевъ. На востокѣ все такъ пишутъ. Прилагаю еще (икону) Спасителя подъ крестомъ—на весь домъ.— И особую икону Божіей Матери съ предвѣчн. Младенцемъ въ ризѣ. Бордюрку взять для нашей иконы (Свят. Тихона) съ сей иконы, т.-е., форму такую Вотъ и покажешь ее мастеру, чтобы непремѣнно по сей формѣ сдѣлалъ.... Все относящееся до устроенія ризы написано на особомъ листѣ.... Если мастеръ еще приложитъ денегъ—хоть полушку, возьми все и бѣги отъ него»....

Или вотъ примѣръ заботливости Владыки о бѣдномъ сиротѣ. Отъ 5 сентября 1882 г. онъ писалъ:

«Попался къ намъ Болгаренокъ лѣтъ 10. Его отдали въ училище Шацкое. Учится добрѣ. Но что же онъ тамъ будетъ киснуть? Его бы въ свѣтскую школу и притомъ поучить какому либо мастерству. Того и другаго въ Шацкѣ не сдѣлаешь. Вотъ и пришло въ голову передать его въ Славянскій Комитетъ или Общество. У насъ тутъ никто не знаетъ, что такое за Комитетъ и за Общество... и гдѣ оно,— и какъ къ нему отнестись. И возлагается на твою голову разузнать о семъ... Разузнавши, добраться до главныхъ и пересказать имъ о Болгаренкѣ. Его изъ Болгаріи привезъ офицеръ—и умеръ. Взялъ его потомъ священникъ и тоже умеръ. Попадья привезла и отдала Архимандриту... Предложить имъ взять его... и еще *кто нибудь отсюда* можетъ взносъ дѣлать небольшой—рублей по 100 въ годъ»...

Подобныхъ случаевъ можно было бы разсказать не мало. Мы не говоримъ уже о безплатной раздачѣ огромнаго числа экземпляровъ его цѣнныхъ изданій...

Удалившись отъ міра, преосвященный тѣмъ не менѣе жи-

во интересовался судьбами міра. Достаточно напомнить читателямъ его письмо по поводу гибели «Русалки», исполненное трогательныхъ и любвеобильныхъ утѣшеній осиротѣлымъ семьямъ погибшихъ. Чтобъ составить себѣ точное понятіе о тѣхъ или другихъ событіяхъ, Владыка выписывалъ себѣ спеціальныя сочиненія. Отъ 22 Апрѣля 1882 года онъ писалъ:

«О Французской войнѣ 3 кн. получилъ. Дороги! Они всѣ дороги по причинѣ картъ... Но это писали нѣмцы. И всюду они побѣдители! Желательно бы знать, какъ пишутъ про эту самую войну сами французы. Спроси въ лавкѣ и у Вольфа и въ другой, что тамъ есть, нѣтъ ли описанія сей войны французами»...

Отъ 12 октября того же года:

«Посланную тобою послѣднюю книгу о войнѣ западной получилъ. Теперь конецъ! Вотъ еще что спроси у Готье: нѣтъ ли описанія, какъ шли дѣла въ самомъ Парижѣ во все время войны и особенно по сверженіи Наполеона и въ продолженіе осады... съ возмущеніемъ коммунистовъ и установленіемъ правительства въ нынѣшнемъ его видѣ».

Отъ 17 янв. 1893 года,—по поводу извѣстія о болѣзни Московскаго митрополита:

«Получилъ вѣрное извѣстіе, что митрополитъ Леонтій нечаянно заболѣлъ... и крѣпко... Но что за болѣзнь? И какъ она идетъ и какъ теперь есть... Возвожу тебя по сему предмету въ должность слѣдователя... Я очень большое участіе принимаю во Владыкѣ».

До самыхъ послѣднихъ годовъ жизни преосвященнаго интересовали научные вопросы, даже не имѣвшія прямаго отношенія къ его спеціальнымъ работамъ. Такъ отъ 5 іюля 1885 года Владыка писалъ:

«Вотъ что оказалось нужнымъ!—почитать, какъ объясняютъ и какъ лечатъ сумасшествіе. По каталогамъ, какіе есть у меня, я выписалъ... Спроси, нѣтъ ли болѣе новыхъ книгъ»...

Затѣмъ—отъ 2 авг. того же года:

«Открылась необходимость посмотрѣть нѣкія части анатоміи человѣческаго тѣла, и особенно нервной системы. У меня есть анатомія, но безъ рисунковъ... Сего ради потрудись поискать анатомію человѣческаго тѣла съ рисунками и притомъ раскрашенными»...

Судя по всѣмъ извѣстіямъ преосвященный пользовался прекраснымъ здоровьемъ и только не задолго до кончины его посѣтила инфлюэнца. Иногда впрочемъ онъ жаловался на ревматизмъ, который и лѣчилъ самъ. Отъ 20 апр. 1886 года онъ писалъ:

«Помнишь,—у меня была электро-магнитная машинка. Я ею лечилъ ревматизмъ— и во Владимірѣ и потомъ на Вышѣ. Она остарѣла и слабо дѣйствовать стала. А между тѣмъ у меня часто поламываетъ правая нога, а у о. Архимандрита—лѣвая рука. Вотъ намъ и нужна та электро-магнитная машинка. Найди, купи (куплена за 26 р.) и пришли. Теперь эти машинки иначе устрояются, чѣмъ та, которая у меня—устарѣвшая. Можетъ быть и дѣйствовать ею надо особымъ образомъ. Потому отбери и наставленіе, какъ ею пользоваться».

Но болѣе всего безпокоили святителя его глаза. Удивляться слѣдуетъ его терпѣнію,—тому, какъ, при серьезной болѣзни глазъ, онъ могъ писать такъ много и даже находилъ возможность заниматься живописью. Вотъ почти полный скорбный листъ о ходѣ глазной болѣзни. Первое извѣстіе о ней встрѣчаемъ въ письмѣ отъ 7 марта 1879 года:

«Тутъ ничего нѣтъ ужаснаго и скорбнаго. Просто ослабѣлъ глазъ. Чай вѣдь ужъ и года. И катарактъ, если онъ это на глазу, не есть вещь необычная. Его можно и не снимать. Прокоротаю вѣкъ и съ однимъ глазомъ».

Отъ 29 марта 1879 года:

«Опасаясь пропустить время для излеченія начинающейся болѣзни (праваго глаза), я ѣздилъ въ Тамбовъ. Тамъ опредѣлили, что зачался катарактъ. Ему надо созрѣть—годъ—

другой; потомъ операція сниметъ наростъ. На счетъ глаза я совершено успокоился»...

От 4 августа того же года:

«По состоянію моего глаза, кажется, мнѣ придется сбѣгать въ Москву. Но я буду тамъ incognito... такъ чтобъ никто не зналъ. Не говори и ты никому... Остановлюсь у Аѳонцевъ, подъ именемъ новаго монаха Аѳонскаго».

Въ августѣ того же года преосвященный дѣйствительно побывалъ въ Москвѣ. «Преосвященный остановился въ домѣ Аѳонскаго монастыря, пишетъ А. Г. Говоровъ въ своихъ воспоминаніяхъ, на Большой Полянкѣ и строго приказалъ мнѣ никому не говорить о своемъ пребываніи въ Москвѣ. Въ это время онъ посѣтилъ въ Москвѣ только одного митрополита Макарія, своего бывшаго товарища. За то въ сопровожденіи меня, аѳонскаго монаха о. Владиміра и своего келейнаго монаха Евлампія ходилъ пѣшкомъ въ кремль на поклоненіе св. мощамъ и Московскимъ святынямъ».

«Се—мы дома! Добрались преблагополучно. Слава Богу»! писалъ уже Владыка отъ 24 авг. 1879 года.

Отъ 28 марта 1880 года:

«То, что у меня портится въ глазу, никоимъ образомъ излечено быть не можетъ. Знаешь зрачекъ—что черный кружекъ въ глазу. За нимъ тотчасъ лежитъ хрусталикъ—такой (преосвященный изобразилъ форму хрусталика). Этотъ хрусталикъ портится. Видалъ янтарь? Иной чистый—чистый, а иной съ пятнами. Вотъ подобныя пятна образуются въ моемъ хрусталикѣ... и наконецъ весь его покроютъ и закроютъ... и конецъ зрѣнію... Въ глазу не будетъ совсѣмъ темно, а такъ, какъ сквозь густой платокъ—различать глазъ будетъ только ночь и день».

Отъ 6 дек. 1883 года:

«Глаза свои я оставлю какъ есть... и операціи дѣлать не намѣренъ. Душа не лежитъ. Лѣвый глазъ еще видитъ хорошо. И съ нимъ однимъ какъ нибудь прокоротаю вѣкъ свой»...

Вѣроятно среди лѣта 1884 года:

«Глазъ мой все плошаетъ, но все еще служитъ. Долго-ли проскрипитъ, не могу угадать... Скоро придется мнѣ прекратить книгодѣланіе»... Но книгодѣланіе и переписка продолжались, какъ мы знаемъ, почти до самой кончины...

Въ январѣ (20) 1890 года преосвященный писалъ:

«Инфлюэнца была въ монастырѣ, но ко мнѣ не заходила. Я только чувствовалъ себя немного недомогающимъ, и голова побаливала и чиханье было... и прочая мелочь, но ничего серьезнаго. Но нога меня донимаетъ. Какая-то странная вещь и продолжается два или три часа. Въ эту пору я встаю и хожу или стою. Это теперь каждый день, а лѣтомъ—не каждый. Наружныхъ знаковъ никакихъ—ни опухоли, ни красноты. Только холодны ноги въ это время».

Затѣмъ—въ апрѣлѣ 1891 года·

«Мнѣ надо извиниться предъ тобою, что не писалъ. Но я хворалъ долго и порядочно сильно. Началось недѣли за 4 до Р. Хр. и мѣсяца три тянулось. Потомъ осталось головокруженіе, которое теперь на исходѣ—чуть чуть чуется».

Отъ 2 августа 1892 года:

«Здоровье мое сойдетъ. Но ужъ стало стариковское... съ покрехтываньемъ»...

Переписка кончается 14 октября 1893 года—почти за два съ половиной мѣсяца до кончины святителя:

«Я здоровъ, писалъ еще Владыка, и у меня все въ порядкѣ»...

Съ другими лицами переписка продолжалась и послѣ. 29 декабря 1893 года святитель писалъ къ Варварѣ N, говоря обезсонницѣ и болѣзни ногъ, и интересуясь новостями изъ русской жизни (См. выпускъ 4-й, письмо 586-е).

А черезъ недѣлю его уже не стало... Онъ умеръ 6 января 1894 года, въ праздникъ Богоявленія, который ранѣе почему-то былъ предметомъ его особаго почитанія.

ГЛАВА VIII.

Нравственный обликъ святителя Өеофана.

Съ незапамятныхъ временъ, среди многоразличныхъ проявленій человѣческаго духа, мы различаемъ въ исторіи двоякаго рода дѣятелей. Одни, при первыхъ проблескахъ духовной самостоятельности, бросаются въ водоворотъ жизни и, входя въ многоразличныя сферы дѣятельности, вездѣ быстро освоиваются и энергической рукой направляютъ теченіе событій къ намѣченной цѣли; вѣрнымъ глазомъ различаютъ отношенія между людьми, умѣютъ подчинять ихъ своей волѣ и заставить слѣдовать за собою. Жизненная борьба, съ ея треволненіями, побѣдами и пораженіями,—вообще чисто практическіе интересы—вотъ сферы ихъ дѣятельности, безъ которой они и жить не могутъ, какъ рыба безъ воды. Если сюда присоединяются богатыя природныя дарованія, изъ такихъ людей вырабатываются великіе правители, полководцы, замѣчательные практическіе дѣятели. Но есть характеры инаго рода... Внутренняя, сокровенная жизнь сердца, со всей его чуткостью ко всему истинно—прекрасному, возвышенному, идеальному, со всей его задушевностью, со всей поэзіей богатаго внутренняго содержанія, съ глубоко-развитымъ нравственнымъ чувствомъ, способнымъ различать тончайшіе оттѣнки нравственнаго настроенія, со всей способностью постигать гармоническое или негармоническое свойство соотношенія впечатлѣній — вотъ главная характерическая черта этихъ людей инаго рода. Нѣтъ особенныхъ волненій отъ притока внѣшнихъ впечатлѣній, не спѣша собираются они, за то тѣмъ глубже ложатся на душу—до наступленія великаго и энергическаго движенія въ какомъ нибудь подвигѣ высокаго нравственнаго совершенства. Самыя мирныя, часто эсте-

тическія наклонности; кротость и ласковое простодушіе въ обращеніи; ясность души; иногда легкая, невинная шутка въ разговорѣ — все это признаки душевнаго равновѣсія. И тѣмъ не менѣе чувствуется ежеминутно, что еще выше этой ясности, этого гармоническаго равновѣсія, у этихъ личностей, лежитъ мало доступная для посторонняго взора и лишь ощущаемая сфера глубочайшей внутренней жизни, куда они охотно удаляются, подобно Моусею, восходившему на высоты Синая, чтобы затѣмъ явиться еще свѣтлѣе, еще чище, еще прекраснѣе... И ничья нечистая рука не дерзнетъ коснуться этого завѣтнаго міра ихъ безконечно богатой внутренней жизни и замутить ея свѣтлую красоту. Тѣмъ не менѣе люди подобнаго рода очень отзывчивы на все, вслѣдствіе нѣжности и чуткости сердца, съ благодушной и всегда свѣжей воспріимчивостію обнимаютъ они и великое и всякую малость; ни одинъ элементъ чувства не проходитъ безъ соотвѣтствующихъ впечатлѣній, но и ни одинъ и не собьетъ ихъ съ прямого пути... Не выходитъ изъ такихъ натуръ великихъ практическихъ дѣятелей, но они поражаютъ міръ чудной красотой своего духовнаго содержанія. Скрытый огонь не вырывается наружу, не производитъ пожаровъ, но проникаетъ своей всеочищающей силой до послѣднихъ тайниковъ сосредоточеннаго въ себѣ самомъ духа. Съ яснымъ, возвышеннымъ взглядомъ на вещи, осторожно терпѣливой рукой любятъ они трудиться въ тиши для окончательнаго достиженія неуклонно—преслѣдуемой цѣли, трудятся безъ той ретивой и часто неразборчивой въ цѣляхъ суровости, которая не переноситъ препятствій, и безъ надменнаго пренебреженія ко всѣмъ другимъ путямъ. Не гремятъ имена ихъ въ исторіи,—нѣтъ—предъ нами они проходятъ, какъ живой идеалъ тихо, почти безмолвно... Имъ-то суждено развивать красоту человѣческаго духа до возможнаго на землѣ совершенства. Они бы стремились еще выше, еще къ большему совершенству, какъ бы

отдаляясь отъ земли, если бы узы земнаго существованія не преграждали имъ путь къ небесамъ... Отсюда—отпечатокъ какой-то нѣжной грусти озаряетъ ихъ обликъ,—грусти, которая, какъ сѣроватый грунтъ, стелется подъ радужнымъ блескомъ отдѣльныхъ проявленій радостнаго настроенія... Къ числу такихъ, глубоко художественныхъ натуръ, принадлежитъ преосвященный Ѳеофанъ. Но какъ бы ни были богаты и прекрасны природныя душевныя свойства человѣка, они въ силу естественной человѣческой ограниченности часто перерождаются въ соотвѣтствующіе имъ недостатки... Только дѣйствительный идеалъ совершенства, только божественное начало христіанства можетъ окончательно укрѣпить на духовной высотѣ и развить до всей полноты заложенные природные богатые дары и возвести человѣка до Богоподобнаго совершенства, дивно затѣмъ воздѣйствующаго на души другихъ своей благодатной силой...

Все это соединилось въ почившемъ святителѣ, чтобы, въ лицѣ его, въ концѣ нашего, столь практическаго, вѣка открылась воочію всѣхъ вѣчно живая и неизсякаемая сила христіанства. Говоря словами прекрасной характеристики почившаго святителя онъ былъ «ученый мужъ, постигшій всю мудрость академическаго званія; былъ архіерей, которому ввѣрена была широкая власть и предоставлены высокія почести. Но не въ этой учености и не въ этой власти и чести полагалъ онъ смыслъ и назначеніе жизни. Свою ученую мудрость и архіерейскую честь онъ смѣнилъ на смиренную долю отшельника, удалился въ пустынь, чтобъ тамъ похоронить все, что было въ немъ мірскаго, похоронить и ученость и архіерейство, похоронить наконецъ самого себя,—для здѣшней мірской жизни. Но какъ нельзя сокрыть отъ міра солнца, такъ не могла и пустынь сокрыть отъ св. Руси истиннаго свѣтильника православной жизни, и если онъ сталъ безвѣстенъ для большинства тѣхъ, которые живутъ лишь міромъ и суетой

его, то тѣмъ болѣе близокъ сталъ онъ къ тѣмъ, кто живетъ истинною духовною жизнью и стремится къ ней. Вышенская пустынь, куда удалился на покой преосв. Ѳеофанъ, сдѣлалась источникомъ высокаго духовнаго просвѣщенія,—просвѣщенія, которое неизмѣримо выше того, какое дается высшими школами, потому что это просвѣщеніе исходило не только отъ ученаго ума, но и отъ глубокочувствующаго сердца. Изъ этой пустыни, гдѣ смолкъ живой голосъ Ѳеофана, по всей Россіи стали распространяться книги и письма, въ которыхъ говорила сама духовная мудрость и любовь, говорила отъ глубины духовно—просвѣщеннаго ума и отъ чистоты истинно-христіанскаго сердца. Въ его замѣчательной личности поразительно сочетались тѣ элементы, которые дѣлаютъ въ полномъ смыслѣ нравственнаго человѣка,—человѣка съ такою цѣльностью нравственнаго бытія, при которой всѣ противорѣчія, неразлучныя съ земною жизнью, уступаютъ мѣсто дивной гармоніи, бренный, немощный и грѣшный человѣкъ становится существомъ, истинно воплощающимъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе. О немъ съ правомъ можно сказать, что онъ дѣйствительно воплотилъ въ себѣ весь смыслъ православной церкви, и потому-то каждое его слово находило такой живой отголосокъ въ сердцѣ православныхъ людей и каждое его письмо проливало въ сердца истинную сладость. Не даромъ со всѣхъ концовъ Россіи въ Вышенскую пустынь летѣли письма — съ выраженіемъ духовныхъ и тѣлесныхъ скорбей, съ жалобами на душевное томленіе и на торжество суеты мірской, и многіе получали цѣлительный бальзамъ для своихъ настрадавшихся душъ, когда преосв. Ѳеофанъ отвѣчалъ имъ письменно-же. Каждое его письмо было достаточно глубокимъ источникомъ, чтобы назиданіе и утѣшеніе въ немъ могли почерпнуть не только тѣ, къ кому оно было направлено, но и множество другихъ, испытавшихъ тоже томленіе духа. Въ немъ православная Церковь нашла себѣ высокаго

выразителя того духа жизни, который составляетъ ея собственную сущность и который служитъ изобличеніемъ лжи и неправды, распространяемой невѣгласами и злонамѣренными людьми, будто православная церковь безжизненна и скована узами бездушной обрядности. Церковь, способная производить такихъ личностей, какою былъ преосв. Ѳеофанъ, очевидно имѣетъ въ себѣ достаточно жизненности и силы, чтобы совершать свою святую миссію на землѣ»... (Ц. В. 1894. № 3).

Пройдутъ вѣка, и люди забудутъ своихъ благодѣтелей, геніальныхъ людей, способствовавшихъ внѣшнимъ успѣхамъ жизни, и всѣ славныя имена «великихъ людей» станутъ достояніемъ исторіи, но не забудутъ, пока будетъ теплиться въ душѣ человѣка Божія искра, пока человѣкъ останется человѣкомъ, — не забудутъ тѣхъ, кто въ бренномъ земномъ сосудѣ съумѣлъ отразить нетлѣнную красоту нашего рода, кто умѣлъ увлекать и уносить души, — и сердца людей въ высшую духовную сферу, въ область вѣчныхъ стремленій, чьи дѣла носятъ печать истинной духовности, небеснаго царства...

О, еслибы всеозаряющій свѣтъ, что обильной струей изливается изъ твореній и жизни почившаго, открывался взору все болѣе и болѣе обширныхъ круговъ и классовъ общества и, какъ ночныя тѣни предъ восходящимъ солнцемъ, исчезли бы предъ его лучами заблужденія, предразсудки и все то, что искажаетъ жизнь человѣческую...

ГЛАВА IX

Въ келліи затворника.

Теперь, когда раскрылись бывшія столь долго замкнутыми двери келліи затворника приснопамятнаго святителя Ѳеофана, — какъ много, много найдется на Руси людей, которые

желали бы посѣтить жилище, гдѣ обиталъ на землѣ человѣкъ, всю жизнь стремившійся своими помыслами къ вѣчнымъ обителямъ Отца небеснаго, подышать воздухомъ, который потрясался его молитвенными воздыханіями, обвести взоромъ все, что находится въ келліи, и уловить по этимъ безмолвнымъ свидѣтелямъ великаго подвига черты его внутренней жизни, посѣтить малую церковь, гдѣ изо-дня въ день совершалось священное «дѣйство» молитвы и возносилась безкровная жертва..

Близъ монастырской ограды Вышенской обители находится двухъэтажный флигель. Въ нижнемъ каменномъ этажѣ помѣщается монастырская просфорня и двѣ братскихъ келліи. Въ верхнемъ деревянномъ—келліи затворника. Войдемъ въ нихъ...

Стѣны деревянныя, безъ обой, нѣсколько потемнѣвшія отъ времени. Мебель и вся обстановка до послѣдней крайности простыя и ветхія. Шкафъ съ угольникомъ изъ простаго дерева, оцѣненный въ одинъ рубль... Комодъ—въ два рубля... Простой столъ, ветхій... Складной аналой, ветхій... Желѣзная кровать, складная, цѣною въ одинъ рубль... Диваны березоваго дерева, съ жестяными сидѣньями—всѣ цѣною три рубля сер. Все остальное въ такомъ же родѣ... Все такое ветхое, простое и до крайности недорогое, а то такъ и самодѣльное.

Но вотъ два ящика съ инструментами, токарными, столярными, переплетными, цѣною все... три рубля... Палитра для красокъ и кисти... Фотографическій аппаратъ; станокъ для выпиливанія изъ дерева, верстакъ, токарные станки—все цѣною въ нѣсколько рублей... Какъ-то странно читать обозначенныя въ описаніи цѣны, въ одинъ, въ два рубля... А между тѣмъ сколько лицъ желали бы пріобрѣсть и хранить, какъ драгоцѣнность, малѣйшую вещь на память о подвижникѣ!.. Но зачѣмъ все это у отшельника, отрѣшившагося отъ міра? «Безъ дѣла какъ быть? Будетъ грѣшная

праздность... Нельзя все духовнымъ заниматься; надо какое-либо нехлопотливое рукодѣліе имѣть. Только браться за него надо, когда душа утомлена; и ни читать, ни думать, ни Богу молиться неспособна. А если тѣ духовныя занятія идутъ хорошо, то рукодѣлія можно не касаться. Оно назначается, для наполненія времени, которое безъ него придется проводить въ праздности» — припоминаются намъ слова почившаго святителя. Или вотъ этотъ сѣрый ситцевый подризникъ, повидимому, сшитый самимъ святителемъ, напоминаетъ намъ разсказъ о томъ, какъ нѣкогда, сшивъ самъ себѣ платье, онъ говорилъ своему любимому племяннику: «Смотри, старайся какъ можно менѣе утруждать услугами себѣ другихъ и учись какъ можно больше исправлять для себя самъ»... Всѣ подризники оцѣнены въ четыре рубля. Что поцѣннѣе изъ одежды — вѣроятно, приношенія благочестивыхъ почитателей подвижника. Самъ же онъ готовилъ одѣяніе схимника...

Вотъ деревянная рѣзная панагія, съ деревянною цѣпью, вотъ деревянный рѣзной крестъ для ношенія на груди. Это— также плоды рукодѣлія, во избѣжаніе грѣшной праздности.

А это что? Телескопъ, два микроскопа, анатомическій атласъ, шесть атласовъ географіи общей, церковной и библейской... Но развѣ мы не знаемъ изъ сочиненій почившаго святителя, какія обширныя свѣдѣнія по естествознанію имѣлъ и какъ пользовался ими для разъясненія предметовъ высшаго, духовнаго порядка... «Хорошо уяснить себѣ строеніе растеній, животныхъ, особенно человѣка, и законы жизни, въ нихъ проявляющейся—великая во всемъ этомъ премудрость Божія! Неизслѣдимая»... Такъ говорилъ святитель.

А какое громадное собраніе книгъ! Всюду книги, книги, цѣлыя груды книгъ... Вотъ исторія Россіи Соловьева, всемірная исторія Шлоссера, сочененія Гегеля, Фихте, Якоби... Но подавляющее большинство книгъ духовнаго содержанія: почти всѣ духовные журналы, творенія великихъ отцевъ и

учителей Церкви: св. Григорія Богослова, св. Василія Великаго, св. Іоанна Златоустаго, Исаака Сиріанина, св. Нила Сорскаго, св. Тихона Задонскаго, св. Димитрія Ростовскаго и многихъ, многихъ другихъ великихъ наставниковъ и подвижниковъ... Четьи- Минеи и прологи на греческомъ языкѣ, Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго... Много книгъ богословскаго и церковно-историческаго содержанія на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, напримѣръ, Богословская энциклопедія на французскомъ языкѣ въ 150 томахъ.

Видно не даромъ говорилъ почившій: «и книги съ человѣческими мудростями могутъ питать духъ. Это тѣ, которыя въ природѣ и въ исторіи указываютъ намъ слѣды премудрости, благости, правды и многопопечительнаго о насъ промышленія Божія... Богъ открываетъ Себя въ природѣ и исторіи такъ же, какъ и въ словѣ Своемъ. И онѣ суть книги Божіи для тѣхъ, кто умѣетъ читать». Но, безспорно, вся душа святителя прилежала къ изученію слова Божія и свято-отеческихъ твореній, о чемъ выразительно свидѣтельствуетъ каждая страница его многочисленныхъ твореній. Кстати: для всѣхъ, кто съ любовію изучаетъ творенія почившаго святителя, мы можемъ сообщить, что въ келліи покойнаго найдены въ рукописи: «Толкованіе на посланіе Апостола Павла къ Евреямъ». «Разъясненіе чина покаянія», «Отвѣтъ штундистамъ», «О страданіяхъ и крестной смерти Спасителя», а, можетъ быть, найдется и еще что-нибудь. Всего въ рукописи отъ 4 до 5 стопъ бумаги.

Святитель любилъ священное искусство иконописанія и самъ былъ хорошій художникъ. Нося въ душѣ образы иного, высшаго небеснаго міра, онъ, видимо, желалъ окружить себя и на землѣ ихъ свѣтлыми отраженіями. Какое изобиліе иконъ и картинъ священнаго содержанія! Большинство, если не всѣ, изъ нихъ, вѣроятно, писаны его святительской рукой.

«Распятіе», «Воскресеніе Христово», «Снятіе со креста», «Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ»—на полотнѣ, Образъ Спасителя во весь ростъ, Божіей Матери — во весь ростъ на дскахъ, «Богоявленіе» — на полотнѣ, Образъ святителя Тихона во весь ростъ—неоконченный немного, иконы св. Митрофанія Воронежскаго, свв. Антонія и Ѳеодосія, св. Александра Невскаго... и много другихъ картинъ и иконъ на полотнѣ и дскахъ. Есть и портреты, напримѣръ, Серафима Саровскаго... Къ двумъ предметамъ особенно часто возвращалось художественное творчество почившаго: къ изображенію св. Тихона Задонскаго и Богоявленія. И имя преосвященнаго, указывающее на Богоявленіе, и его картины Богоявленія, и самый храмъ домовый въ честь Богоявленія, и его блаженная кончина въ день Богоявленія — случайно ли все это?..

Но особенно трогательно—это то, что *въ алтарь близъ жертвенника,* на стѣнѣ можно видѣть висящій мѣшечекъ, весь наполненный записочками къ преосвященному съ просьбами помянуть въ своихъ молитвахъ у престола Божія...

Глубокое умиленіе проникаетъ душу при обзорѣ келліи почившаго святителя, не безъ тихой грусти объ отсутствіи того, кто оживлялъ ее своимъ присутствіемъ...

Мы слышали, что келлію святителя и его домовую церковь предполагается оставить въ томъ видѣ, какъ все было найдено въ день его кончины. Мысль прекрасная!

Мы слышали также, что митры, панагіи, кресты, облаченія, священные сосуды и другіе священные предметы останутся въ Вышенской обители и будутъ храниться въ особомъ шкафѣ близъ его гробницы, которую изготовляетъ одинъ изъ благочестивыхъ почитателей почившаго...

Что-жъ? Предъ нами только и есть, что одни безмолвные свидѣтели великаго подвига? И никто не взойдетъ изъ близкихъ лицъ, чтобы повѣдать хотя нѣсколько назидательныхъ

подробностей изъ жизни затворника? Къ сожалѣнію, такъ. По кончинѣ святителя произошло трогательное событіе: служившій ему двадцать семь лѣтъ келейникъ Евлампій въ теченіе, сколько мы знаемъ, девяти дней со дня кончины не принималъ никакой пищи. Чрезъ двѣ недѣли его не стало... Какъ дивно и какъ вѣрно сказано: «человѣкъ можетъ оставить отца, а добраго господина нельзя оставить, съ нимъ бы и въ гробъ легъ, еслибъ можно было»!

Но кто-же теперь разскажетъ намъ что-нибудь въ назиданіе наше о чертахъ жизни почившаго святителя?!.. Видно такъ Богу угодно... Запишемъ, по крайней мѣрѣ, то, что удалось намъ узнать объ его послѣднихъ дняхъ жизни и о блаженной кончинѣ. У почившаго былъ заведенъ строгій порядокъ жизни. Съ вечера готовилъ служитель просфоры и вино, равно какъ и облаченія для ежедневнаго богослуженія. По окончаніи литургіи святитель легкимъ стукомъ давалъ знать о времени утренняго чая. Въ часъ—«обѣдъ», за которымъ въ послѣдніе годы святитель, не въ постные дни, вкушалъ только по одному яйцу и по стакану молока. Въ четыре часа чай. Ужина не было. Съ перваго января обычный порядокъ жизни нѣсколько разстроился... Не всегда въ опредѣленное время святитель давалъ знакъ о времени чая или обѣда... Наканунѣ кончины, 5 января, владыка, чувствуя слабость, попросилъ помочь ему пройтись. Келейникъ провелъ нѣсколько разъ владыку по комнатѣ, но владыка, утомившись, отослалъ его и легъ въ постель. Въ самый день кончины, келейникъ, не слыша условнаго знака, заглянулъ въ часъ дня въ рабочій кабинетъ святителя. Сидитъ, что-то пишетъ... Чрезъ полчаса—условный знакъ... За обѣдомъ святитель скушалъ половину яйца и $^1/_2$ стакана молока. Не слыша знака къ чаю, служитель въ половинѣ пятаго снова заглянулъ: святитель лежалъ на кровати. Не прилегъ ли отдохнуть!? Но что-то въ сердцѣ сказало *о другомъ*...

Подойдя къ святителю, слуга увидалъ, что онъ уже скончался. Лѣвая рука лежала на груди, правая была сложена какъ для архіерейскаго благословенія... На столикѣ, подлѣ кровати, лежала раскрытая январская книжка *Душеполезнаго Чтенія*...

При облаченіи въ святительскія ризы, на лицѣ почившаго явно для всѣхъ просіяла блаженная улыбка... Былъ ли то прощальный привѣтъ людямъ, или отраженіе небесной радости духа—одному Богу вѣдомо!..

Три дня стоялъ покойный въ своей маленькой церкви и три дня въ соборѣ — и тлѣніе не коснулось его: почившій имѣлъ видъ спокойно спящаго человѣка.

Для совершенія чина погребенія прибылъ изъ Тамбова преосвященный епископъ Іеронимъ, съ высшимъ духовенствомъ и хоромъ пѣвчихъ. 12 января, послѣ литургіи въ тепломъ соборѣ, совершено было отпѣваніе почившаго архіерея Божія Ѳеофана. При погребеніи видно было несмѣтное множество народа, не помѣщавшагося во храмѣ... Слышались плачъ и рыданія...

Послѣ отпѣванія, когда всѣ желавшіе поклонились праху, гробъ съ останками былъ перенесенъ въ холодный Казанскій соборъ и погребенъ въ склепѣ въ правомъ Владимірскомъ придѣлѣ этого собора.

При проѣздѣ на похороны и отъѣздѣ можно было встрѣтить группы богомольцевъ съ котомками за плечами: иные шли 200, иные—300 верстъ, чтобы поклониться почившему и проститься съ нимъ, помолиться о упокоеніи души его и *испросить у него молитвъ* предъ престоломъ *Божіимъ*...

ГЛАВА X

Слово при погребеніи Преосвященнаго Епископа Ѳеофана, произнесенное ректоромъ Тамбовской Семинаріи протоіереемъ П. Соколовымъ.

Мнѣ бо еже жити Христосъ: и еже умрети пріобрѣтеніе есть (Филип. 1, 21).

Смерть есть необходимый удѣлъ каждаго человѣка; никто изъ людей не можетъ избѣжать ея. При всемъ томъ мы никакъ не можемъ привыкнуть къ явленіямъ смерти; мы, обыкновенно, до того боимся смерти, что не можемъ безъ содраганія слышать объ ея ударахъ. Не такъ относятся къ смерти святые угодники Божіи. Они находятъ въ ней не скорбь, а радость, не лишеніе какое либо, а пріобрѣтеніе. *Мнѣ еже умрети,* говоритъ св. Апостолъ Павелъ, *пріобрѣтеніе есть.* Такого рода взглядъ на смерть находится въ тѣсной связи со взглядомъ святыхъ подвижниковъ на жизнь. Они видятъ въ ней не иное что, какъ цѣлостное, самоотверженное служеніе Христу. *Мнѣ бо еже жити*, говоритъ тотъ-же святый Апостолъ, *Христосъ.* По Апостолу, Христосъ есть цѣль и смыслъ жизни; въ Немъ заключается все, что окрыляетъ умъ, просвѣтляетъ мысли, освящаетъ и возбуждаетъ чувства, сообщаетъ силы, которыя въ трудѣ и подвигѣ для исполненія Христовыхъ заповѣдей не знаютъ никакихъ границъ. Само собою понятно, что такое отношеніе ко Христу достигается путемъ особаго умственно — нравственнаго труда и бодрствованія и есть жребій немногихъ изъ вѣрующихъ христіанъ. Изрекшій эту святую истину Апостолъ вполнѣ осуществилъ ее въ себѣ. Послѣ своего обращенія ко Христу, онъ жилъ во Христѣ и для Христа. У него не было

иной мысли, какъ о Христѣ, не было иной рѣчи, какъ о Немъ и совершенномъ Имъ спасеніи. Христу посвятилъ онъ всю свою жизнь, для Него терпѣлъ онъ и голодъ, и холодъ, и наготу (1 Кор. 4, 11). Былъ *въ трудѣхъ множае, въ ранахъ преболѣ, въ темницахъ излиха, въ смертехъ многащи* (2 Кор. 11, 23) и не только не тяготился всѣмъ этимъ, но радовался, благословляя Бога, даровавшаго ему возможность понести все сіе для Христа. При такомъ взглядѣ на жизнь и свое отношеніе ко Христу, Апостолъ одинаково относился къ жизни и смерти. Какъ ни тяжела была его жизнь, онъ дорожилъ ею, потому что видѣлъ въ ней даръ, который онъ до конца долженъ посвятить Христу; не страшился онъ и смерти, а даже радовался при мысли о ней, видя въ ней не лишеніе какое-либо, а *пріобрѣтеніе*—благо войти чрезъ нее въ общеніе со Христомъ, чтобы лицезрѣть Его, быть неотлучно при Немъ, наслаждаясь съ Нимъ и отъ Него блаженствомъ. Мнѣ бо еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе есть.

Почившій нынѣ святитель Божій преосвященный епископъ Ѳеофанъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ избранниковъ Божіихъ, которые не иначе проводятъ жизнь на землѣ, какъ во Христѣ и для Христа. Привыкши съ раннихъ лѣтъ смотрѣть на служеніе Христу какъ на задачу жизни, владыка всю свою жизнь посвятилъ этому служенію. — Для него, этого служенія Христу, онъ отрекся отъ міра, принявъ иноческій чинъ; въ видахъ того же служенія онъ оставилъ общественную службу и, подобно древнимъ пустынножителямъ, удалился въ пустынную обитель, чтобы здѣсь вдали отъ міра и мірскихъ суетъ, въ уединеніи, путемъ молитвеннаго умосозерцанія Бога и самоуглубленія въ себя содѣлать въ себѣ *мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13). Мы не посвящены въ уединенную жизнь почившаго святителя, хотя и можемъ

представить, какъ она трудна для человѣка. Принявъ на себя самый тяжелый обѣтъ затворничества, владыка на цѣлые десятки лѣтъ удалялъ себя отъ людей. За немногими исключеніями онъ во все это время не зналъ иного общенія, кромѣ молитвеннаго со Христомъ и Его святыми угодниками. Каждый день онъ отправлялъ всѣ церковныя службы, каждый день пріобщалъ себя великихъ тайнъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Всегдашнимъ любимымъ его занятіемъ, кромѣ усердной молитвы, было изученіе слова Божія, ему посвящалъ онъ весь свой досугъ еще тогда, когда онъ служилъ на поприщѣ духовно-учебномъ и епархіальномъ; ему отдалъ онъ себя на все время своего уединенія въ сей святой обители. Плодомъ усиленныхъ трудовъ, при необыкновенныхъ дарованіяхъ и многосторонней учености, явились многочисленные печатные труды почившаго святителя по истолкованію слова Божія и по ученію о христіанской нравственности. Такихъ печатныхъ трудовъ почившаго архипастыря весьма много и они составляютъ великое пріобрѣтеніе въ христіанской наукѣ. По широтѣ и глубинѣ мысли, обилію знаній, точности и ясности изложенія, теплотѣ и чистотѣ чувствъ, печатные труды почившаго святителя не имѣютъ себѣ равныхъ въ нашемъ отечествѣ, такъ что не только теперь, но и надолго въ будущемъ будутъ служить какъ источникомъ, такъ и путеводной звѣздой для всѣхъ тружениковъ богословской науки и истинно-христіанской жизни. Особенно великое пріобрѣтеніе представляютъ для церкви Христовой и науки печатные труды почившаго по христіанской нравственности. Въ нихъ онъ явилъ себя не только великимъ мыслителемъ, но и необыкновеннымъ подвижникомъ. Онъ не преподавалъ только наставленія для нравственной жизни, а переживалъ ихъ сначала и уже потомъ предлагалъ для руководства другимъ. Отъ этого сочиненія почившаго святителя по христіанской нравственности отличаются особенно обаятельностію; въ нихъ

представляется цѣлостный образъ христіанина—подвижника въ полномъ примѣненіи къ его силамъ и жизни.

Удалившись отъ міра и его суетъ, порвавъ видимое, непосредственное общеніе съ людьми, почившій святитель сдѣлалъ это не по недостатку любви къ людямъ, какъ могли бы подумать нѣкоторые, а единственно изъ желанія оградить себя отъ всего, что могло отвлекать его отъ молитвеннаго служенія Христу. Но любя Господа, онъ любилъ и Его слугъ, людей, и эта любовь къ ближнимъ была у почившаго святителя самая возвышенная, чистая и святая. По причинѣ необыкновеннаго смиренія почившій святитель мало и рѣдко пользовался смиреніемъ другихъ, но самъ охотно и весьма много помогалъ людямъ. Будучи всегда безсребренникомъ, онъ весь свой пенсіонный окладъ ежегодно раздавалъ бѣднымъ, оставляя для себя только незначительную часть на пріобрѣтеніе книгъ, нужныхъ для научныхъ трудовъ. Но особенно много послужилъ благу ближнихъ почившій святитель нравственно. Кому неизвѣстно, какая громадная переписка существовала у почившаго архипастыря? Къ нему обращались за совѣтомъ, за разрѣшеніемъ недоумѣній, въ немъ искали утѣшенія въ скорби, облегченія въ бѣдахъ всѣ, начиная съ сановниковъ и кончая самымъ послѣднимъ изъ простолюдиновъ. Всѣмъ онъ отвѣчалъ съ любовію: однимъ подавалъ мудрый и цѣлесообразный совѣтъ, другихъ наставлялъ, иныхъ утѣшалъ, многихъ спасалъ отъ сомнѣній—словомъ, всѣмъ былъ всѣмъ, чтобы, какъ выражается св. Апостолъ, всѣхъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ спасти (1 Кор. 9, 22). А какой теплоты любви, неподдѣльнаго участія и мудрой предусмотрительности были полны письма почившаго святителя, объ этомъ знаютъ тѣ, коимъ пришлось получать отъ него таковые. Въ минуты Божьяго испытанія и моя немощь удостоена была получить отъ почившаго богомудраго учителя слово утѣшенія, и потому на основаніи

собственнаго опыта могу свидѣтельствовать, что почившій святитель обладалъ особымъ, чрезвычайнымъ даромъ утѣшать и наставлять.

Нынѣ богомудрый учитель, великій подвижникъ, усердный молитвенникъ о насъ грѣшныхъ, преосвященный епископъ Ѳеофанъ оставилъ свое земное житіе на землѣ. Какъ вѣрный рабъ, вѣримъ, теперь вошелъ въ радость Господа; какъ побѣдоносный воинъ Христовъ, онъ увѣнчанъ теперь неувядаемымъ вѣнцомъ небесной славы. Для него, жившаго во Христѣ и по заповѣдямъ Христовымъ, смерть есть дѣйствительно не лишеніе, а пріобрѣтеніе. Но въ лицѣ почившаго терпимъ великое лишеніе мы, недостойные его докучники. Угасъ теперь великій свѣтильникъ вѣры и Божіей истины, ярко свѣтившій своею жизнію и своимъ печатнымъ и письменнымъ словомъ на все наше обширное отечество. Не могутъ теперь искать въ немъ плачущіе—утѣшенія, нуждающіеся—помощи, обидимые—заступленія, слабые и колеблющіеся въ вѣрѣ и упованіи—утвержденія. Особенно, думается намъ, велика въ лицѣ почившаго потеря для иноковъ святой обители сей. Въ немъ они имѣли живой примѣръ строгаго иноческаго житія; ему повѣдывали свои скорби и немощи, и отъ него получали если не устныя, то письменныя наставленія въ затруднительныхъ случаяхъ своей монашеской жизни. Но да не смущается сердце всѣхъ, кто по тѣмъ или другимъ причинамъ скорбитъ о смерти святителя. Богомудрый архипастырь только видимо оставляетъ насъ, своимъ же духомъ, любовію и молитвеннымъ ходатайствомъ передъ Господомъ Богомъ онъ не перестанетъ помогать намъ. Потщимся же, братіе, и мы въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ поминать почившаго святителя. Будемъ молиться за него всегда и не во храмѣ только, но и дома въ своихъ частныхъ молитвахъ. Къ этому побуждаетъ насъ долгъ и наша собственная польза.

Благочестивые иноки святыя обители сея! Вамъ болѣе другихъ долженъ быть извѣстенъ свѣтлый и многопоучительный нравственный образъ почившаго подвижника. Твердо запечатлѣйте въ своихъ сердцахъ этотъ образъ. Подражайте смиренію почившаго, молитвѣ его, любви и непрестанному бодрствованію надъ собою. Вѣримъ, что въ лицѣ почившаго вамъ Самимъ Господомъ Богомъ данъ былъ образъ иноческаго житія, дабы, какъ творилъ онъ, и вы творили такожде. Аминь.

Рѣчь священника А. І. Сперанскаго, произнесенная въ торжественномъ собраніи «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной Церкви», въ память преосвященнаго Ѳеофана.

Милостивые Архипастыри и отцы и все боголюбезное собраніе!

Сегодня поминаемъ почившаго святителя, блаженнаго Ѳеофана, великаго богослова и твердаго столпа нашей отечественной церкви, духовнаго наставника и просвѣтителя, оставившаго послѣ себя драгоцѣнное наслѣдіе всѣмъ ищущимъ спасенія, въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ. Въ нихъ каждый можетъ найти прекрасное и единственное въ духѣ святыхъ отцевъ изъясненіе Священнаго Писанія, глубоко-основательное разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ вѣры и нравственности христіанской. Какъ истинный и покорный сынъ святой Церкви, почившій архипастырь съ особенною силою убѣжденія учитъ въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ къ частнымъ лицамъ каждаго вѣрующаго быть въ живомъ союзѣ

съ истинною христіанскою Церковію, жить по ея законоположеніямъ и слѣдовать ея уставамъ и порядкамъ. И это завѣщаніе почившаго святителя особенно должно быть священно и памятно для насъ въ виду современнаго равнодушія къ дѣлу спасенія со стороны многихъ, именующихся православными христіанами, и въ виду множества сектантовъ и лжеучителей, совсѣмъ отступившихъ отъ церкви Христовой.

Преосвященный Ѳеофанъ говоритъ: «въ одиночку никто не спасается. Господь изъ всѣхъ вѣрующихъ благоволилъ сочетать единое тѣло и Самъ сталъ Главой его. Спасается каждый не иначе, какъ въ церкви, т.-е. въ живомъ союзѣ со всѣмъ сонмомъ вѣрующихъ, чрезъ церковь и съ Самимъ Господомъ, какъ главою ея. Господь назвалъ церковь Свою винограднымъ деревомъ, въ коемъ Онъ Самъ — лоза или стволъ дерева, а всѣ вѣрующіе—вѣтви на лозѣ; посему церковь есть единое нераздѣльное цѣлое, живо сочетанное съ Господомъ и въ себѣ и во всѣхъ частяхъ. Какъ вѣтвь, отложившись отъ дерева, засыхаетъ и перестаетъ жить, такъ перестаетъ жить и всякій, кто какимъ-либо образомъ отдѣляется отъ церкви Божіей, а чрезъ то и отъ Господа. Святый Павелъ еще яснѣе представляетъ этотъ живой союзъ вѣрующихъ съ церковію и Господомъ, называя Церковь тѣломъ Господа. Мы всѣ вѣрующіе—тѣло Христово, Христосъ же Господь есть Глава сего тѣла. Какъ въ тѣлѣ всякій членъ живетъ не своею, а общею всему тѣлу жизнію, и если отдѣлится отъ тѣла, умираетъ и истлѣваетъ, такъ и каждый вѣрующій не живетъ особнякомъ, но живетъ общею всей церкви жизнію, и, если отдѣлится отъ нея, замираетъ духовно и погибаетъ (Іоан. 15; 1 Кор. 12; Ефес. 4). Такъ доселѣ всѣ истинно вѣрующіе закономъ жизни, ведущей ко спасенію, полагаютъ союзъ съ церковію. Церковь есть матерь наша. И вѣрно слово: кому церковь не мать, тому и Богъ не Отецъ».

Подъ Церковію-же преосвященный Θеофанъ разумѣетъ не всякую носящую имя Христовой церкви, а только святую православную восточную церковь. Ни римско-католическую, ни тѣмъ болѣе протестантскую общины не слѣдуетъ, по преосвященному Θеофану, признавать Христовыми церквами. Латинская церковь хотя имѣетъ Апостольское происхожденіе, но она отступила отъ Апостольскихъ преданій. Главная ея страсть—ковать новые догматы по своему смышленію и своеволію. Всѣ ея новоизобрѣтенные догматы (объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и непогрѣшимости папы)—чужды Апостольскому преданію и, какъ измышленія человѣческія, походятъ на пристройки къ зданію изъ другаго матеріала, не по плану и стилю зданія, и портятъ святую вѣру, Апостолами преданную. Тѣмъ болѣе протестантскія общества нельзя называть Христовыми церквами, потому что они устроены людьмп самочинно и по плану, ими самими сочиненному. Протестанты говорятъ, что указаніе на устроеніе своихъ общинъ они взяли изъ Священнаго Писанія. Но идея и планъ построенія церкви не указаны въ Писаніи, а съ дѣйствительнымъ устройствомъ церкви Божіей Апостольской они не пожелали ознакомиться. Протестанты раззорили прежнее зданіе Церкви Божіей, брали изъ обломковъ ея, что казалось имъ годнымъ, прибавляли свое и изъ смѣси того и другаго слагали свою общину. При томъ каждый изъ нихъ находилъ свой планъ; и вышло: сколько умовъ, столько плановъ, столько и церквей протестанскихъ. А такъ какъ всѣ онѣ строены не по Божію плану, а по самоизмышленному, то ни одна изъ нихъ не можетъ быть истинною Христовою Церковію. Истинная Христова церковь та, которая устроена святыми Апостолами по начертанію и плану Самаго Господа, уясненному и утвержденному Духомъ Святымъ, и доселѣ вѣрно хранитъ все въ ней Богоучрежденное чрезъ святыхъ Апостоловъ. Такова еди-

ная, святая православная восточная церковь, къ которой мы имѣемъ счастіе принадлежать. Съ нею-то, единою истинною церковію Христовою, и необходимо быть въ живомъ союзѣ всякому желающему спасенія. Быть въ союзѣ съ истинною церковію Христовою значитъ удостоиться принять благодать сокровищъ, пріобрѣтенныхъ Самимъ Господомъ чрезъ воплощенное домостроительство, усвоить ихъ и затѣмъ, подъ руководствомъ церкви, собственными трудами содѣлать спасеніе, потому что одна православная церковь есть сокровищница всѣхъ благъ спасенія, только въ ней одной можно найти и указаніе руководствъ, и все потребное для содѣланія спасенія. Совершивъ дѣло спасенія, Господь нашъ вознесся на небеса, а блага, пріобрѣтенныя Имъ для насъ, Онъ оставилъ на землѣ, во святой церкви, и помимо ея не даетъ сихъ благъ. И прежде всего, Господь Спаситель преподалъ Божественную премудрость, божественную истину святымъ Апостоламъ. Апостолы, по Его заповѣди, предали ее всѣмъ вѣрующимъ изъ всѣхъ языковъ и заповѣдали своимъ преемникамъ блюсти ее. И такимъ образомъ православная церковь стала вѣрною хранительницею Божественной истины, преданной Апостолами отъ Господа Спасителя. Отсюда, говоритъ преосвященный Θеофанъ, обязанность всякаго христіанина вѣровать такъ, какъ вѣруетъ вся церковь отъ начала ея доселѣ, ея голосомъ повѣрять всякое свое или чужое соображеніе, и ни подъ какимъ видомъ не позволять себѣ допускать что-либо, хотя на волосъ несогласное съ ученіемъ церкви, ибо она есть *столпъ и утвержденіе истины*. Святая церковь есть сокровищница не истины только, но и благодати. Своею искупительною кровною жертвою Спаситель открылъ путь нисхожденію къ намъ Святаго Духа, со всѣми благодатнѣйшими силами, безъ которыхъ спасеніе наше невозможно. Но Духъ Святый непосредственно сошелъ только на Апостоловъ: послѣ же нихъ благодать Святаго Духа сообщается

вѣрующимъ не иначе, какъ чрезъ таинства, по указанію Господа Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ учрежденныя. Таинства—же ввѣрены Господомъ святой православной Церкви и совершаются особыми приставниками, преемниками святыхъ Апостоловъ, получившими особую на то благодать въ таинствѣ священства, которое есть верхъ таинствъ благодатныхъ. И святая Церковь семью спасительными источниками благодати обильно питаетъ и напаяетъ всѣхъ приходящихъ къ ней. Но два изъ нихъ текутъ неразлучно съ теченіемъ всей жизни спасаемаго. Это таинство покаянія и святаго причастія, дающія благодать оправданія и освященія. Въ церкви Божіей, по заповѣди Господа, непрерывно, въ каждое мгновеніе, по всей землѣ приносится жертва Тѣла и Крови Его во оставленіе грѣховъ. Господь ходатайствуетъ о насъ на небѣ предъ лицемъ Бога и Отца, Онъ же на землѣ, въ святой церкви Своей, какъ Глава ея, благоволитъ таинственно источать кровь Свою въ таинствѣ Тѣла и Крови во оставленіе грѣховъ. Такъ оправдательный и ходатайственный покровъ простертъ и непрерывно стоитъ надъ Церковью, привлекая къ намъ всякія милости Божіи. Отсюда, говоритъ преосвященный Ѳеофанъ, чтобы быть причастнымъ сихъ милостей Божіихъ, нужно имѣть постоянное живое общеніе съ церковію, чрезъ пріятіе отъ нея спасительныхъ таинствъ, въ которыхъ человѣческое наитствуется, освящается Божественнымъ, сколь можно чаще бывать при жертвѣ Тѣла и Крови Христовой, молиться при ней съ сокрушеніемъ и плачемъ, чаще приступать къ таинствамъ покаянія и причащенія, подающимъ благодать оправданія и освященія.

По принятіи благодати возрожденія и обновленія духа, вѣрующему предстоитъ трудъ, и трудъ долгій и прискорбный, во всю жизнь, облегчить душу и тѣло, совсѣмъ освободить отъ худыхъ наклонностей и страстей, а на мѣсто ихъ водворить добрыя расположенія, чтобы сдѣлать ихъ храмомъ

Тріѵпостаснаго Бога, по обѣтованію Спасителя. И для нашего труда въ дѣлѣ спасенія необходимо быть въ живомъ союзѣ съ Церковію, исполнять ея чины, учрежденія и порядки, такъ какъ всѣ они цѣлесообразны и вѣрно направлены къ содѣланію спасенія всѣми вѣрующими. Свои уставы и законоположенія святая церковь принаравливаетъ къ наставленію Спасителя въ нагорной бесѣдѣ о дѣлахъ благочестія. Она назначила обязательно для всѣхъ святые посты однодневные и многодневные, для смиренія плоти и угашенія похотей ея, дѣла благотворенія съ устройствомъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій для удаленія изъ души страстныхъ движеній (гнѣва) и воспитанія добрыхъ чувствъ и расположеній; непрерывное послѣдованіе молитвословій церковныхъ, для возвышенія духа горѣ, для общенія его съ областію Божественнаго. Въ то же время святая церковь не оставляетъ своимъ материнскимъ попеченіемъ тѣхъ чадъ своихъ, которыя кромѣ общеобязательныхъ подвиговъ избираютъ свои частные, но только заповѣдуетъ начинать ихъ по совѣту и указанію духовныхъ отцевъ и предлагаетъ примѣры къ подражанію въ прежде жившихъ отцахъ и братіяхъ, чтобы при нашемъ неумѣніи подвиги не повредили дѣлу спасенія.

Истинные христіане всегда находятся въ живомъ союзѣ съ церковію Христовой, живутъ по ея уставамъ, дѣлаются причастниками благодатныхъ сокровищъ и спокойно, подъ материнскимъ покровомъ ея, содѣваютъ свое спасеніе. Но равнодушные и безпечные въ дѣлѣ спасенія тяготятся союзомъ со святою Церковію, а самоувѣренные отступники отъ святой Церкви, лжеучители, сектанты, прямо порицаютъ всѣ церковные порядки, отвергаютъ ихъ и изобрѣтаютъ свой путь спасенія. И тѣ и другіе, въ оправданіе своего отступленія отъ церковной жизни, говорятъ: тамъ (въ церкви православной) все обряды и обряды, и больше ничего. Тамъ христіанство оплотянено, отѣлесено; а оно должно быть чисто

духовнымъ, ибо *Богъ духъ есть, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися*. Глубоко основательный отвѣтъ даетъ почившій святитель на эти кажущіяся многимъ сильными возраженія относительно церковной жизни, церковныхъ порядковъ. Христіанство, говоритъ преосвященный Ѳеофанъ, въ высшей степени духовно, ибо благодатно; но невидимо. И христіане истинные въ высшей степени духовны, ибо облагодатствовавы; но не безплотны. Почему, при всей духовности, они не могутъ не дѣйствовать тѣлесно не только въ отношеніи къ людямъ, но и въ отношеніи къ Богу. Отсюда подъ видимымъ въ церковной жизни непремѣнно скрывается невидимое, духовное. Существо церковныхъ обрядовъ и чиновъ — рядъ духовнѣйшихъ молитвословій, возносимыхъ къ Богу; внѣшнія же видимыя дѣйствія и положенія совершающихъ обряды и участвующихъ въ нихъ— только обстановка, неизбѣжная потому, что мы пространственны и временны и, что ни станемъ дѣлать, дѣлаемъ въ свое время, въ своемъ мѣстѣ и въ извѣстномъ порядкѣ. Вотъ примѣръ. Старушка проситъ священника отслужить панихиду на могилѣ сына или внука. Священникъ идетъ на могилу, надѣваетъ епитрахиль, читаетъ и кадитъ; причетникъ поетъ; старушка кладетъ поклонъ, стоя на колѣняхъ. Затѣмъ почитали, попѣли, покадили и пошли домой. Въ чемъ тутъ существо дѣла? Въ томъ духѣ вѣры, съ которымъ старушка пригласила священника, а священникъ совершилъ молитвенное поминовеніе по установленію церкви. Все же видимое—неизбѣжная обстановка, соотвѣтствующая значенію служенія и настроенію совершающихъ и участвующихъ въ немъ. Кромѣ того, священникъ съ предстоящими ему совмѣщаетъ въ себѣ всю церковь, и молитва его столь же сильна, сколько сильна вся церковь. Церковь преисполнена небесныхъ силъ. Кто соприкасается съ нею, тотъ самъ и причащается силъ ея. Въ соприкосновеніе же съ нею вводятъ разнообраз-

ныя церковныя молитвословія, или молитвенные чины. Они то-же въ жизни, что въ физическихъ опытахъ проволоки, проведенныя къ сильной электрической баттареѣ. За какую проволоку ни возьмись, хоть самую тоненькую, сила протока электричества опредѣлится не проволокою, а баттареею. Такъ и въ жизни: чрезъ какой чинъ ни прикоснись къ Церкви, ты коснешься всей ея силы, потому что Господь, какъ Глава ея, преисполняетъ ее всю и во всемъ. Внѣ церкви, что ни дѣлай, ничего не будетъ выходить.

Такъ и въ другихъ церковныхъ порядкахъ существо дѣла не во внѣшнемъ и видимомъ, а во внутреннемъ настроеніи духа: въ постѣ — не въ одномъ отказѣ въ пищѣ и снѣ, а въ духѣ покаяннаго смиренія и сокрушенія и въ отрѣшеніи отъ всякаго самоугодія; равно милостынетвореніе не въ однихъ обѣдахъ для нищихъ или подачахъ по тюрьмамъ и богадѣльнямъ или на папертяхъ церковныхъ, а во внутреннемъ настроеніи — милостивости, по примѣру и заповѣди Господа и во славу Его имени. Необходимость внѣшнихъ чиновъ и обрядовъ преосвященный Ѳеофанъ еще доказываетъ домостроительствомъ нашего спасенія. Если для нашего спасенія Богъ, Чистѣйшій Духъ, благоволилъ воплотиться, жить на землѣ и дѣйствовать тѣлесно, то какъ же можно намъ, естественно — тѣлеснымъ, содѣвать свое спасеніе безтѣлесно и духовно? Далѣе, Господь благоволилъ духовныя блага, стяжанныя Имъ, заключить въ вещественные сосуды, Божественныя таинства, и пользоваться ими повелѣлъ видимо, тѣлесно, чрезъ видимыя, Имъ же Самимъ чрезъ Апостоловъ утвержденныя посредства: благодать возрожденія пріимать чрезъ погруженіе тѣла въ воду, благодать общенія съ Господомъ— чрезъ вкушеніе Тѣла Его и Крови. И кромѣ того, всѣ сокровища благодатныя пріемлются чрезъ тѣло. Такимъ образомъ ни благами спасенія не можемъ мы пользоваться какъ-либо мысленно, ни содѣвать свое спасеніе — лишь духовно. Такъ

благоволилъ устроить Самъ Спаситель нашъ. Справедливо, что Богу надо служить духовно; но чтобы дойти до духовнаго служенія, надо прежде поупражняться во внѣшнемъ, и затѣмъ, достигши духовнаго, если кому Богъ дастъ, необходимо поддерживать и оживлять духовное опять тѣмъ-же внѣшнимъ, подобно тому, какъ жаръ печи поддерживается подкладываніемъ дровъ. Таковъ порядокъ въ церкви Божіей. Такъ поступали всѣ угодники Божіи.

Еще говорятъ: у насъ слишкомъ много обрядовъ: и все это человѣческаго происхожденія; и все это безъ всякой нужды и пользы. И на это преосвященный Ѳеофанъ прекрасно отвѣчаетъ. — Много? Чтожъ? Горевать отъ этого? Въ какомъ домѣ всего много, охаютъ тамъ отъ этого? Церковь есть домъ Божій. Если въ ней всего много по экономіи, т.-е. по устроенію спасенія чадъ ея и—слава Богу!—Много у насъ церковности оттого, что насъ много и потребностей у насъ много. Святая Церковь обнимаетъ своею церковностію всего человѣка и во всю жизнь: она принимаетъ его въ свои объятія тотчасъ по рожденіи, сопутствуетъ ему по всему теченію жизни и препровождаетъ его на тотъ свѣтъ. Такъ слава Богу, что въ Церкви всего много. — Наконецъ, уклоняющіеся отъ живаго союза со святою Церковію по равнодушію и безпечности, или же по духовной гордости и противленію (сектанты, отступники), съ укоромъ говорятъ: всѣ церковные чины, законоположенія и уставы человѣческаго происхожденіа, а потому, будто-бы, необязательны и совершенно ненужны и даже безполезны въ дѣлѣ спасенія. И на эти возраженія и укоризны почившій святитель даетъ глубоко-основательные отвѣты. Святая Церковь, говоритъ онъ, не обыкновенное человѣческое общество, а есть тѣло, состоящее подъ Главою Христомъ Господомъ, Духомъ Святымъ руководимое и животворимое и благоволеніемъ Бога Отца объемлемое. Если въ тѣлѣ нашемъ ничего не дѣется безъ зависи-

мости отъ головы, то тѣмъ болѣе (надо вѣровать такъ есть) въ Церкви Божіей, какъ тѣлѣ Господа, ничего не бываетъ ни большаго, ни меньшаго безъ Господа, Который есть Глава ея. Потому все въ ней не одного человѣческаго происхожденія и обязательно не потому, что всѣ рѣшили быть такъ, а потому что такъ благоизволилъ Тріvпостасный Богъ. Внѣшніе чины святой Церкви, порядки, уставы въ главномъ и существенномъ учреждены святыми Апостолами, а дополнены и въ настоящій видъ приведены святою Церковію чрезъ святыхъ отцевъ, по внушенію Святаго Духа и руководству Господа Спасителя, въ духѣ Его и сообразно съ обѣтованіями Его, Который есть Глава Церкви. А посему все, что есть и установлено въ церкви; есть законъ для каждаго изъ насъ, пока онъ есть и держится въ Церкви. И святая Церковь, какъ многопопечительная матерь наша, руководимая своимъ Главою, щедро предлагаетъ все благопотребное, что питаетъ духъ нашъ и роститъ духовную жизнь. То она влечетъ насъ въ храмъ на молитву, то приглашаетъ къ таинствамъ, то постъ предлагаетъ, то мѣсто и образъ благотворенія указываетъ. Какъ наше тѣло растетъ и живетъ, извлекая жизненные соки изъ разныхъ видовъ принимаемой пищи, такъ и духъ нашъ питается и живетъ, проходя многіе чины церковной жизни и извлекая изъ нихъ сокрытыя въ нихъ духовныя стихіи. Какъ дыханіе тѣлесное освѣжаетъ и оживляетъ весь организмъ, такъ и хожденіе въ церковныхъ порядкахъ освѣжаетъ и оживляетъ весь составъ духовной жизни. Если кто, говоритъ преосвященный Ѳеофанъ, думая, что христіанство духовно, чуждается таинствъ, то въ немъ нѣтъ и сѣмени духовной жизни. Если же кто принялъ сіе сѣмя въ святой Церкви чрезъ таинства, а отъ прочаго церковнаго—молитвъ церковныхъ, постовъ и другихъ порядковъ церковныхъ—отвращается, то сѣмя сіе навѣрно заглохло и изсохло, не имѣя потребныхъ элементовъ для питанія... Справедливое,

глубоко-остроумное и истинное сравненіе дѣлаетъ преосвященный Өеофанъ: «Вообрази большую, широкую и глубокую рѣку. Чрезъ нее настроены мосты и устроены разныя другія переправы—лодки, пароходы. Кому нужно переправиться на другую сторону, идетъ чрезъ мостъ, садится на лодку или пароходъ,—и переправляется. Но вотъ явились мудрецы, которые, возмечтавъ, что имъ для переправы ненужны ни мосты, ни лодки, а что духъ нѣкій схватитъ ихъ и перенесетъ, сѣли на берегу съ увѣренностью, и сидятъ, не двигаясь, лишь съ усмѣшкою посматривая на другихъ переправляющихся, какъ заведено (и обзывая ихъ неразумными). Попадутъ они когда либо на другой берегъ?—Конечно, нѣтъ, такъ и просидятъ весь свой вѣкъ. Точь въ точь въ такомъ находятся положеніи тѣ, которые чуждаются святой Церкви и всѣхъ ея спасительныхъ учрежденій, Самимъ Господомъ установленныхъ во спасеніе наше. Не видать имъ того берега и не ступить на землю спасенныхъ».

Такимъ образомъ, покорные сыны Церкви, пребывая въ живомъ союзѣ со святою Церковію, чрезъ то пребываютъ въ союзѣ съ Самимъ Господомъ, какъ Главою ея, и съ устроителями ея святыми Апостолами, и съ продолжателями ихъ дѣла—святителями, и съ вѣрными исполнителями—святыми мучениками и преподобными. При вѣрности такому союзу, вѣрующіе—подъ несокрушимымъ покровомъ, жизнь ихъ обильно развивается и зрѣетъ, восходя отъ силы въ силу. И сколько совершенныхъ въ духовности мужей востекло на сію высоту! И всѣ они жили строго по церковнымъ порядкамъ. И почившій святитель Божій былъ покорнѣйшимъ сыномъ святой Церкви, строго и свято слѣдовалъ порядкамъ ея, испыталъ на себѣ всю благотворность и спасительность церковнаго покрова и завѣщалъ всѣмъ вѣрующимъ состоять также въ живомъ союзѣ со святою Церковію и подъ ея спасительнымъ руководствомъ содѣвать свое спасеніе.

Вѣчная память святителю Божію, оставившему всѣмъ намъ православнымъ христіанамъ и всѣмъ грядущимъ вѣкамъ драгоцѣнное наслѣдіе въ его многочисленныхъ душеспасительныхъ сочиненіяхъ и въ высокомъ примѣрѣ его истинно-Богоугодной жизни!

Рѣчь преосвященнаго Никандра, епископа Нарвскаго, произнесенная въ торжественномъ собраніи членовъ «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, въ духѣ православной Церкви», въ память преосвященнаго епископа Ѳеофана.

Досточтимое собраніе! Насъ созвала сюда сегодня благодарная признательность и почтительное уваженіе къ памяти въ Бозѣ почившаго святителя—подвижника русской Церкви, преосвященнаго епископа Ѳеофана, незримо для міра много лѣтъ подвизавшагося въ безмолвіи и затворѣ, въ глуши далекихъ Тамбовскихъ степей, въ пустынной обители, находящейся подъ особымъ покровомъ Божіей Матери, чрезъ чудотворную Ея икону, именуемую Вышенскою.

Есть дѣла и творенія человѣческія, называемыя великими, по ихъ широкому и многобъемлющему значенію, по ихъ воздѣйствію и вліянію на массы человѣчества простирающимися на отдаленныя времена, пространства и поколѣнія. Есть доблести и заслуги общественныя и частныя, гражданскія и военныя, которыя надолго привлекають къ себѣ почтительное вниманіе современниковъ и доставляютъ ихъ виновникамъ славу въ памяти народной. Есть великія произведенія ума и талантовъ въ области науки, искусства, литературы и ху-

дожества, воздвигающія собою для авторовъ и творцовъ ихъ «нерукотворенные памятники», къ которымъ, по собственному выраженію ихъ авторовъ, «не заростетъ народная тропа».—Но всѣ эти называемыя великими и высокими произведенія человѣческой мудрости, выдающихся умовъ и талантовъ людей, прославившихся въ разныхъ областяхъ и отправленіяхъ человѣческой жизни: въ наукѣ, искусствахъ, философіи, поэзіи и художествахъ, на поприщахъ практической общественной или международной дѣятельности, поскольку служатъ и достигаютъ лишь земныхъ цѣлей и интересовъ, осуществляютъ лишь земныя задачи, въ сферѣ также лишь земныхъ только, житейскихъ нуждъ и отношеній, или,—выражаясь библейско-церковнымъ языкомъ—поскольку они являются лишь *душевными*, а не *духовными*, постольку же они ограничиваются или вѣнчаются и соотвѣтствующею имъ только земною, человѣческою, временною славой... Они, такимъ образомъ, получаютъ должное, какъ награду свою—въ славѣ людской (временно), въ памяти народной (на болѣе продолжительный періодъ, пока еще живы о нихъ преданія), и, наконецъ, въ исторіи отдѣльнаго народа или народовъ (насколько послѣдняя можетъ сохранить слѣды ихъ значенія въ сказаніяхъ о нихъ и ихъ вліяніи на близкія или отдаленныя поколенія). И сбывается тутъ надъ ними слово Христово въ Евангеліи: *аминь, глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою* (Матѳ. 6, 2. 5. 16). Далѣе показанныхъ границъ слава тѣхъ людей и произведеній простираться уже не можетъ.

Не то бываетъ въ другой области и въ другаго рода человѣческихъ произведеніяхъ, — въ области высшей, Богоподобной стороны духа человѣческаго и духовной жизни людей, въ сферѣ высшихъ, идеальныхъ, религіозно-нравственныхъ, Богоподобныхъ ея проявленій. Здѣсь высшая качественность послѣднихъ сравнительно съ первыми даетъ возмож-

ность и въ количественно-пространственномъ, такъ сказать, отношеніи простираться имъ своимъ значеніемъ и вліяніемъ на необъятное протяженіе вѣковъ и поколѣній, выходить за предѣлы данной эпохи, даже удаляться своими послѣдствіями въ отдаленную и необъятную область невѣдомаго будущаго, уносить и увлекать туда вмѣстѣ съ собою души, умы и сердца другихъ людей, находящихъ въ нихъ для себя духовную пищу, высшее руководство и удовлетвореніе своихъ существенныхъ духовныхъ потребностей и стремленій. Таковы произведенія Богоподобнаго духа человѣческаго, когда они бываютъ запечатлѣны характеромъ истинной духовности, когда ихъ проникаетъ духъ высшихъ стремленій, направленныхъ въ область вѣчной небесной жизни, къ цѣлямъ религіознымъ—благодатнаго освященія, Богоуподобленія и спасенія.

Таковыми-то въ общемъ и являются предъ нашими взорами, прежде всего, высокоблагочестивая личная жизнь воспоминаемаго нынѣ нами святителя — подвижника, служащая живымъ, дѣйственнымъ, высоко-поучительнымъ и нравственно-назидательнымъ примѣромъ для христіанъ нынѣшняго времени, а потомъ—и его учено-литературные, религіозно-нравственнаго характера, сочиненія, способныя оказывать свое благотворное вліяніе не только на современниковъ, но и на отдаленныя поколѣнія. Эти произведенія великаго подвижника вѣры и благочестія христіанскаго, полныя духовно-благодатнаго помазанія, въ возможной полнотѣ и близости отражаютъ въ себѣ духъ ученія Христова и Апостольскаго, мысли, характеръ и содержаніе твореній богопросвѣщенныхъ отцевъ и учителей Церкви, и всѣ направлены къ указанію высшаго блага, вѣчныхъ цѣлей бытія человѣческаго и надежнаго пути въ царствіе небесное. Они не только способны пробуждать человѣка—христіанина отъ духовнаго усыпленія, не только вызывать его изъ состоянія религіозной апатіи, равнодушія къ вѣрѣ, такъ называемой, *теплохладности*, столь распро-

страненной нынѣ среди современныхъ христіанъ, но вмѣстѣ и столь опасной, какъ Богомъ осужденной (Апокалипс. 3, 16), не только побуждаютъ христіанина-грѣшника къ покаянію, исправленію и благодатному обновленію жизни во Христѣ; но и указываютъ ему самыя надежныя, Богомъ дарованныя и всѣмъ доступныя, средства къ достиженію всего этого—къ освященію и Богообщенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ поддержанію въ себѣ, по возможности, постояннаго жизнерадостнаго настроенія духа, которое происходитъ отъ чувства въ себѣ жизни Христовой, на что нѣкогда указалъ святый Апостолъ Павелъ (Галат 2, 20; срав. Филип. 3, 8; Ефес. 3, 17), отъ сознанія дѣйствительнаго примиренія съ Богомъ, съ людьми и съ своей совѣстію: словомъ—способствуютъ достиженію еще здѣсь, на землѣ, предвкушенія того блаженнаго состоянія и успокоенія въ Богѣ, какое обѣщано истинно-благочестивому христіанину въ словѣ Божіемъ и составляетъ достояніе святыхъ.

Особенная заслуга преосвященнаго Ѳеофана въ томъ, что онъ своими многотомными трудами настойчиво указалъ, напомнилъ и, можно сказать, даже открылъ для многихъ современныхъ православныхъ христіанъ такъ давно забытую ими, а при нѣкоторыхъ по временамъ напоминаніяхъ — снова такъ часто забываемую современнымъ обществомъ неисчерпаемую сокровищницу ученія церковнаго, святоотеческаго, въ которой только одной неприкосновенно и неизмѣнно хранится свѣтъ истины Христовой, какъ онъ возженъ Самимъ Спасителемъ и Его святыми Апостолами. Почившій архипастырь изданіемъ своихъ истолковательныхъ и нравственно-назидательныхъ твореній напоминательно указалъ и открылъ этотъ свѣтъ въ приложеніи какъ къ изъясненію истиннаго смысла Священнаго Писанія, такъ и къ изученію духовной жизни человѣка вообще, къ улучшенію и обновленію всего жизне-поведенія христіанина въ частной, домашней, семейной, об-

щественной и церковной жизни. Теперь тѣ, кому дороги высшіе интересы души своей, кто не хочетъ заранѣе обречь себя на духовную погибель, а желаетъ спасенія и вѣчноблаженной жизни—могутъ прямо идти къ этому свѣту, чтобы, подъ руководствомъ его, при чтеніи слова Божія и на жизненномъ пути своемъ не заблудиться или не упасть въ яму, какъ бываетъ съ тѣми, кто идетъ искать разъясненія смысла жизни и Евангельскаго ученія къ тѣмъ философамъ—лжеучителямъ, которые, въ самообольщеніи лжемудрствующаго ума своего, *ни сами не разумѣютъ яже глаголютъ и о нихже утверждаютъ* (1 Тим. 1, 7), ни другихъ не наставляютъ въ истинѣ, а какъ *слѣпцы, ведущіе слѣпцовъ,* по выраженію Евангелія (Матѳ. 15, 14), и сами падаютъ въ яму, и другихъ увлекаютъ туда-же, идущихъ за ними... Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, такіе суемудрые учители вѣка сего могутъ дать другимъ то, чего сами не имѣютъ?!

Что касается духовной жизни человѣка-христіанина, которая, какъ и слово Божіе, также почти совершенно неизвѣстна, темна и непонятна для большинства современнаго общества, не знающаго часто даже азбуки духовной жизни, а не только высшей мудрости ея, и живущаго большею частію лишь низшею, чувственно-тѣлесною жизнію,—то поминаемый нынѣ нами архипастырь-учитель раскрылъ эту духовную жизнь въ своихъ сочиненіяхъ всѣмъ доступнымъ образомъ, съ неподражаемою ясностію и простотою, во всей ея глубинѣ и широтѣ, во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ, въ систематическомъ порядкѣ и естественной послѣдовательности ея развитія. Здѣсь для каждаго, можно сказать, возраста духовнаго, для каждой степени образованія есть своя духовная пища, своя наука, свое доступное ученіе, начиная отъ млека до твердой пищи, отъ азбуки духовной жизни до высшей мудрости духовной, доступной уже только совершеннымъ. Въ «Письмахъ о христіанской жизни» каждый чита-

тель можетъ видѣть у нашего автора—что такое духовная жизнь и какъ на нее настроиться. Можетъ видѣть, и въ то же время крайне изумиться, какъ самъ онъ (читатель) далекъ былъ отъ пониманія истиннаго смысла и значенія дѣйствительной духовной жизни. Можетъ видѣть и понять, какая существуетъ громадная разница въ качественномъ отношеніи между духовнымъ состояніемъ невозрожденнаго человѣка, а потомъ—и возрожденнаго, но заглушившаго въ себѣ дѣйствіе благодати Божіей своею жизнію и поведеніемъ, *живущаго по вѣку міра сего* и *влающагося всякимъ вѣтромъ ученія,*—и внутреннимъ состояніемъ того, кто вступилъ на путь покаянія и дѣйствительнаго исправленія жизни, кто отдался призыву и воздѣйствію на него благодати Божіей, и, взявшись за рало христіанскаго жизнеповеденія, уже не озирается назадъ а напротивъ, по слову Апостола: *задняя забывая, въ предняя же простираяся, течетъ къ почести вышняго званія* (Филип. 3, 13—14), и, съ Божіею помощію, дѣйствительно восходитъ отъ совершенства къ совершенству, по заповѣди Господа (Матѳ. 5, 48). Можетъ видѣть и понять тутъ, какъ представляющіяся на первый взглядъ трудными и неудобоносимыми, повидимому, правила и требованія нравственнаго закона Христова, начиная отъ общеобязательныхъ для всѣхъ заповѣдей и кончая Евангельскими совѣтами, предоставленными добровольному исполненію могущихъ вмѣстити, — оказываются на самомъ дѣлѣ удобоисполнимыми и осуществимыми въ жизни тѣми же подобострастными намъ людьми... И когда читатель «Писемъ о христіанской жизни» попробуетъ осуществить совѣты и наставленія ихъ въ своемъ собственномъ жизнеповеденіи, ставъ бодрственно на стражѣ сердца и помышленій ума своего, то онъ, при помощи благодати Божіей, вскорѣ же собственнымъ опытомъ дознаетъ и убѣдится, всѣмъ своимъ существомъ возчувствуетъ, какъ поистинѣ и дѣйствительно

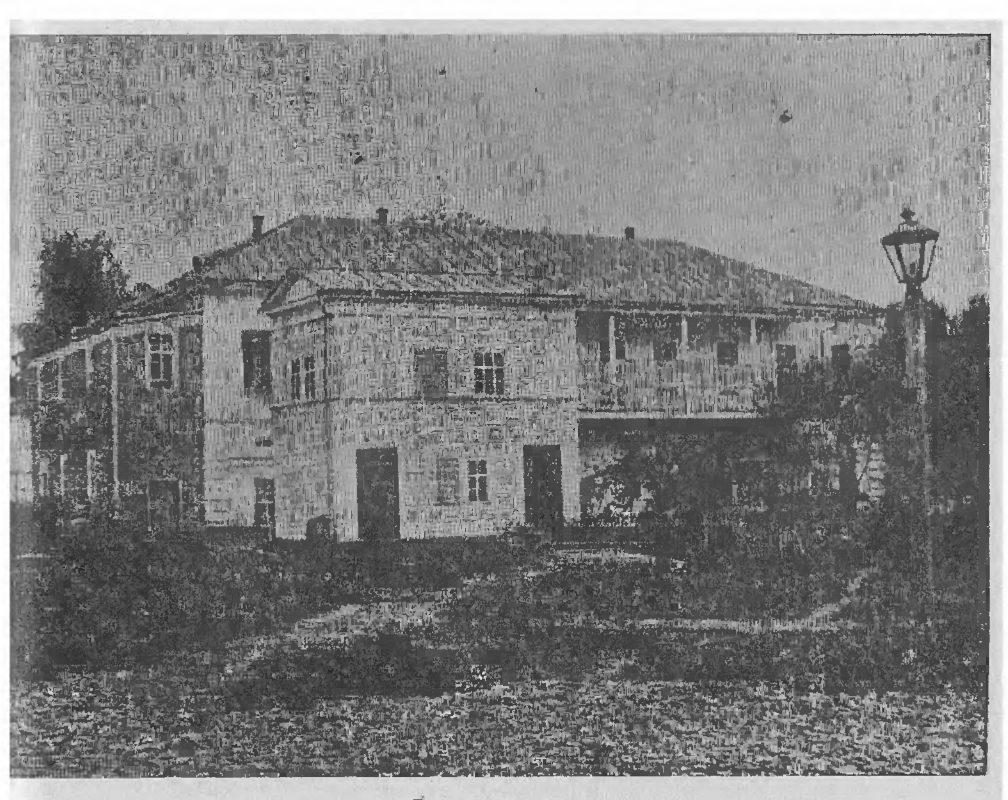
иго Христово—благо и бремя Его легко есть (Матѳ. 11, 30). Онъ не только не будетъ тяготиться имъ, какъ чуждой и принудительно навязанной ему рабской ношей; нѣтъ, онъ, напротивъ, вкуситъ духовную сладость несенія его, испытаетъ высшее духовное удовлетвореніе и неземное наслажденіе, или радостотворное состояніе духа и чувства, какое свойственно истинно благочестивымъ избранникамъ Божіимъ.

Не станемъ входить въ дальнѣйшія подробности въ разсмотрѣніи жизни и учено-литературныхъ трудовъ почившаго архипастыря и учителя церковнаго, чтобы не утомить вашего вниманія и предоставить слово другимъ. Теперь же заключимъ свою рѣчь нѣсколькими краткими и общими замѣчаніями.

Въ Бозѣ почившій святитель своею жизнію и своими трудами представляетъ то дивное, непонятное съ точки зрѣнія міра сего и сильнѣе всякихъ другихъ доказательствъ и соображеній обличающее мірскія лжемудрованія,—явленіе, которое, съ одной стороны, служитъ къ прославленію Бога въ лицѣ почитающихъ Его, а съ другой—къ оправданію великаго значенія и пользы для общества и общественной жизни монашества, даже являющагося въ духѣ строгаго аскетизма и затворничества. Въ лицѣ преосвященнаго Ѳеофана мы имѣемъ общаго христіанскаго учителя — при его безмолвіи; общественнаго дѣятеля—въ затворѣ; церковнаго проповѣдника, всюду слышимаго, хотя и не являвшагося въ послѣднее время на церковной каѳедрѣ; миссіонера-обличителя сектантскихъ заблужденій, хотя и не выступавшаго на поприщѣ открытой миссіонерской дѣятельности, яркаго свѣтильника ученія Христова для народа православнаго, хотя видимо для всѣхъ и не стоявшаго въ послѣднее время на свѣщницѣ церковномъ, хотя и укрывавшагося отъ взоровъ народныхъ; никакого почти достатка матеріальнаго не имѣвшаго, но всѣхъ богатившаго и богатящаго доселѣ духовнымъ достояніемъ ученія своего; не искавшаго временной земной славы, но прославляемаго

теперь и людьми, и наукою, и цѣлыми учрежденіями, и самыми своими твореніями, въ которыхъ воздвигъ себѣ «памятникъ нерукотворный»... И исполняется надъ нимъ тутъ другое слово Христово въ Евангеліи, вопреки ищущимъ мірской, земной славы: онъ работалъ Отцу небесному *втайнѣ*, и вотъ мы какъ-бы слышимъ Спасителя, говорящаго ему словами Евангелія: *и Отецъ твой, видяй втайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ* (Матѳ. 6, 4. 6).

Движимые признательностью къ его великимъ трудамъ, подвигамъ и заслугамъ, воздадимъ и мы ему хотя немногое должное, по обычаю православно-церковному; почтимъ память его не тѣмъ, чуждымъ осмысленнаго значенія, безмолвнымъ вставаніемъ, которымъ нынѣ привыкли воздавать почтеніе почившимъ дѣятелямъ изъ подражанія западнымъ обычаямъ; но, какъ православные христіане, молитвенно попросимъ Господа, да упокоитъ Онъ душу его со всѣми Святыми, провозгласимъ ему вѣчную память!..

Вышинская Пустынь.
Домик (на переднем плане). — место затвора святителя Феофана.
Фото XIX в.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва., Декабря 21-го дня, 1904 года.

Цензоръ, Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

